

**ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ им. А.Х. МАРГУЛАНА
КОМИТЕТА НАУКИ
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

К.М. Карабаспакова

**ЖЕТЫСУ И ЮЖНЫЙ КАЗАХСТАН
В ЭПОХУ БРОНЗЫ**

АЛМАТЫ-2011

ББК
К

Карабаспакова К.М. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. – Алматы, 2011. – 220 с., илл.

ISBN

В книге изложены результаты диссертационного исследования К.М. Карабаспаковой, завершеного ею в 1998 г. Несмотря на то, что прошло более 10 лет, работа не утратила своей актуальности. Многие вопросы эпохи бронзы евразийского пояса степей до сих пор вызывают споры и острые дискуссии. Это обусловлено тем, что предлагаемая публикация содержит значительный по объёму систематизированный материал, представляющий итог почти 20-летних полевых исследований в Жетысу и Южном Казахстане.

Итогом исследования является научно обоснованное заключение о выделении буйенской культуры в Жетысу.

Книга адресована археологам, историкам, студентам исторических специальностей.

ISBN

Ответственный редактор – *А.З. Бейсенов*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*Б.А. Байтанаев, В.В. Варфоломеев, В.Г. Ломан (отв. секретарь), И.А. Кукушкин,
М.В. Бедельбаева, Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева, А. Касеналин*

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

*В.В. Евдокимов, доктор исторических наук, профессор
Ж.К. Таймагамбетов, доктор исторических наук, профессор*

Рекомендовано к печати Ученым советом Института археологии
им. А.Х. Маргулана КН МОН РК

Издание осуществлено на средства Сарыаркинской экспедиции
(руководитель – *А.З. Бейсенов*) и ТОО «НИЦИА Бегазы-Тасмола»

© К.М. Карабаспакова, 2011
© Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011
© ТОО НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
Мои встречи с Культай Мухамедьевной Карабаспаковой (А.С. Ермолаева) ..	7
Об исследовании К.М.Карабаспаковой памятников эпохи бронзы Жетысу и Южного Казахстана (А.Н. Марьяшев)	12
О работе Культай Мухамедьевны Карабаспаковой (В.В. Варфоломеев)	14
Введение	18
Глава 1	
История изучения памятников эпохи бронзы Жетысу и Южного Казахстана	22
Глава 2	
Характеристика памятников	37
2.1 Погребальные сооружения и обряд захоронения	44
2.1.1 Конструкции надмогильных и могильных сооружений, их ориентировка	44
2.1.2 Способ захоронения: положение и ориентировка погребённых	63
2.1.3. Культ огня	75
2.2 Погребальный инвентарь	77
2.2.1 Керамика	77
2.2.2 Металлические и иные изделия	108
2.3 Поселения	113

Глава 3

Периодизация, хронология и культурная принадлежность памятников . . . 116

3.1 Средняя бронза 117

3.2 Поздняя бронза 132

3.3 Финальная бронза 135

3.4 Типология и датировка случайных находок (металлические изделия) 143

Глава 4

Историко-археологический экскурс: восточно-евразийский ареал и семиреченский очаг андроновской культурно-исторической общности, общее и особенное в культуре 172

4.1 Центры андроновской культуры и её периферийные очаги 172

4.2 Динамика культурно-исторических процессов. Пути миграций и освоение предгорной зоны 179

4.2.1 Период развитой бронзы 180

4.2.2 Период поздней бронзы 184

Заключение 188

Список литературы 193

Список сокращений 207

Түйіні 209

Summary 214

ОТ РЕДАКТОРА

Издание монографии Культай Мухамедьевны было запланировано несколько лет назад, когда в бронзоведении казахстанской археологии накопилась масса проблем и вопросов. Наиболее остро грани этого направления науки обозначились после обсуждения проблем по эпохе поздней бронзы и переходу от бронзового к железному веку на международной конференции «Бегазы-дандыбаевская культура Центральной Евразии», состоявшейся в г. Алматы в 2008 г. По ряду объективных причин осуществление этой задумки растянулось на несколько лет и только к нынешней осени стало возможным подготовить книгу.

Изучение эпохи бронзы Жетысу и Южного Казахстана, несмотря на исследования последних лет, остается весьма актуальным. Поэтому ввод в научный оборот материалов, полученных в конце XX в., просто необходим.

С начала-середины 1990-х гг., когда была подготовлена диссертация К.М. Карабаспаковой, прошло немало времени. За этот период отечественная археология пополнилась принципиально новыми данными по эпохе бронзы, полученными в разных

уголках нашей страны. Это памятники на плато Асы, в ущелье Тургень, в окрестностях Алматы – в Жетысу, поселение металлургов Талдысай, могильник Бегазы и протогород Кент – в Центральном Казахстане, это могильники Бестамак и Халвай, а также комплекс памятников у г. Лисаковск – в Торгайском прогибе, и ряд других.

На новый уровень поднялось изучение бронзового века, особенно в Жетысу, здесь проводили свои новые исследования А.Н. Марьяшев, А.С. Ермолаева, А.Е. Рогожинский, А.А. Горячев, Ю.А. Мотов и другие археологи. Неизмеримо увеличилось количество памятников. По данным А.А. Горячева в настоящее время только поселений эпохи бронзы в Жетысу насчитывается свыше 30. Помимо известных, открыты многочисленные новые могильники.

Культай Мухамедьевна стояла у истоков развития бронзоведения Жетысу. В диссертационном исследовании, используя свои полевые материалы, а также, в ряде случаев, некоторые данные своих коллег, она тщательно проанализировала и обобщила основную часть имеющего к тому времени комплекса источников. Ее выводы и

заклучения, безусловно, очень важны в русле нынешних разработок и должны вписаться в общую канву современного изучения бронзы Жетысу.

Этот момент, помимо прочего, особенно касается проблем позднебронзового века. Научные вопросы, приведшие К.М. Карабаспакову к обоснованию выделения буйенской (биенской) культуры, блестяще рассмотрены в диссертационном исследовании, и такая постановка проблемы, — как и само выделение новой культуры, — на мой взгляд, является вполне правомочным.

Несмотря на то, что в книге по объективным причинам не приводится анализ нового материала, актуальность издаваемой монографии не теряется. Этот недостаток не умаляет значения и научных достоинств работы, а наоборот, обобщающая монография Культай Мухамедьевны в настоящее время как нельзя кстати.

Когда говоришь об археологии, перед глазами предстают картинки с экранов телевизора: несколько взмахов тонкой кисти, — и перед тобой сосуд с непривычным орнаментом, или наконечник стрелы... Только сами археологи знают: для того, чтобы произвести последний взмах кисти, нужны недели и месяцы напряженной работы при любых погодных и природных условиях, полевая разведка, раскопки при помощи «грубой» лопаты, лома, носилок, тачек... А потом — скрупулезный, дотошный процесс обработ-

ки полученных данных — чертежей, костных и керамических материалов; описание, склеивание, атрибуция, заключения узких специалистов — антропологов, трасологов, археозоологов, технологов... Анализ и обобщение информации...

Культай Мухамедьевну уважал, ценил и по-отечески любил Кималъ Акишевич — ее руководитель по аспирантуре. Мы уважаем Таню, как ее называли коллеги и друзья в Караганде. Мы, археологи-полевики, отдаем дань ее профессионализму, силе духа, мужеству, достоинству. Она борется с тяжелой болезнью стойко, терпеливо, с присущим для нее спокойствием.

Эта хрупкая, маленькая женщина сказала свое слово в археологии Казахстана, она спокойно, честно делала свою работу. Потому что — Археолог, Женщина, честный, порядочный Человек. Помимо чисто научной стороны издаваемой монографии, хотелось бы привлечь внимание молодых сотрудников к человеческой составляющей труда Культай Мухамедьевны.

А.З. Бейсенов

МОИ ВСТРЕЧИ С КУЛЬТАЙ МУХАМЕДЬЕВНОЙ КАРАБАСПАКОВОЙ

Одна из сторон жизни человека представлена в виде непрерывной цепи встреч и расставаний. Встречи бывают разные, как и расставания, но главное, что от них остаются воспоминания. С возрастом воспоминания все больше места занимают в жизни человека, вытесняя реальность и вместе с тем подпитывая его. Сила памяти о человеке прямо пропорциональна силе его личности. Поэтому один человек оставляет яркий след в памяти, а другой проходит безлико. Культая Мухамедьевна сразу же произвела на меня впечатление сначала своеобразной манерой говорить, немного картавя, смеяться заливисто и от души, жестикулировать плавно, не размахивая руками. А потом пришло уважение и легкая зависть, что она такая умная, эрудированная, все в археологии знает...

Таня-Кыпчачка — это было второе ее имя сначала среди карагандинских археологов, а затем и алма-атинских. Так мы стали звать ее после появления в отделе археологии в 1984 г. Она сразу привлекла к себе внимание тем, что на экзаменах в целевую аспирантуру не

только продемонстрировала отличные оценки, но и показала себя зрелым специалистом, имеющим в научном багаже наработанную тему по металлическим изделиям эпохи бронзы. Поразительным было и то, что находясь на большом сроке беременности, она, тем не менее, не считала необходимым и возможным прерывать свою научную и полевую работу даже на короткий срок. К происшедшему она отнеслась с присущим ей философским спокойствием, заявив, что она казашка, а женщины-казашки по традиции предков часто своего первого ребенка отдают бездетным родственникам. Она же на время оставит ребенка в семье мужа. Дело в том, что пока проходила все бюрократические ступени заявка в целевую аспирантуру, прошло достаточно длительное время и Таня успела выйти замуж. Как известно, К.А. Акишев очень неодобрительно относился к появлению женщин в отделе археологии в качестве полевых археологов, т.к. они имели одно отрицательное для работы качество — беременели и рожали. А тут беременная аспирантка! Но Таня, видимо, произвела

на него настолько сильное впечатление своим профессионализмом, что он пожелал стать ее руководителем. Надо сказать, что в 70-е – 80-е годы карагандинские археологи выгодно отличались даже от столичных академических, не говоря уже об областных центрах, – это был хорошо подготовленный коллектив единомышленников, прошедший отбор из сотен школьников в мощных археологических экспедициях и выкристаллизовавшийся в то, что определялось термином «школа Г.Б. Здановича». После отъезда Здановичей – Геннадия Борисовича и Светланы Яковлевны, о которых Таня отзывалась с особой теплотой, дело продолжил В.В. Евдокимов.

Кималь Акишевич как руководитель сразу определил Тане тему, которая считалась невыполнимой на то время – памятники эпохи бронзы Семиречья и Южного Казахстана. Памятники уже начали появляться, но их было мало, большую часть их еще предстояло найти, что вполне могло быть маловероятным. Таня понимала, что за короткий аспирантский срок в такой ситуации ей едва ли удастся выполнить эту тему. Приехав со своей, во многом готовой работой с красивым названием «Металлические изделия эпохи бронзы Казахстана», она, как и все в отделе, была уверена, что будет про-

должать ее, поэтому новая тема вызвала у нее что-то похожее на шок. Спорить с К.А. Акишевым было бесполезно: во-первых, решения свои он обычно не менял, во-вторых, это была обдуманная стратегическая цель использовать подходящий случай для начала целенаправленных исследований по бронзе южных регионов Казахстана.

Во всей этой ситуации был еще один неприятный момент – отношения с археологами, у которых были материалы с открытых ими памятников эпохи бронзы Семиречья. На появление «чужака» и конкурента была болезненная, а у некоторых археологов и агрессивная реакция. Сдерживающим фактором был только авторитет К.А. Акишева. И вот с таким багажом надо было начинать работу в новом незнакомом регионе беременной женщине...

К полевому сезону 1984 г. Таня уже родила дочь Асю, оставила ее в Караганде и прибыла в Алма-Ату. В этом и следующем полевых сезонах мы с ней оказались вместе в САЭ, которой руководил Алишер Кималевич Акишев. Алишер, как все высокоинтеллектуальные личности, очень сложный человек, в общении с которым можно было за короткое время пройти все точки шкалы отношений. В первый полевой сезон отношения в основном были равными

за счет прилагаемых усилий с обеих сторон – мы все очень старались... Алишер, например, торт привез нам из поселка Капал, чем растрогал нас почти до слез (где он там его достал, до сих пор не понимаю?!). Мы в ответ пекли пирожки и бурсаки, вечера проводили в беседах, Алишер блистал эрудицией и талантом рассказчика. Второй сезон был более расслабленным, мы уже меньше подстраивались друг под друга, были сами собой, поэтому возникали конфликты между женской и мужской половинами, порой они были

довольно жесткими, но кратковременными. В первый сезон Таня копала поселение недалеко от лагеря и от строящейся Биенской плотины. Я копала усуньское жилище, которое Алишер принял за бегазинскую ограду из-за высоко торчащих плит. Показывая конструкцию мне, новичку в Семиречье, он важно, потечески произнес: «Фирма веники не вяжет, Тонька, я гарантирую тебе бегазинскую ограду». Тонька (т.е. – я, прим. А.С. Ермолаевой), обошла конструкцию, в сомнении покачала головой и заложила раскоп в виде

Археологи на привале. На переднем плане Итенов Абдыкадыр (с чайником), слева направо: Акишев Алишер (начальник экспедиции), Тлеуов Серик Шырынханович (художник), Ермолаева Антонина, Карабаспакова Культай, Абросимов Юрий (шофер).

квадратной сетки, как для поселения, что и оказалось правильным. Меня сразу насторожило обилие мелких фрагментов керамики на поверхности, не имеющих, к тому же, никакого отношения к бегазам. А у Тани, действительно было поселение эпохи бронзы, но, к сожалению, не очень выразительное. Я с завистью и некоторым сожалением смотрела на филигранную методику раскопок – такое мастерство достойно эталонного поселения. Но, как настоящий археолог, она не делила памятники на плохие и хорошие.

Запомнился лагерь на берегу горной речки в 11 км от санатория Капал-Арасан. Наши женские одноместные палатки, по нашей просьбе, были поставлены на противоположной от мужчин стороне речки. Чем дальше, тем тише и спокойнее было вдали от мужских полевых общений. Мешало только огромное количество змей разного возраста и калибра. Вечером мы все собирались за столом под облепихой и, не спеша, пили чай. Много говорили. Таня, обычно, пила чай с ягодами облепихи, ветки которой буквально висели над головами. Однажды она в течение всего вечера задумчиво выдавливала сок облепихи в свежую ранку на пальце, а на другой день ранка затянулась почти полностью. Меня тогда поразили ре-

генерирующие способности облепихи.

Во втором полевом сезоне из-за малого количества чертежных работ Серик Шырынханович Тлеуов прочно обосновался на кухне. К поварским обязанностям он относился очень ответственно, готовил отлично, очень переживал, если кто-то задерживался к столу. Однажды вечером, придя со своего раскопа, я обнаружила Серика в сильном переживании, потому что машина с ребятами и Алишером до сих пор не приехала с раскопок. В тот год Таня копала могильник под Капал-Арасаном и каждый день машина увозила и привозила ее с ребятами. Через час и я начала нервничать, было не до еды. Наконец в двенадцатом часу ночи приехал наш «ГАЗ-66» в грязи по самые, что называется, уши. Я ахнула – откуда грязь? Был сухой засушливый сезон, ни одной лужи! Из кузова вылезла измученная Таня и мне рассказала, что машина по вине пьяного водителя зачем-то оказалась возле санатория и каким-то образом не смогла объехать единственный в Капал-Арасане грязевый сероводородный источник и до кузова увязла в нем. Вытащить ее смогли только с помощью трактора и крана. И до этого и после было еще много других более опасных приключений, но нас хранило провидение. А я в очередной раз

поражалась Таниному спокойствию и выдержке, когда она говорила: «Ну что поделаешь? Мы же изменить это не можем...» Или: »Ты понимаешь, ну вот он такой (такая)...». Но при этом в голосе не было ни отчаяния, ни истерики, ни тупой безысходности. Это был философский подход к происходящему и оценка своих сил и возможностей для выхода из создавшейся ситуации. Но если ситуация не поддавалась изменению, то мозг включал механизм адаптации организма для максимально полноценной жизни уже в ином состоянии. Поэтому, вторая половина ее жизни не ограничилась только мужественной борьбой с болезнью. Думая о Тане, я вспоминаю книжного советского героя Павку Корчагина. Тогда

в школьные годы он казался каким-то отвлеченным нереальным персонажем, но вот оказывается, что это совсем даже жизненная ситуация, а такие люди есть и среди нас. Уже серьезно болея, она родила второго ребенка, доделала и успешно защитила кандидатскую диссертацию в 1998 г., которая характеризовалась доскональным разбором накопленных материалов по южному региону и основательной теоретической базой.

В заключение можно привести слова в духе Таниной жизненной философии: «Ну что поделаешь, если так получилось?! А все равно жить можно и нужно, а главное – радоваться жизни».

А.С. Ермолаева

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ К.М.КАРАБАСПАКОВОЙ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЖЕТЫСУ И ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

В книге К.М. Карабаспаковой «Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы» рассматриваются сложные процессы расселения племён эпохи бронзы на территории Жетысу и Южного Казахстана, возникновения очагов своеобразной культуры в регионе в результате миграций и взаимовлияния нескольких культур и становление так называемой буйенской культуры.

К.М. Карабаспакова рассматривает эти вопросы на фоне тех процессов, которые происходили одновременно в нескольких регионах, как в Казахстане, так и в России, Узбекистане и в Таджикистане.

В книге поставлены сложные теоретические вопросы. Автор опирается на огромный археологический материал: отчёты, публикации, сообщения исследователей. Определённые сложности этого исследования заключаются в том, что по этому периоду истории нет письменных источников, что затрудняет работу. Тем более актуальной становится проблема изучения истории племён эпохи бронзы.

В наше время появилось немало публикаций по археологии Казахстана, однако по ряду вопросов у археологов нет единого мнения. В книге собраны сведения о многочисленных памятниках из разных регионов, сведения авторов по отдельным вопросам хронологии и распространения тех или иных артефактов. Однако, автор книги не ограничивается описанием памятников, а предлагает своё понимание материала. Обобщая большой материал, она предлагает рассматривать Жетысу как территорию, где сформировалась новая археологическая культура и где сложились предпосылки для перехода к кочевому хозяйству у населения этого региона в результате наиболее благоприятных климатических условий и ландшафта.

В работе имеются интересные наблюдения о путях миграции племён эпохи бронзы из возможных мест расселения в Сибири и на Алтае, вдоль горных массивов Тарбагатай и Жетысуского Алатау в горы Тянь-Шаня, интересны главы о распро-

странении алакульских традиций в керамике Западного Жетысу. Вопросы хронологии рассматриваются традиционно — автор выделяет три периода: эпоху развитой, поздней бронзы и финальной.

В эпоху поздней и финальной бронзы происходит формирование буйенской культуры. К.М. Карабаспакова отметила разнообразие погребальных камер и типов жилищ в этот период в Жетысу, что находит подтверждение и в материалах других археологов, работающих в этом регионе.

Предложенная публикация является промежуточным итогом многолетних работ Культай Мухамедьевны. В силу разных причин в неё не вошли материалы таких поселений Жетысу, как Бутакты, Асы, Бигаш, что могло бы усилить некоторые положения, выдвинутые автором. Несмотря на то, что некоторые вопросы хронологии являются спорными, книга пред-

ставляет большой интерес для специалистов в этой области.

Спорные вопросы, предложенные некоторыми зарубежными археологами, заключаются в разной методике и в использовании большого количества калиброванных радиоуглеродных дат, чем не располагала казахстанская археология в период подготовки книги К.М. Карабаспаковой.

Вопрос об удревнении памятников археологии — могильников и поселений — в зарубежных изданиях обсуждается, однако, в Казахстане периодизация, предложенная Культай Мухамедьевной, является общепризнанной и не вызывает возражений.

В целом, книга К.М. Карабаспаковой бесспорно является актуальной и очень востребованной.

А.Н. Марьяшев

О РАБОТЕ КУЛЬТАЙ МУХАМЕДЬЕВНЫ КАРАБАСПАКОВОЙ

Бронзовый век Жетысу и Южного Казахстана длительное время был известен фрагментарно, по отдельным памятникам и находкам.

Культай Мухамедьевна предприняла попытку создать по возможности цельную картину бронзового века этого региона. Сразу отмечу на возможные упреки в неполноте этой книги. Работу по бронзовому веку региона К.М. Карабаспакова начала в годы обучения в аспирантуре Института истории, археологии и этнографии имени Ч.Ч. Валиханова АН КазССР в начале 80-х гг. прошлого века и завершила к середине 90-х гг. Поэтому, в книге не отражены результаты более поздних исследований, особенно проведенных А.Н. Марьяшевым и А.А. Горячевым. Обстоятельства не позволили Культай Мухамедьевне продолжить начатую работу и поэтому книга, казалось бы, не соответствует современному состоянию источниковедческой базы. Тем не менее, издание в монографическом виде результатов диссертационного исследования К.М. Карабаспаковой «Племена Семиречья и Южного Казахстана в эпоху бронзы», несомненно, является

Всесоюзное совещание в г. Фрунзе, конец 1970-х гг.
Рядом с К. Карабаспаковой Н. Татаринцева.

показателем важных достижений казахстанской археологии.

В книге систематизированы и обобщены известные к концу XX в., материалы бронзового века двух особых природно-географических и культурных зон – Жетысу и Южного Казахстана. Выделены два больших периода эпохи бронзы южной части Казахстана – средний и поздний бронзовый

Камеральная обработка материала, конец 1970-х гг.
Справа налево: О. Киммерли, К. Карабаспакова и В. Варфоломеев.

век, каждый из которых характеризуется особыми компонентами культуры.

Периодизация памятников и культур построена по классической трёхчленной схеме, выделены средний и поздний этапы поздней бронзы, что подразумевает открытие в будущем древностей ранней бронзы.

Для древностей Южного Казахстана автор отмечает значительное сходство с культурами Центрального Казахстана, выделяя комплексы раннеалакульские, алакульские, федоровские и смешанные — типа могильника Таутары. К моменту завершения работы по систематизации южно-казахстанских материалов, еще не был опубликован в должной полноте могильник Тагискен, но автор подчеркивает

его особый характер, особенно в связи с проблемой взаимодействия степных скотоводческих и среднеазиатских земледельческих обществ.

Семиреченские комплексы, в отличие от южно-казахстанских, количественно более представительны, выделены памятники средней, поздней и финальной бронзы.

Своеобразные и атипичные памятники семиреченского типа автор монографии объединяет в особую семиреченскую культуру в рамках андроновской культурно-исторической общности, что заслуживает внимания.

Происхождение комплексов поздней бронзы связывается с миграцией носителей валиковой и бегазинской традиций из Центрального Казахстана в

Состав участников секции камня и бронзы VII Уральской студенческой археологической конференции (г. Сыктывкар. К.М. Карабаспакова в первом ряду третья слева. 1975 г.)

На кафедре. Слева направо: Н. Айткулова, К.М. Карабаспакова, Б.М. Абдрахманова, С. Жусупбекова. Начало 1990-х гг.

Коллектив кафедры археологии, этнологии и истории Казахстана КарГУ, 1990 г.

Разведка на реке Талды (Каркаралинский район, горы Упаис). 1978 г.

конце II тыс. до н.э.

Эта часть исследования, как и проблема буйенской культуры финальной бронзы, выделенной автором, представляется наиболее сложной темой, требующей комплексного анализа материалов широкого географического пространства от Средней Азии до южных территорий Западной Сибири.

Новая книга по бронзовому веку Казахстана – весомый вклад в дело изучения древнейших этапов истории Евразии. Публикуемая работа – плод многолетней кропотливой работы, и не только камеральной аналитической, но и полевой. Практическая значимость ее – более чем очевидна.

Мне известно, что иной раз Культай Мухамедьевна работала на памятниках одна, выполняя функции землекопа, чертежника, экспедитора отряда. Полевикам, которым пришлось в одиночку проходить разведочные маршруты, поймут моё восхищение бесстрашием, оптимизмом и самоотверженностью хрупкой красивой женщины. Отрадно, что данная книга увидела свет, пусть и с опозданием, без доработок. От всей души желаю я дорогой коллеге Культай Мухамедьевне жизненных сил, оставаться оптимистичной, доброй и веселой, какой мы ее продолжаем знать!

В.В. Варфоломеев

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена слабо изученному периоду в истории Южного Казахстана и Жетысу/Семиречья — эпохе бронзы. Хронологический диапазон её охватывает середину II тыс. — начало I тыс. до н.э. Это время отмечено крупнейшими экономическими и социальными событиями — расцветом металлургии бронзы, усилением межплеменных контактов и миграционных процессов, углублением социальной дифференциации общества и зарождением классовых отношений, дальнейшим развитием производящей экономики, где приоритет хозяйственной деятельности закрепляется за скотоводством.

Территория исследования охватывает южные районы Казахстана (Жетысу и Южный Казахстан), которые составляют единую в естественно-географическом и историко-культурном отношениях область [Казахстан: Природные условия и естественные ресурсы СССР, 1969, с. 383, 400–405], включающую пространство от озера Алаколь на востоке до Аральского моря на западе и от озера Балхаш, пустынь Бетпак-Дала/Бетпакдала и Кызыл-Кум/Кызылкум на севере до

Тянь-Шаня на юге. Согласно современному административному делению — это территория Алматинской, Жамбылской, Южно-Казахстанской и Кызылординской областей. Данный регион отличается ландшафтным разнообразием — на севере здесь простираются Прибалхашские и Присырдаринские пустынные и полупустынные зоны, а на юге возвышаются снежные пики Тянь-Шаньской горной системы. Внутри области выделяют три отдельных района, отличающихся своими природными особенностями:

1 — Южный Казахстан, 2 — юго-западное Жетысу (Таласская и Чуйская долины), 3 — северо-восточное Жетысу (Илийская/Илейская долина).

Южный Казахстан (Присырдаринская географическая провинция) ограничивается на севере полупустынями, на юге — Таласским Алатау, на востоке — Джувалинским/Жувалинским плоскогорьем, на западе — песками Кызылкум [Чухахин В.М., 1970, с. 186–188, 339–349]. Предгорная зона Таласского Алатау орошена многочисленными горными реками и речками, среди которых наиболее полноводны Аксу, Арысь и Бадам.

В пределах Южного Казахстана проходит хребет Каратау. С юго-западных (южных) склонов хребта стекает множество речек, из них наиболее крупными являются Боролдай, Чаян, Бугунь, Баялдыр, Икансу. Северо-восточные (северные) склоны изрезаны ущельями и орошаются реками и ручьями. Природные условия Каратау близки к зоне Таласского Алатау, но отличаются обеднённой растительностью и более резкими перепадами температур, особенно на северных склонах. Располагаясь на границе природно-географических провинций с различным климатом, хребет отличается тем, что на его склонах выражены разные типы высотной поясности. Своеобразие его географического положения заключается в том, что он является, с одной стороны, оконечностью Северного Тянь-Шаня и имеет характерную для него высотную поясность. С другой стороны, он ограничивает и разделяет две крупные области: песчаные пустыни Средней Азии и глинистые пустыни Бетпакалы. В климатическом отношении хребет Каратау имеет исключительно благоприятные условия, об этом свидетельствуют многочисленные реликтовые растения и животные, сохранившиеся здесь с неогена.

Вместе с тем, положение хребта Каратау в зоне пустынь обусловило и формирование здесь мощных толщ,

песчаных по периферии и лессовых во впадинах. Геологическое строение многих районов хребта также благоприятствовало постоянному обитанию здесь многочисленных стад животных.

Особое место в Южном Казахстане занимает долина Сырдарьи/Сырдарии — одной из самых крупных рек Казахстана и Средней Азии. Её обводненная приречная часть наиболее благоприятна для жизнедеятельности человека.

Второй крупный район — юго-западное Жетысу — занимает междуречье Чу/Шу и Таласа. Северной границей его служит пустыня Муйюнкум/Мойынкум, южной — горы Таласского и Киргизского/Кыргызского Алатау, на западе граница проходит по Джувалинскому/Жувалинскому плато, на востоке — по Чу-Илийским/Шу-Илийским горам. Для этого района характерны мягкий климат, плодородные почвы и наличие многочисленных водных источников.

Северо-восточное Жетысу отделяется от юго-западного Шу-Илийскими горами и Заилийским/Илийским Алатау. На северо-востоке его граница проходит по берегу озера Алаколь, на севере — по озеру Балхаш и на юге — по Джунгарскому/Жонгарскому хребту. Климат здесь отличается резкой континентальностью и контрастной увлажнённостью в отдельные сезоны года.

Предгорья Илейского Алатау, начиная с района Узун-Агаша/Узынагаша, обильно орошены горными реками, среди которых наиболее крупные — Каскелен, Большая и Малая Алматинки, Талгар, Чилик/Шилик, Иссык/Есик.

Главной рекой северо-восточного Жетысу является Или/Иле, которая пересекает его с юго-востока на северо-запад. Илейская долина представляет собой гигантскую котловину, ограниченную с юга и юго-востока отрогами Тянь-Шаня. На севере она переходит в Южно-Прибалхашскую (Сары-Ишик—Отраускую) песчаную равнину.

С гор, из тесных ущелий в долину вырываются многочисленные реки, часть из них впадает в Иле, а другие несут свои воды в Балхаш. Наиболее полноводными являются реки Коксу, Каратал, Аксу, Лепсы, Тентек, которые берут своё начало в горах Джунгарского/Жетысуского Алатау.

Для Жетысу характерны 5 природных зон:

1. Полынно-злаковая зона, располагающаяся в Прибалхашье. Это прекрасные зимние пастбища;

2. Злаково-степная зона. Здесь при условии искусственного орошения возможно полеводство и садоводство;

3. Разнотравно-степная зона занимает высокие предгорья. Благоприят-

ны условия для земледелия и садоводства. Зимний выпас скота невозможен из-за высокого снежного покрова;

4. Лесная или луговая зона, расположена в горах. Она доступна для выпаса скота в тёплое время года;

5. Высокогорная зона, которая используется как летнее пастбище — жайлау в течение 1,5–2 месяцев.

Животный мир Южного Казахстана и Жетысу весьма богат и разнообразен. Здесь встречаются представители пустынного, степного, горного фаунистических комплексов.

Недра этого региона богаты различными полезными ископаемыми. Полиметаллические месторождения (свинца и цинка) расположены на юго-западном склоне Каратау. Другая группа месторождений полиметаллов известна в высокогорьях Жетысуского Алатау. Главные компоненты руд Жетысуского Алатау — цинк и сурьма, а также свинец и медь. Цветные металлы имеются в отрогах хребта Кетмень (свинец и барий), в Илейском Алатау (медь и молибден), в Шу-Илейских горах (свинец и цинк), Западном Тянь-Шане (медь, молибден), Жетысуском и Илейском Алатау (золото) [Казахстан..., 1969, с. 402–403].

Климат континентальный, но более мягкий, чем в других районах Казахстана, зима не столь продолжительная и менее суровая. Средняя температура января от -7° до -10°C .

Таким образом, территория Южного Казахстана и Жетысу отличается приятными природно-климатическими условиями для расселения и существования здесь людей с древнейших времен.

Южный Казахстан и Жетысу по степени изученности памятников эпохи бронзы до недавнего времени представляли собой «белое пятно» на археологической карте республики. Это сдерживало осмысление многих сторон жизнедеятельности древних племён не только данного региона, но и сопредельных территорий, так как здесь происходили активные контакты между населением аридной зоны Казахстана и земледельцами Средней Азии, взаимодействовали различные культуры эпохи бронзы. Все эти причины придавали исследуемому региону ключевое значение в понимании

сложных исторических процессов на более обширных территориях, выходящих далеко за пределы собственно Южного Казахстана и Жетысу. В то время как для других районов Казахстана были уже созданы обобщающие работы, основанные на обширном источниковом материале, разработаны вопросы периодизации и хронологии, в южных регионах были открыты лишь единичные памятники, датируемые в основном эпохой поздней бронзы. Именно недостаток фактологических данных привел к появлению так называемой гипотезы «свободной», «пустой», зоны, согласно которой южные районы Казахстана были практически не заселены до позднебронзового периода, т.е. до конца II тыс. до н.э., когда в результате миграции племён из Центрального Казахстана началось их освоение.

ГЛАВА 1

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЖЕТЫСУ И ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

Южный Казахстан и Жетысу издавна привлекали к себе внимание исследователей богатством и разнообразием археологических памятников. Однако древности эпохи бронзы до недавнего времени не подвергались систематическому и целенаправленному изучению. Если вопросы периодизации и хронологии памятников эпохи бронзы других территорий Казахстана разработаны в достаточной степени, то по южному региону сведения о них случайны и немногочисленны.

История исследования эпохи бронзы Жетысу и Южного Казахстана делится на следующие этапы: 1) вторая половина XIX в. – 1917 г.; 2) 1917–1945 гг.; 3) 1946–1979 гг.; 4) конец 1970-х – начало 1980-х гг. – до настоящего времени.

Первый этап характеризуется как период сбора и накопления отрывоч-

ных сведений о памятниках древности, регистрации и описания материала. Наряду с известными учёными, археологией занимаются любители старины, краеведы, не имевшие специального образования и профессиональных навыков.

Начало широкому изучению исторического прошлого этого района было положено российскими учёными. Первые сведения о памятниках древности привлекли внимание востоковедов к этой отдалённой окраине. Российская Императорская Археологическая Комиссия направляет в Туркестан и Жетысу своих исследователей: В.В. Радлова, П.И. Лерха, В.В. Бартольда и других.

В 1862 г. для изучения археологических памятников в Западную Сибирь и Казахстан выезжает В.В. Радлов. В окрестностях Капала им были раскопаны три кургана, в которых мо-

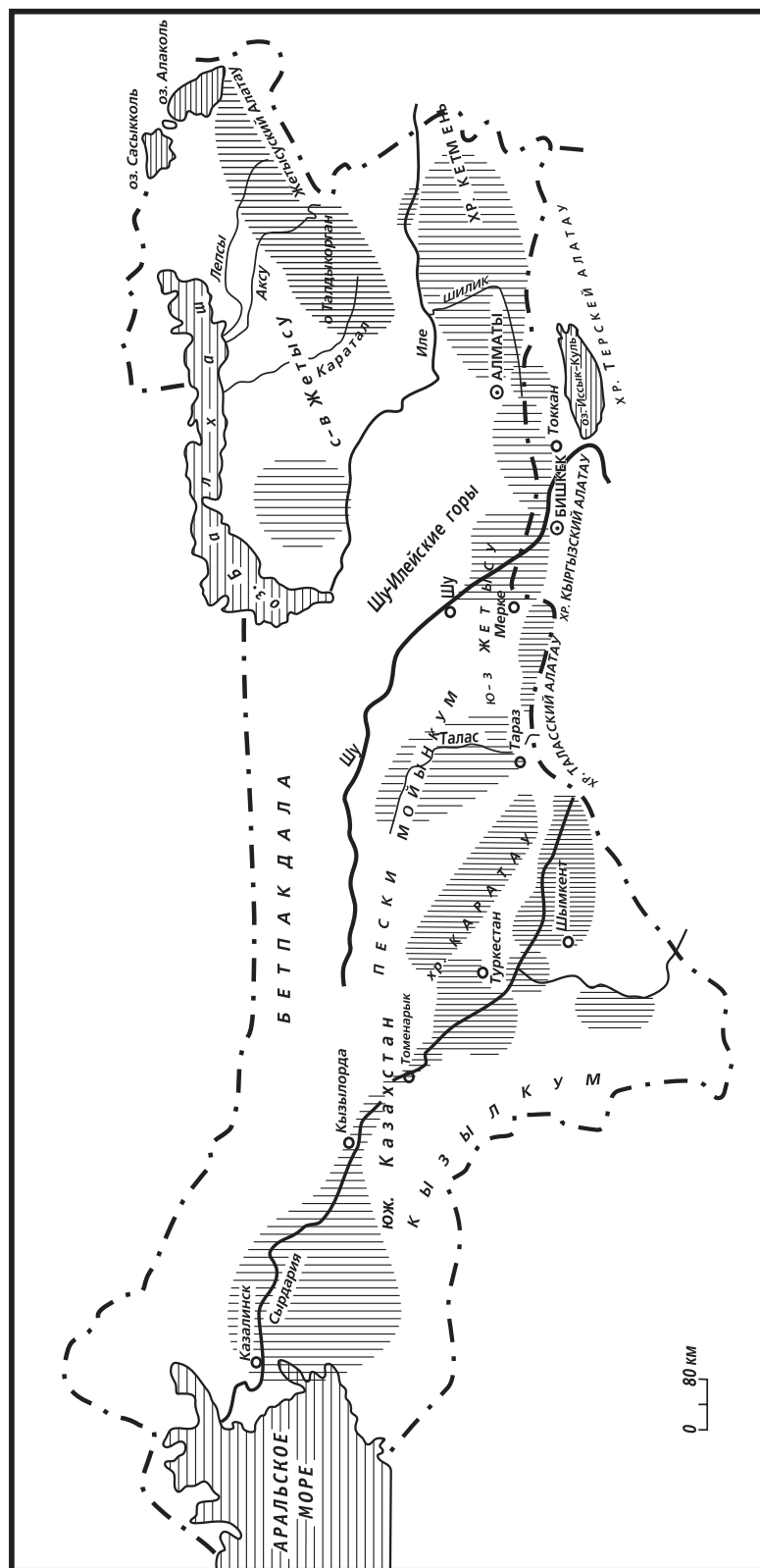

Рис. 1. Карта распространения памятников эпохи бронзы Жетыйсая и Южного Казахстана

гильные ямы были обложены двойным рядом камней и погребённые лежали в скорченном положении [Радлов В.В., 1896]. Исследователь датировал их железным веком, но вполне вероятно, что это памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку.

В 1893–1894 гг. В.В. Бартольд совместно с С.М. Дудиным осматривает археологические памятники в районе Чимкента/Шымкента и Джамбула/Тараза, в долинах рек Таласа, Шу, Иле, в бассейне Нарына и по северному берегу Иссык-Куля. В своем отчёте по поводу этой поездки В.В. Бартольд приводит сведения о многочисленных памятниках разных эпох и о находках медных изделий (ножи, пики, стрелы, топоры, серпы) на берегу оз. Иссык-Куль [Бартольд В.В., 1897, с. 49].

По инициативе В.В. Бартольда в 1895 г. был создан Туркестанский кружок любителей археологии, и весь период существования Кружка (1895–1917 гг.) этот крупный учёный был его активным участником и наставником. Кружок являлся научно-краеведческой общественной организацией, осуществлявшей работу по изучению археологии и истории Туркестана и Жетысу. Деятельность этой организации состояла в сборе различных археологических находок, разведок и раскопок, в изучении памятников старины, их охране и публикации.

Члены Кружка пытались сами разработать вопросы методики полевых исследований, создавали справочники. В Кружок входили представители разных слоёв интеллигенции. Активными его членами были М.С. Андреев, А.А. Диваев, В.А. Каллаур, Ф.В. Поляков, Н.Н. Пантусов и другие.

Н.Н. Пантусов — известный археолог этнограф всю свою жизнь посвятил изучению Средней Азии и Казахстана. Свою деятельность он начал в конце 70-х гг. XIX в., выявляя, описывая и собирая все сведения о древностях этого края, раскапывая отдельные курганы. Особенно его внимание привлекали памятники Жетысу (могильники, надписи, наскальные изображения) — «для специалиста-исследователя здесь представляется довольно широкое поле деятельности и едва ли справедливо отрицать возможность больших научных открытий при будущих раскопках на этой ещё нетронутой почве» [Пантусов Н.Н., 1879, с. 2].

Являясь членом-корреспондентом Археологической Комиссии, Н.Н. Пантусов доставляет ей все сведения о раскопках и случайных находках. Так, в 1885 г. он сообщает о найденных на оз. Иссык-Куль медном серпе, топоре, наконечнике стрелы и о кладе вещей из с. Алексеевки [Доклады ИАК за 1882–1888 гг., 1891, с. ХСV].

О древностях Иссык-Куля публикует заметку и А.В. Селиванов [Сели-

ванов А.В., 1896, с. 222]. Среди них имелись предметы эпохи бронзы. Металлические изделия этого же периода с территории Жетысу публиковались А.М. Тальгреном [Tallgren А.М., 1911, с. 123; Tallgren А.М., 1917, табл. V, 6].

Деятельным членом Кружка был В.Д. Городецкий. В 1914 г. он пишет статью обзорного характера по древностям Чимкентского уезда, но в печати она появляется позднее — в 1922 г. [Городецкий В.Д., 1922, с. 99–103]. Его перу принадлежит также рукопись «Древности Семиреченской (Джетысуйской) области» [Городецкий В.Д., 1924]. Это своеобразный свод всех известных ему памятников, древних рудников и случайных находок, среди них имеются сведения и о вещах эпохи бронзы.

Все археологические открытия и наблюдения, которые были сделаны в Туркестанском крае до середины 90-х гг. XIX в. вошли в «Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии», написанный Н.С. Лыкошиным [Лыкошин Н.С., 1896].

Более полный перечень всех известных памятников Казахстана, в том числе и южных районов, был составлен И.А. Кастанье [Кастанье И.А., 1910]. Его работа «Древности Киргизской степи и Оренбургского края», вышедшая в 1910 г., не потеряла своего значения и в наши дни.

Таким образом, в дореволюционный период было положено начало сбору и изучению археологических памятников. Исследователи ограничивались обычно типологическим описанием материала, не пытаясь проследить его связь с историческим развитием человеческого общества.

Второй этап (1917–1945 гг.) — это время постепенного накопления материала, полученного в процессе разведок и раскопок отдельных памятников. Начался он после революции 1917 г. и установления советской власти, когда археологические исследования были продолжены, но уже на государственной основе. На этом этапе происходят кардинальные перемены в исторической науке в целом и в археологии в частности. В основу исторических построений были положены марксистская концепция, идеи диалектического и исторического материализма. Археология рассматривается как раздел исторической науки, происходит отход от позиций вещеведения. Археологический материал превращается в один из источников исторического познания общества.

Изменились не только методы, но и масштабы исследований. Для археологии этого периода характерны систематичность и планомерность проводимых работ. Изучением археологических памятников занимаются уже не отдельные учёные и краеведы-любители, а научные организации. Началось

сплошное обследование целых районов и областей. Расширились и хронологические рамки археологических изысканий. Теперь наряду со средневековым стали изучаться и памятники первобытного времени.

Археология изменилась и в качественном отношении. Ведущие ВУЗы страны занялись подготовкой высококвалифицированных специалистов-археологов. Большое внимание стало уделяться охране и изучению памятников старины. В 1919 г. учреждается Российская Академия истории материальной культуры (РАИМК, позднее — ГАИМК). На местах создается ряд научных организаций, так в 1920 г. был организован Туркестанский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис, позднее — Средазкомстарис). Задачами этого научного учреждения являлись охрана и реставрация памятников, а также проведение небольших археологических исследований. Большая помощь оказывалась учёными Москвы и Ленинграда.

В 1929 г. по заданию Киргизского научно-исследовательского института А.И. Тереножкин проводит предварительное археологическое обследование бассейна р. Чу от с. Алексеевки до с. Джиль-Арык. В результате была открыта стоянка эпохи бронзы на северной окраине г. Фрунзе в Карагачевой роще [Тереножкин А.И.,

1935, с. 138–139]. В своем отчете А.И. Тереножкин публикует также бронзовый кельт, случайно найденный в с. Лебединка в 1928 г., и относит его к концу эпохи бронзы по периодизации М.П. Грязнова.

Следует отметить решающее значение для археологической науки, которое имели работы М.П. Грязнова конца 1920-х — начала 1930-х гг. Благодаря его исследованиям, границы андроновской культуры были продвинуты далеко на запад — до Урала. Таким образом, в ареал андроновской культуры эпохи бронзы была включена и территория Казахстана [Грязнов М.П., 1927, с. 172–215].

М.П. Грязнов создаёт и первую хронологическую схему эпохи бронзы этой территории, разделив её на 3 периода: ранний, средний и поздний, и впервые ставит вопрос о правомерности выделения казахстанского очага бронзовой культуры [Грязнов М.П., 1930, с. 149–163].

В 1929 г. М. Эберт публикует вещи Иссык-Кульского клада, переданные Н.Н. Пантусовым в Археологическую Комиссию ещё в 1885 г. [Ebert M., 1929, s. 485, tab. 92].

Большой вклад в изучение памятников Жетысу внесли своими работами П.П. Иванов и М.Е. Массон [Иванов П.П., 1932; Иванов П.П., 1957; Массон М.Е., 1930]. Они обследовали древние рудные разработки и пришли к выводу, что эксплуатация

многих из них была начата ещё в эпоху бронзы.

В Южном Казахстане естественно-исторической Бетпақдалинской экспедицией под руководством В.А. Селевина в 1930-е гг. впервые были найдены наконечники стрел эпохи бронзы [Селевин В.А., 1935, с. 1–50].

Особое значение на развитие археологии оказала сессия ГАИМК, состоявшаяся в марте 1936 г., которая наметила пути развития археологии, её методологические основы, цели и методы полевых исследований.

Второй этап археологического изучения древностей эпохи бронзы Жетысу и юга Казахстана связан с именем выдающегося археолога А.Н. Бернштама, который приступил к их исследованиям в 1933 г. и посвятил этому делу более 20 лет. Именно ему мы обязаны открытием многих памятников эпохи бронзы на этой территории и созданием первых обобщающих теоретических работ. В течение многих лет он руководил Семиреченской археологической экспедицией, организованной Институтом истории материальной культуры АН СССР совместно с Казахским филиалом АН СССР и Комитетом наук при Совнарком Киргизской ССР. В 1926–1938 гг. экспедиция изучает памятники Таласской долины, в 1938–1940 гг. — долины рек Чу, Или и прилегающих местностей, а также Иссык-Кульскую котловину. В результате была состав-

лена археологическая карта, собран богатый материал, который затем лёг в основу схемы исторического развития Жетысу. В довоенное время часть материала была опубликована А.Н. Бернштамом в его первых обобщающих работах. Так, в 1941 г. выходит «Археологический очерк Северной Киргизии», где был опубликован Сукулукский клад и отмечена близость форм его орудий изделиям из казахстанского очага андроновской культуры [Бернштам А.Н., 1941, с. 20–23]. В этой же работе он датирует стоянку у Карагачевой рощи серединой II тыс. до н.э., на основании аналогий с керамикой андроновского типа Западного Казахстана [Бернштам А.Н., 1941, с. 21]. Богатый материал был собран при строительстве Большого Чуйского канала. Его изучение позволило А.Н. Бернштаму поставить вопрос о выделении северо-киргизского варианта эпохи бронзы [Бернштам А.Н., 1943]. Во время экспедиции 1939 г. им были открыты интересные каменные выкладки эпохи бронзы возле Капала (бывш. Талды-Курганская обл.) [Бернштам А.Н., 1948, с. 85, рис. 8].

Великая Отечественная война временно прервала археологические работы, но после её окончания они возобновились в ещё большем масштабе.

Уже в 1944 г. вновь начинается свои исследования экспедиция, возглавляемая А.Н. Бернштамом. Сначала ра-

боты ведутся в Центральном Тянь-Шане и Южной Киргизии, с 1947 по 1952 гг. — в Южном Казахстане, а с 1950 по 1952 гг. работает Памиро-Ферганская экспедиция. Результаты разведок и раскопок с наибольшей полнотой были изложены в трудах А.Н. Бернштама, вышедших в конце 1940-х — начале 1950-х гг.

Третий этап (1946–1979 гг.) начинается с 1946 г., когда была образована Академия наук Казахской ССР и в её составе Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова. Отдел археологии данного Института становится ведущим научным и организационным центром археологических исследований в Казахстане. На его базе происходит становление казахстанской археологической школы.

Третий этап — это время дальнейшего накопления источников в результате масштабных работ по сплошному исследованию памятников отдельных регионов, углубленного их изучения и совершенствования методики раскопок. Собранный материал позволил перейти на более высокий теоретический уровень исследований.

В статье «Некоторые итоги археологических работ в Семиречье» А.Н. Бернштам даёт научный анализ материала, который был накоплен в 1936–1940 гг. [Бернштам А.Н., 1946, с. 110–118]. В результате автор вновь приходит к выводу о суще-

ствовании северо-киргизского варианта культуры эпохи средней бронзы, близкого памятникам эпохи бронзы Южной Сибири, с чертами западного и китайского влияния [Бернштам А.Н., 1946, с. 111].

В 1948 г. выходит работа «Прошлое района Алма-Ата», где сообщаются сведения о могильнике Каргалы-I — памятнике переходного периода от бронзового века к раннему железному. Здесь же были опубликованы случайные находки — Алексеевский клад, серпы из Узынагаша и другие [Бернштам А.Н., 1948].

А.Н. Бернштам в эти годы создаёт и первую историко-археологическую периодизацию памятников Жетысу и Тянь-Шаня [Бернштам А.Н., 1949, с. 337–384], которая и в настоящее время имеет важное, основополагающее значение. Памятники эпохи бронзы, выделенные им в северо-киргизский вариант, были разделены на 2 стадии: 1 — синхронная андроновской и 2 — синхронная карасукской. Для каждой стадии характерны определённые черты в погребальных сооружениях, в обряде захоронения, в керамике и вещах. Отмечены локальные отличия разных районов Жетысу и Тянь-Шаня. В основе этих хронологических и локальных различий автор видел наличие двух разных этнических групп II–I тыс. до н.э. [Бернштам А.Н., 1949, с. 343–344].

Существование памятников переходного типа (Каргалы-I) позволило

сделать вывод, что культура ранних кочевников — саков и усуней — складывалась на местной основе в эпоху поздней бронзы и, вместе с тем, в ней присутствуют и южно-сибирские компоненты.

В 1950 г. выходят труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» [Бернштам А.Н., 1950]. Эта работа представляет собой отчёты начальников отрядов, на основании которых была дана классификация памятников и находок. Их описание и хронологическая периодизация явились новой страницей в археологии Жетысу. Весь вещевой материал был разделен на две группы: джайльминскую, соответствующую андроновскому этапу, и каиндинскую, синхронную карасукскому. В научный оборот были введены новые фактические данные.

«Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памира-Алая» подводят итог многолетнему исследованию этого района [Бернштам А.Н., 1952]. Интересные погребения эпохи бронзы, давшие материал типичный для андроновских степных памятников Казахстана и Алтая, были обнаружены в Арпинской долине [Бернштам А.Н., 1952, с. 19–20].

Подобные могильники были открыты в урочище Чыргаил, в долинах рек Нарын и Атбаш. Другой тип могильников встречен в ущелье Чонкемин. По обряду захоронения и сопутствующему инвентарю, кеминский

тип курганов отнесен к карасукскому времени [Бернштам А.Н., 1952, с. 20, 22]. В Южном Казахстане в Келесской степи Г.В. Григорьев исследует погребение эпохи бронзы около городища Каунчи, а на самом городище он обнаружил культурный слой того же времени [Григорьев Г.В., 1948, с. 48–49].

В том же 1948 г., выходит первая сводка археологических работ и случайных находок за 20 лет (с 1926 по 1946 г.), где сообщалось о стоянках в Жамбылской и Кызылординской областях, на которых, помимо кремневого материала, присутствовала и керамика с характерным андроновским орнаментом [Маргулан А.Х., Агеева Е.И., 1948, с. 130, 133].

На территории Киргизии Б.М. Зимма выделяет очаг андроновской культуры. В основу выделения был положен анализ форм предметов Сукулукского клада, который автор датировал периодом ранней бронзы [Зимма Б.М., 1948, с. 113–127].

В 1951 г. Е.И. Агеева среди керамики Отырарского оазиса выделяет архаическую группу, аналогичную керамике эпохи бронзы Чуйской долины [Агеева Е.И., 1951, с. 98–99, табл. I]. В 1953 г. ею же был обнаружен могильник Тау-Тары/Таутары в Южном Казахстане [Агеева Е.И., Пацевич Г.И., 1956, с. 50–51, рис. 20, 21]. Исследование этого памятника было продолжено в последующие годы.

В следующем году Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР создаёт Илийскую экспедицию под руководством К.А. Акишева. Главной задачей её было выявление памятников, попавших в зону затопления Капчагайской ГЭС, проведение разведочных раскопок и составление археологической карты района. В результате работ экспедицией было обнаружено четыре стоянки эпохи бронзы — в районе посёлка Илийск и в песках Улькун-Кумов [Агеева Е.И., Акишев К.А., 1954, с. 68].

Большой вклад в археологическое изучение Южного Казахстана внесла Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР, возглавляемая С.П. Толстовым. Экспедиция в течение ряда лет исследовала районы Кызылорды и Казалинска. В 1955 г. в Кызылординской области, возле станции Шелги-Загем, Конту и около г. Аральска были обследованы стоянки неолита и бронзы [Виноградов А.В., 1959, с. 82–85].

В 1955 г. И.И. Копылов, проанализировав состав бронзовых изделий Жетысу, приходит к выводу об их отличии от бронз других районов Казахстана [Копылов И.И., 1955, с. 38–51]. На территории Жетысу он выделяет четыре металлургических центра: Талды-Курганский, Алма-Атинский, Северо-Киргизский и Иссык-Кульский.

Семиреченской археологической экспедицией под руководством

Е.И. Агеевой в 1956 г. был обследован могильник эпохи бронзы возле посёлка Бигащ (бывш. Талды-Курганская обл.). Могильник состоит из 32 оградок и курганов, раскопано было 11 оград [Агеева Е.И., 1956; Материалы Семиреченской археологической экспедиции, 1956; Акишев К.А., Агеева Е.И., 1958, с. 91]. Это первый крупный памятник, открытый на данной территории.

Клад с Каменского плато, найденный в 1953 г. в районе Алматы, был опубликован А. Джусуповым [Джусупов А., 1956, с. 261–263]. На основании аналогий клад был датирован поздним этапом эпохи бронзы (X–VIII вв. до н.э.).

В 1956 г. был опубликован и клад из с. Садовое [Кибиров А., 1956, с. 37–45]. А. Кибиров и П.Н. Кожемяко отнесли его к андроновско-карасукскому времени. В свою статью авторы включили также и два ножа из древних рудных разработок на р. Узун-Ахмат.

В 1957 г. Илийской археологической экспедицией был обнаружен могильник эпохи бронзы около посёлка Басший (бывш. Талды-Курганская обл.), состоящий из курганов и оградок [Материалы Илийской археологической экспедиции, 1957].

А.Г. Максимова раскапывает оградку эпохи бронзы возле села Акши-кур в Жамбылской области [Материалы ЮКАЭ, 1957 г.].

Вещи из Алексеевского клада были опубликованы И.И. Копыловым в 1958 г. [Копылов И.И., 1958, с. 159, табл. III, рис. 1, 2].

В том же году ХАЭЭ в Кызылординской области были открыты новые стоянки эпохи бронзы Бурлы-I, II, Жалпак-IV, V и другие [Толстов С.П., 1958].

В 1959 г. на древнем русле Инкар-Дарьи к юго-востоку от г. Кызылорда был открыт некрополь Северный Тагискен [Толстов С.П., 1961; Толстов С.П., 1962, с. 127, 134; Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А., 1963; Толстов С.П., Итина М.А., 1964; История Казахстана, 1996, с. 144–148; Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, 1966]. Тогда же были предприняты первые небольшие раскопки, продолженные в 1960–1962 гг. под руководством М.А. Итиной. Некрополь включает около 70 курганов. Это уникальный погребальный комплекс, в котором, судя по монументальности его архитектуры и богатству погребального инвентаря, хоронили вождей племён. Полученный материал свидетельствует о несомненных связях местного населения с бегазы-дандыбаевскими племенами Центрального Казахстана и с древневосточными цивилизациями Юга. В целом комплекс датирован эпохой бронзы.

Все памятники, выявленные на территории Казахстана, включая и

памятники эпохи бронзы Южных районов, вошли в «Археологическую карту Казахстана», изданную в 1960 г. [Археологическая карта Казахстана, 1960]. Этим был подведён итог археологическим работам на территории республики за предыдущие годы. Впервые в советской археологии была составлена карта целой республики.

В 1950–1960-х гг. началось детальное изучение древностей долины р. Талас. Сектором археологии и этнографии Института истории Киргизской ССР был создан специальный археологический отряд под руководством П.Н. Кожемяко. Результаты работ были обобщены в монографии «Археологические памятники Таласской долины» [Археологические памятники Таласской долины, 1963] и в статье П.Н. Кожемяко [Кожемяко П.Н., 1960]. Впервые в этом районе были открыты погребения андроновской культуры в могильниках Таш-Тюбе-II, Таш-Башат, Беш-Таш и других. На территории Жетысу было открыто погребение фёдоровского типа возле совхоза Пригородный [Кожемяко П.Н., 1960, с. 105]. Это открытие восполнило недостающее звено в классификационной схеме эпохи бронзы региона и позволило включить его в ареал андроновской культуры.

Первые масштабные раскопки были предприняты А.Г. Максимовой на могильнике Каракудук [Максимова А.Г., 1961, с. 62–71]. Иссле-

дование его дало очень интересные результаты — наряду со взрослыми погребениями, здесь были найдены и захоронения детей. Могильник, по мнению автора, принадлежал алакульским племенам андроновской культуры, обитавшим в XIV—XI вв. до н.э. [Максимова А.Г., 1961, с. 66].

Долголетние раскопки могильника Таутары в Южном Казахстане получили своё отражение в другой работе А.Г. Максимовой, вышедшей в 1962 г. [Максимова А.Г., 1962, с. 37—56]. Были вскрыты 21 оградка и 3 кургана. Полученный материал имел фёдоровские и алакульские черты [Максимова А.Г., 1962, с. 55]. Подобного типа могильники ранее не были известны в южных районах обитания андроновских племен.

Ещё один алакульский памятник был открыт А. Абетековым в 25 км от г. Бишкек (бывш. г. Фрунзе) [Абетеков А., 1963, с. 93—94]. Раскопки трёх погребений в могильнике Тегирмен-сай показали, что захоронения здесь совершались по обряду трупосожжения в грунтовых ямах.

В 1963 г., выходит работа «Древняя культура саков и усуней долины р. Или», где авторы публикуют клады бронзовых предметов из района Алма-Аты [Акишев К.А., Кушаев Г.А., 1963, с. 107—108]. Своеобразие форм изделий позволило отнести клады к культуре саков.

Семиреченские клады явились предметом пристального изучения

Е.Е. Кузьминой. В 1960-х гг. она публикует клады Иссык-Кульский и Каракол, выходит «Свод металлических изделий», куда ею были включены и вещи с территории Киргизии [Кузьмина Е.Е., 1961, с. 105—110; Кузьмина Е.Е., 1968, с. 13—16; Кузьмина Е.Е., 1966]. В 1980-е гг. она совместно с И. Кожомбердиевым публикует Шамшинский клад [Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е., 1980, с. 140—152]. Шамшинский клад по разнообразию входящих в него типов изделий занимает первое место среди известных комплексов. Он является ключевым и эталонным для правильности датировки памятников эпохи бронзы. Е.Е. Кузьмина на основании закономерности встречаемости отдельных типов изделий в различных комплексах Евразии датирует семиреченские клады эпохой поздней бронзы, XII—IX вв. до н.э. Для эпохи поздней бронзы она выделяет Киргизско-Казахстанскую металлургическую провинцию, включающую ряд самостоятельных очагов, в том числе семиреченский [Кузьмина Е.Е., 1965, с. 106—110]. В последующих работах Е.Е. Кузьмина пересматривает и уточняет свою точку зрения. Так, вначале она выделяет на территории евразийских степей особую металлургическую провинцию, включавшую Жетысу и Восточный Казахстан [Кузьмина Е.Е., 1968, с. 13—16], затем приходит к выводу о существовании Семиреченской металлургической провинции, объединяющей Киргизию и Южный

Казахстан, внутри которой действовал самостоятельный Киргизский очаг металлообработки [Кузьмина Е.Е., 1970; Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е., 1980, с. 140–152].

В 1966 г. выходит монография «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», посвящённая общим вопросам археологии и древней истории Средней Азии, в которой даётся систематическое описание материала эпохи бронзы Киргизии и отдельных памятников юга Казахстана [Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, 1966].

В конце 1960-х гг. публикуются статьи, где сообщается об открытиях новых памятников бронзового века. В Кызылординской области была открыта стоянка Барханная, относящаяся к кругу памятников алакульского облика [Гликман Л.С., Мелентьев А.Н., 1968, с. 54–57]. В Южном Казахстане раскопано погребение эпохи поздней бронзы в урочище Жаман-Тогай [Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Г.И., Левина Л.М., 1968, с. 8, 175–176, 179]. В Алакульской котловине были обнаружены остатки поселения и погребения с материалом фёдоровско-алакульского облика [Кушаев Г.А., 1964; Кушаев Г.А., 1968, с. 135–142].

На территории Киргизии с 1958 г. началось систематическое, комплексное изучение памятников Кетмень-Тюбинской долины. Институт истории АН КиргССР создает специальную Токтогульскую археологическую экспедицию

под руководством И. Кожомбердиева. В течение четырёх полевых сезонов (1968–1969 и 1972–1973 гг.) осуществлялись раскопки могильника эпохи бронзы Джазы-Кечу, начатые ещё в 1957 г. П.Н. Кожемяко [Кожемяко П.Н., 1960, с. 103; Кожомбердиев И., Галочкина Н.Г., 1969, с. 449; Кожомбердиев И., Галочкина Н.Г., 1972, с. 38–41; Кожомбердиев И., 1977, с. 10–12; Кожомбердиев И., 1982, с. 43; Галочкина Н.Г., 1977, с. 30–38]. Здесь было исследовано 125 погребальных сооружений, давших материал близкий андроновским памятникам степной бронзы. Могильник был отнесён к эпохе поздней бронзы. Этим же временем датированы и вскрытые погребения из могильника Джал-Арык-II и поселения Джал-Арык [Кожомбердиев И., Галочкина Н.Г., 1969, с. 449; Кожомбердиев И., Галочкина Н.Г., 1972, с. 40; Кожомбердиев И., 1977, с. 12]. Полученные данные позволили исследователям выделить локальный тянь-шаньский вариант андроновской культуры [Кожомбердиев И., 1977, с. 12; Галочкина Н.Г., 1983, с. 23–24].

В 1973 г. в Кетмень-Тюбе были открыты новые могильники с погребениями эпохи бронзы — Чырак-Булак и Теке-Таш [Кожомбердиев И., 1977, с. 219, с. 225].

В 1959 г. археологическим отрядом под руководством Д.Ф. Винника изучались археологические памятники

Иссык-Кульской котловины, в бассейнах рек Тон и Тосор [Археологические памятники Прииссыккуля, 1975]. В 1971 г. раскопочные работы проводятся на памятниках, попадающих в зону затопления и переработки Торткульского водохранилища. Все обнаруженные памятники были внесены в археологическую карту Тонской долины [Археологическая карта Тонской долины, 1975]. На карту Тонской долины нанесены и могильники эпохи бронзы Кекелик-Сай и Тон-І [Археологическая карта Тонской долины, 1975, с. 165, 170–171].

В 1976 г. курганным отрядом Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции в ущелье Бес-Арык (Кызылординская обл.) был раскопан могильник Куюкты алакульского этапа андроновской культуры [Ахинжанов С.М., Акишев А.К., 1979, с. 46–52].

Новый, четвёртый, исследовательский этап начался в конце 70-х — начале 80-х гг. XX в. Он характеризуется организационными изменениями, расширением археологических работ, интенсивным накоплением новых источников. Одной из основных задач становится подготовка Свода памятников истории и культуры Казахстана. В 1979 г. была сформирована Семиреченская археологическая экспедиция, возглавленная К.А. Акишевым, которая приступила к планомерному изучению памятников эпохи

бронзы в Талды-Курганской и Алма-Атинской областях. В этом году был открыт могильник Айдахар и начаты его раскопки, продолженные затем в 1984 г. [Акишев К.А., Нурмуханбетов Б.Н., Калиева А., 1979; Нурмуханбетов Б.Н., 1984]. Это один из самых высокогорных памятников эпохи бронзы, свидетельствующий о том, что освоение горных регионов началось уже в глубокой древности.

В 1980–1981 гг. одним из отрядов этой экспедиции были предприняты раскопки могильника Мыншункур/Мыншункыр, расположенного возле с. Капал [Акишев К.А., Акишев А.К., Нурмуханбетов Б.Н., 1980; Акишев К.А., Акишев А.К., Нурмуханбетов Б.Н., 1981]. Погребальные конструкции этого могильника отличаются разнообразием. Здесь имеются простые каменные ящики, цисты, цисты в сочетании с деревянными конструкциями. Керамика представлена обычными бедно орнаментированными банками.

В районе с. Капал было обнаружено ещё несколько могильников эпохи бронзы — Карасай-І–ІІІ, Жалысай-ІІ [Акишев К.А., Акишев А.К., Нурмуханбетов Б.Н., 1980].

В 1982 г. было начато исследование могильника Биен/Буйен, расположенного около с. Арасан-Капал. Отрядом САЭ под руководством А.К. Акишева здесь были раскопаны погребальные и культовые сооружения, позволяющие

реконструировать отдельные аспекты мировоззрения древнего населения [Акишев К.А., Акишев А.К., Нурмуханбетов Б.Н., 1982].

С начала 80-х гг. XX в. активное изучение памятников эпохи бронзы Жетысу проводила экспедиция КазПИ им. Абая, руководимая А.Н. Марьяшевым. В 1982 г. были открыты памятники в урочище Тамгалы и в бассейне р. Коксу; могильники Талапты-I, II, Куйган-II, III, поселение Талапты, а в 1984 г. — поселение Куйган [Марьяшев А.Н., 1983]. Эти памятники стали основными объектами археологических раскопок экспедиции КазПИ. Материалы раскопок могильников Талапты-I, II были опубликованы в 1988 г. [Марьяшев А.Н., Карабаспакова К.М., 1988, с. 24–39]. Кроме того, краткие сведения о коксуйских памятниках содержатся в работе «Наскальные изображения в горах Ешкиольмес» [Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е., 1991, с. 12–20].

В 1983 г. курганный отряд САЭ возобновил раскопки могильника Бигаш, который был открыт и впервые исследован в 1956 г. Е.И. Агеевой [Агеева Е.И., 1956; Акишев К.А., Акишев А.К., Нурмуханбетов Б.Н., 1983]. Раскопки памятника не принесли ожидаемых результатов, могильник, вероятно, был ограблен ещё в древности. Погребальные конструк-

ции, вскрытые здесь, свидетельствуют о близости местного населения племенам бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана.

В этом же году автором был открыт новый могильник эпохи финальной бронзы Арасан, расположенный на берегу р. Биен/Буйен возле с. Арасан-Капал (бывш. Талды-Курганская обл.). Полученный в результате раскопок материал также указывает на существовавшие в начале I тыс. до н.э. связи с племенами Центрального Казахстана и Южной Сибири [Акишев К.А., Акишев А.К., Нурмуханбетов Б.Н., 1983].

В 1984 г. в процессе археологической разведки и паспортизации, проводимых Алма-Атинской экспедицией под руководством Б.Н. Нурмуханбетова, были открыты новые могильники: Аксай, Узун-Булак/Узынбулак, Саты. Захоронения в могильниках Узынбулак и Саты производились в бревенчатых рамах, уложенных на дно грунтовых ям, по обряду трупоположения и трупосожжения [Нурмуханбетов Б.Н., 1985].

Алматинским археологическим отрядом Института «Казпроект-реставрация», руководимым Ф.П. Григорьевым, с 1984 г. исследовалось поселение Теренкара, расположенное в окрестностях южной столицы, давшее интересный материал по переходному периоду от эпохи бронзы к

раннему железному веку [Григорьев Ф.П., 1985].

В 1985 г. САЭ под руководством К.А. Акишева и А.К. Акишева, в связи со строительством плотины в створе р. Буйен, были продолжены раскопки ранее открытых памятников (могильник Буйен) и начато исследование новых — поселений Буйен, Ащибулак, могильников Жиланды/Жыланды-I, II и Терен-Озек/Теренозек (Талды-Курганская обл., Капалский район) [Акишев К.А., Акишев А.К., 1986]. Поселение Буйен было почти полностью разрушено при строительстве плотины и поэтому пришлось ограничиться сбором подъёмного материала, состоявшего, главным образом, из фрагментов керамики. Поселение Ащибулак расположено в непосредственной близости от могильника Буйен-13 и составляет с ним единый комплекс. На этом поселении было раскопано жилище, керамический материал из которого идентичен посуде поселения Буйен, орнаментированной жемчужинами, пальцевыми защипами и треугольными валиками по венчику. Оба поселения и могильник были датированы финальной бронзой. Могильники Жыланды и Теренозек дали позднефёдоровский материал.

В районе посёлка Фабричный в 1986 г. археологами Центрального государственного музея М.М. Нурпеисовым и Ю.А. Мотовым, воз-

главлявшими отряд в составе Новостроечной археологической экспедиции ИИАЭ АН КазССР, были открыты памятники в урочище Майбулак [Нурпеисов М.М., Мотов Ю.А., 1987]. С 1987 по 1989 гг. Майбулакским отрядом НАЭ производились раскопки на поселении Майбулак-II (рук. раскопок А.М. Досымбаева и А.Е. Рогожинский), могильниках Майбулак-III, V и Каргалы [Мотов Ю.А., Рогожинский А.Е., 1988, 1989, 1990].

В начале 1990-х гг. выходят в свет статьи А.Н. Марьяшева, написанные в соавторстве с А.А. Горячевым, содержащие публикации раскопанных памятников Жетысу, таких как Тамгалы-I-III, Ой-Джайляу-III, Кульсай-I. Авторы предпринимают попытку анализировать погребальные источники в комплексе с наскальными изображениями [Марьяшев А.Н., Горячев А.А., 1992, с. 3-14; Марьяшев А.Н., Горячев А.А., Потапов С.А., 1992, с. 159; Марьяшев А.Н., Горячев А.А., 1993а; Марьяшев А.Н., Горячев А.А., 1993б, с. 19-23].

Таково состояние изученности памятников эпохи бронзы Жетысу и Южного Казахстана за предшествующий период. Благодаря многолетним археологическим исследованиям накоплен значительный материал, который, однако, не был включён в единую систему анализа и интерпретации.

ГЛАВА 2

ХАРАКТЕРИСТИКА ПАМЯТНИКОВ

*М*етодика исследования. Материалы раскопанных могильников были подвергнуты статистическому анализу по программе, предложенной В.Ф. Генингом и В.А. Борзуновым [Генинг В.Ф., Борзунов В.А., 1975, с. 42–72]. Это было продиктовано стремлением к получению наиболее объективной информации по исследуемым памятникам. Программа В.Ф. Генинга и В.А. Борзунова позволяет получить полную и всестороннюю характеристику как погребального обряда отдельного могильника и группы памятников, так и каждого признака или единиц совокупностей. Первоначальная схема была несколько видоизменена — введены новые признаки (всего 115), что обусловлено особенностями исследуемых объектов. Процесс обработки делится на несколько основных моментов: 1) выделение чётко сформированных признаков; 2) подсчёт количественных данных по отдельным признакам;

3) перевод полученных данных в относительные сравниваемые величины, выраженные в процентах, таким образом получаем частоту встречаемости признака и совокупности, что даёт представление о распределении и весе признаков внутри совокупностей; 4) вычисление общего показателя признака, его среднеарифметической величины, т.е. нормы распределения признаков данной совокупности, что позволит уравнивать значимость каждого памятника, независимо от количества погребений, которое бывает различным; 5) анализ статистических данных по отдельным признакам и совокупностям проводится не только по их частоте, но и по тенденции, которая показывает насколько распределение признаков в данном памятнике отличается от их общей нормы распределения; 6) произведён групповой сравнительный анализ, на основании полученных данных абсолютных коэффициентов сходства по каждой

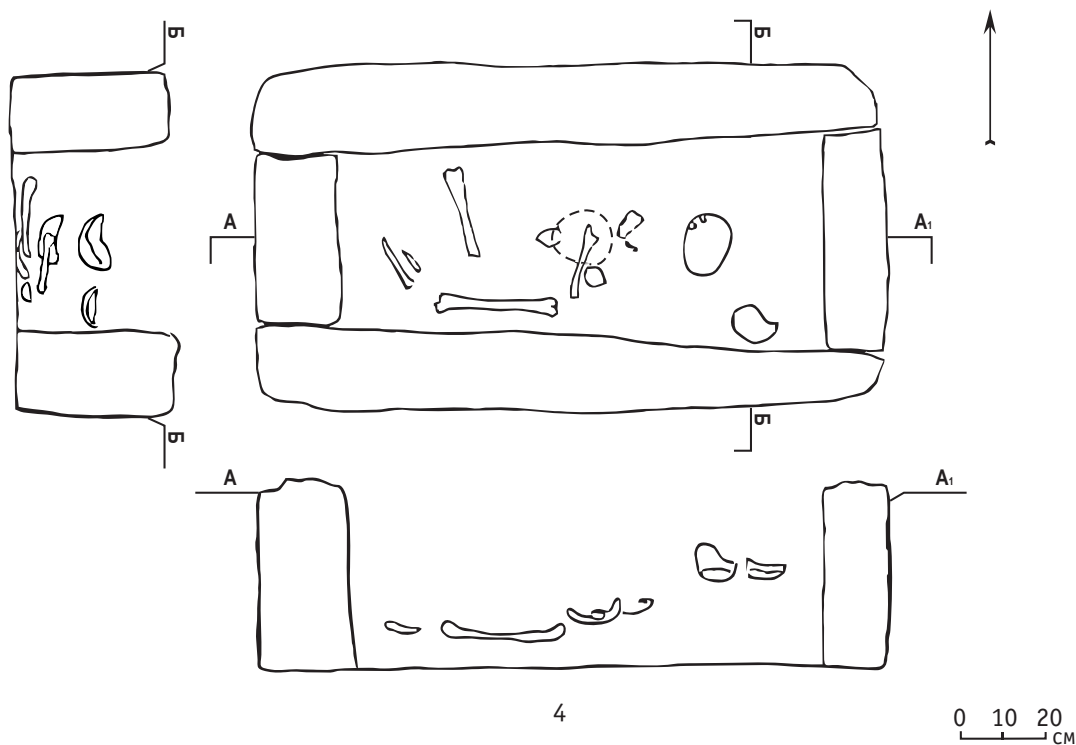
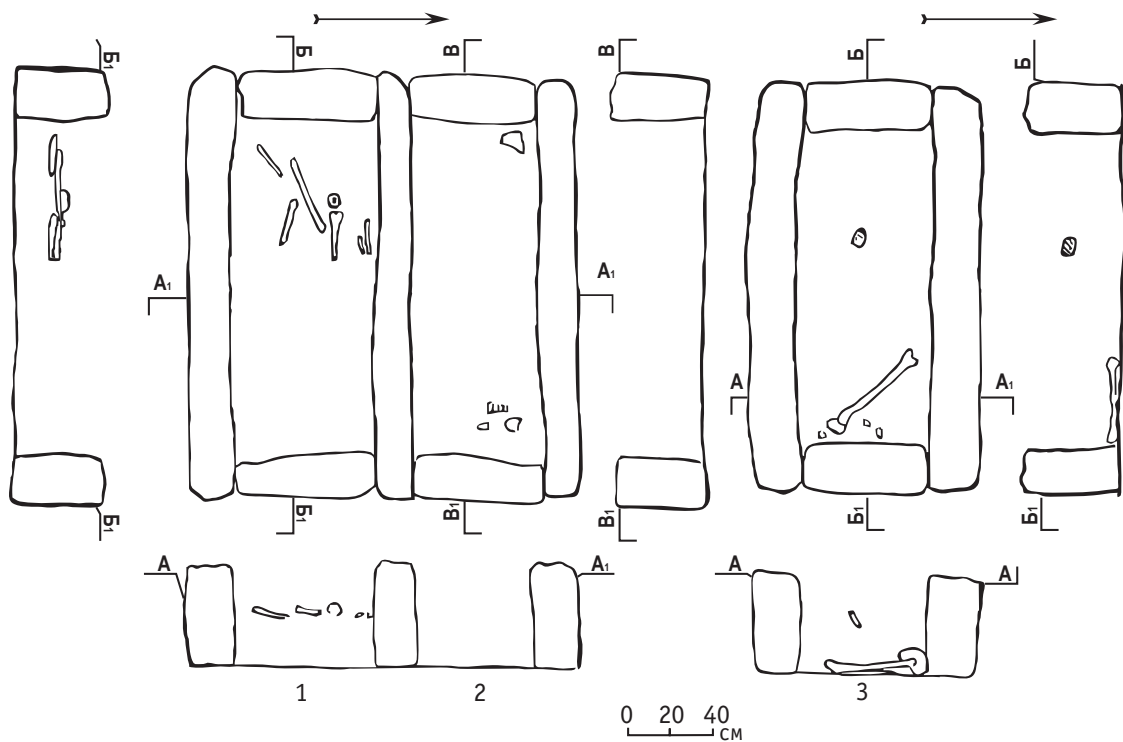

Табл. 1. Могильник Капал, погр. 1-4

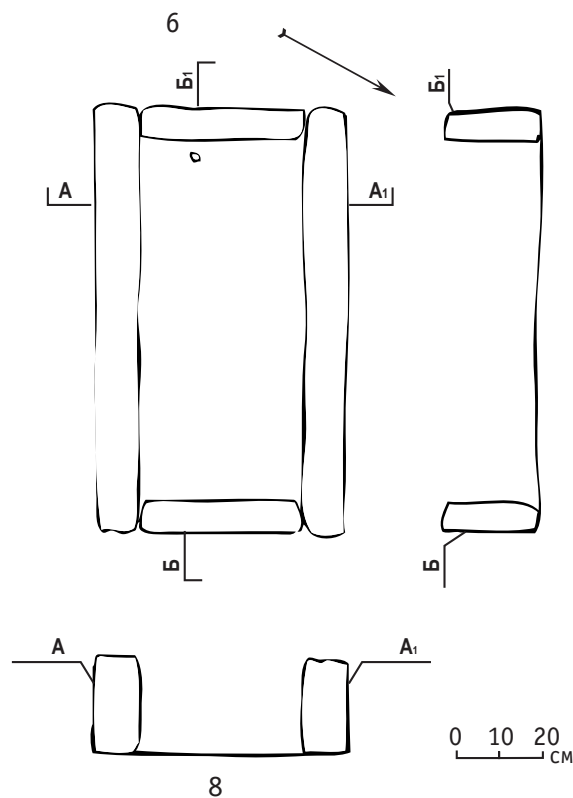
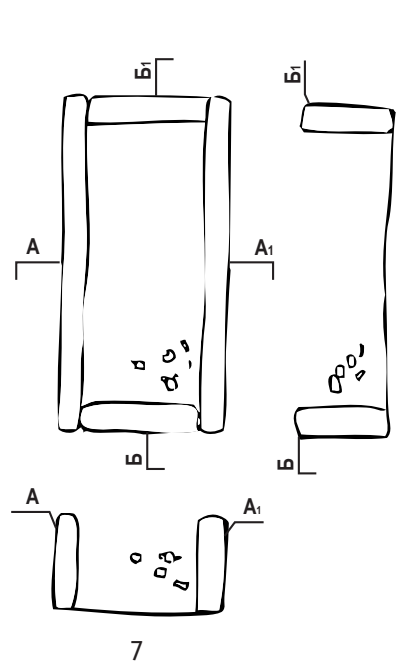
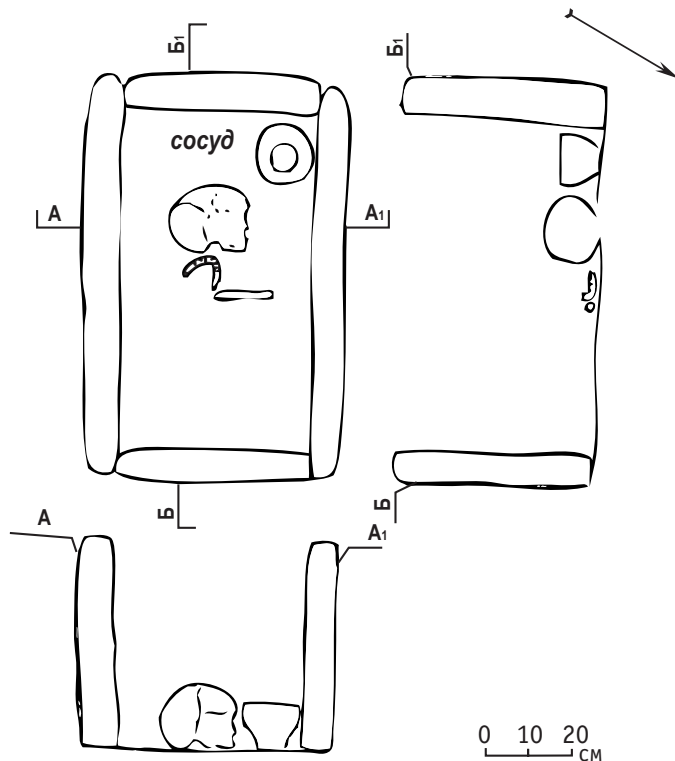
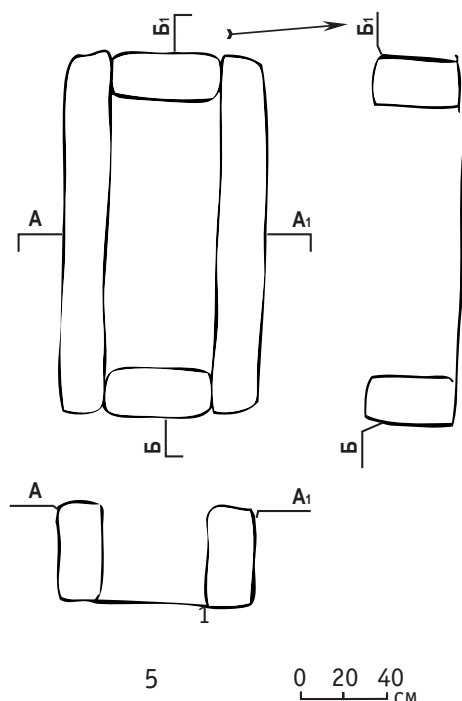

Табл. 2.
Могильник
Капал, погр. 5-8

единице совокупности двух сравниваемых могильников. Представление о вариациях и пределах этого сходства дает среднеквадратическое отклонение. Число сравниваемых пар равняется 300 (25 сравниваемых памятников, 280 погребений); 7) группировка памятников по степени сходства; 8) внутригрупповой анализ признаков, раскрывающий степень их распространённости. При этом учтена корректировка, предложенная Н.А. Рычковым, который выделил более обоснованный критерий для оценки признаков при разделении их на всеобщие, локальные и частные [Рычков Н.А., 1982, с. 167–178]. Ввиду того, что репрезентативность памятников недостаточно высока, так как погребения в массе своей ограблены, в статистику вошли и единичные погребения, что, в определённой степени, отразилось на уровне вероятности выводов. Однако если учесть, что уровень вероятности почти для всех могильников одинаков, то недостаточная представительность не исказит общую картину.

В результате группового сравнительного анализа получены данные парных коэффициентов сходства, значения которых сильно различаются — от 3,6 до 54,5%, что свидетельствует о неодинаковой степени сходства и позволяет выделить в общем массиве отдельные группы.

На первом этапе выделено 5 групп памятников, отличающихся низкими

коэффициентами сходства с другими могильниками:

1. Курган Буйен-II, который по многим параметрам резко отличается от всех остальных погребений (20 ранг);

2. Могильники Южного Казахстана: а) Киикты, б) Бийликуль. Киикты наиболее близок другому могильнику, также из Южного Казахстана — Таутары, (ранги 16 и 17). Могильник Бийликуль имеет самый низкий уровень сходства с другими памятниками (10,4%) и занимает 25 ранг.

3. Могильники Узынбулак и Саты, которые проявляют наибольшее сходство с могильником Айдахар (ранги, соответственно, 19, 23 и 4).

4. Могильники Бигащ, Аксай (ранги 24, 21).

5. В эту группу вошли все остальные памятники.

При выделении этой группы был задан уровень 0,5, критерий значимости 27,25, что позволило выявить круг могильников, имеющих общие черты. Вполне понятно, что при этом принципе в одну группу попали памятники, разные в культурном и хронологическом отношении, но связанные генетически.

При повышении уровня до 0,6 (критерий значимости 32,7) круг памятников, входящих в эту большую группу, значительно сузился — из 18 могильников в него вошли только 8 (Талапты-I, Талапты-II, Куйган-II,

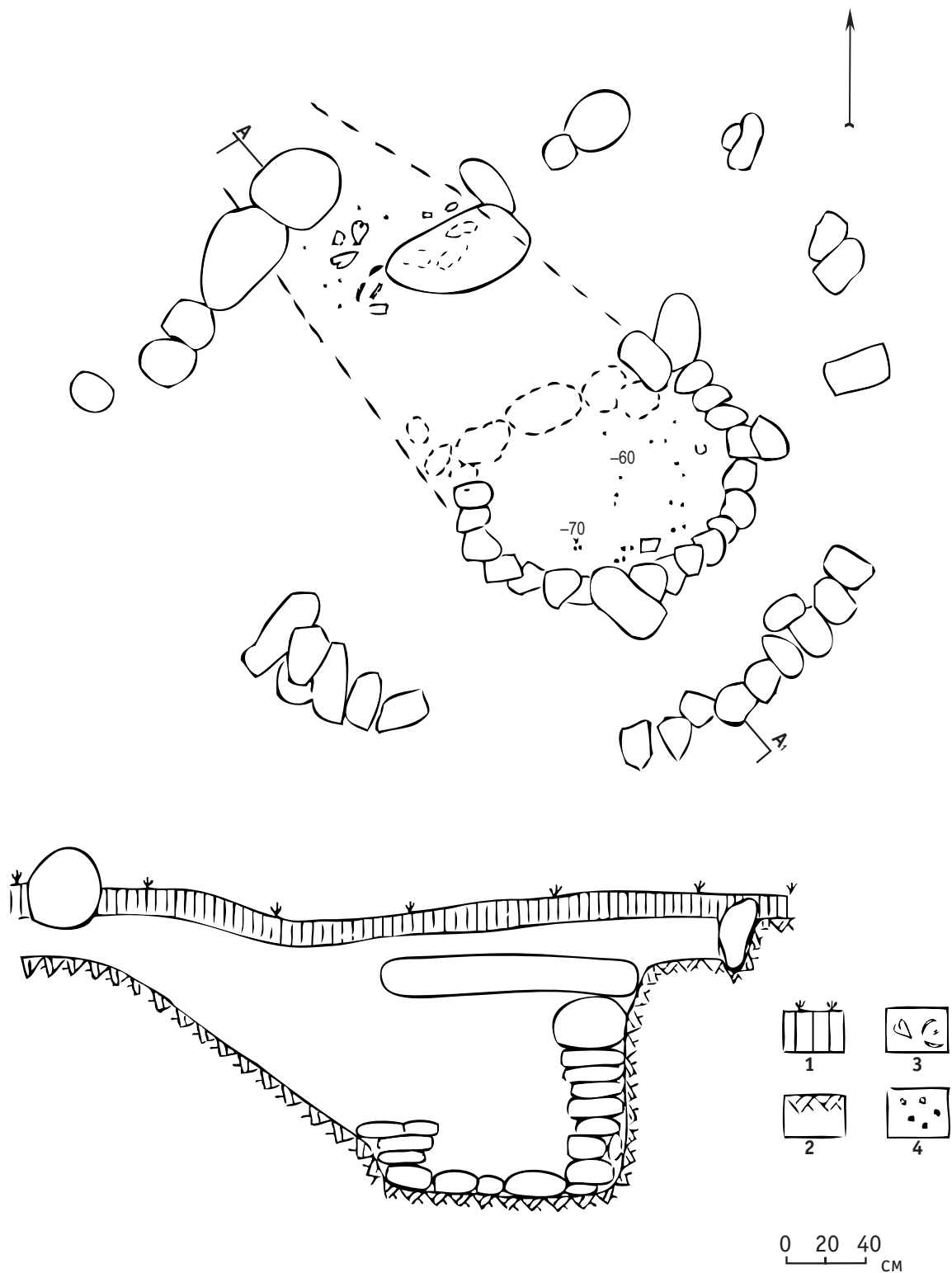

Табл. 3. Могильник Куйган-II, погр. 7

Ой-Джайляу, Айдахар, Капал, Жыланды-II, Каракудук). Более высокий коэффициент сходства имеют 5 памятников: Талапты-I, II, Куйган-II, Ой-Джайляу и Айдахар. Максимальным сходством отличаются первые три могильника, что объясняется их территориальной близостью при культурном и хронологическом единстве.

Таким образом, группу из пяти памятников, наиболее тесно связанных друг с другом, можно принять за основу для выделения могильников, принадлежащих к одной культуре с учетом коэффициентов сходства погребального обряда и керамики.

Из первоначально выделенного круга в 18 памятников этим требованиям отвечают только Каракудук (квадратическое отклонение 2,28), Мыншункыр-II (отклонение 1,06), Мыншункыр-IV (отклонение 2,18), Жыланды-II, (отклонение 2,97), Жыланды-III (отклонение 1,38), Жыланды-I (отклонение 3,29), причём из могильника Жыланды-I не все погребения вошли в эту группу. К этой же группе следует отнести могильники Узынбулак (отклонение 3,2) и Саты (отклонение 7,58), так как они наиболее тяготеют к могильнику Айдахар, который является связующим звеном между этими двумя памятниками и всей группой. Вероятно, их можно выделить как отдельный тип или вариант I группы.

Из этого круга также следует исключить могильники Капал, Теренозек.

Они тяготеют к остальным, но резко отличаются своими керамическими комплексами.

Другую группу составляют могильники Буйен-I (комплекс 13), Буйен-13 и Арасан.

В итоге, все рассмотренные памятники разделились на следующие группы:

Группа 1 включает 13 могильников с территории Жетысу.

Состоит из двух подгрупп:
1.А. — могильники Талапты-I, II, Куйган-II, Каракудук, Мыншункыр-III, IV Жыланды-I-III, Ой-Джайляу;
1.Б. — могильники Айдахар, Узынбулак, Саты.

Группа 2 — могильник Капал.

Группа 3 — могильник Теренозек.

Группа 4 — могильники Буйен-I (комплекс 13), Буйен-13, Арасан.

Группа 5 — курган Буйен.

Группа 6 — могильники Аксай, Бигаш, Саганды.

Группа 7 — включает три могильника Южного Казахстана: Бийликуль, Киикты, Таутары.

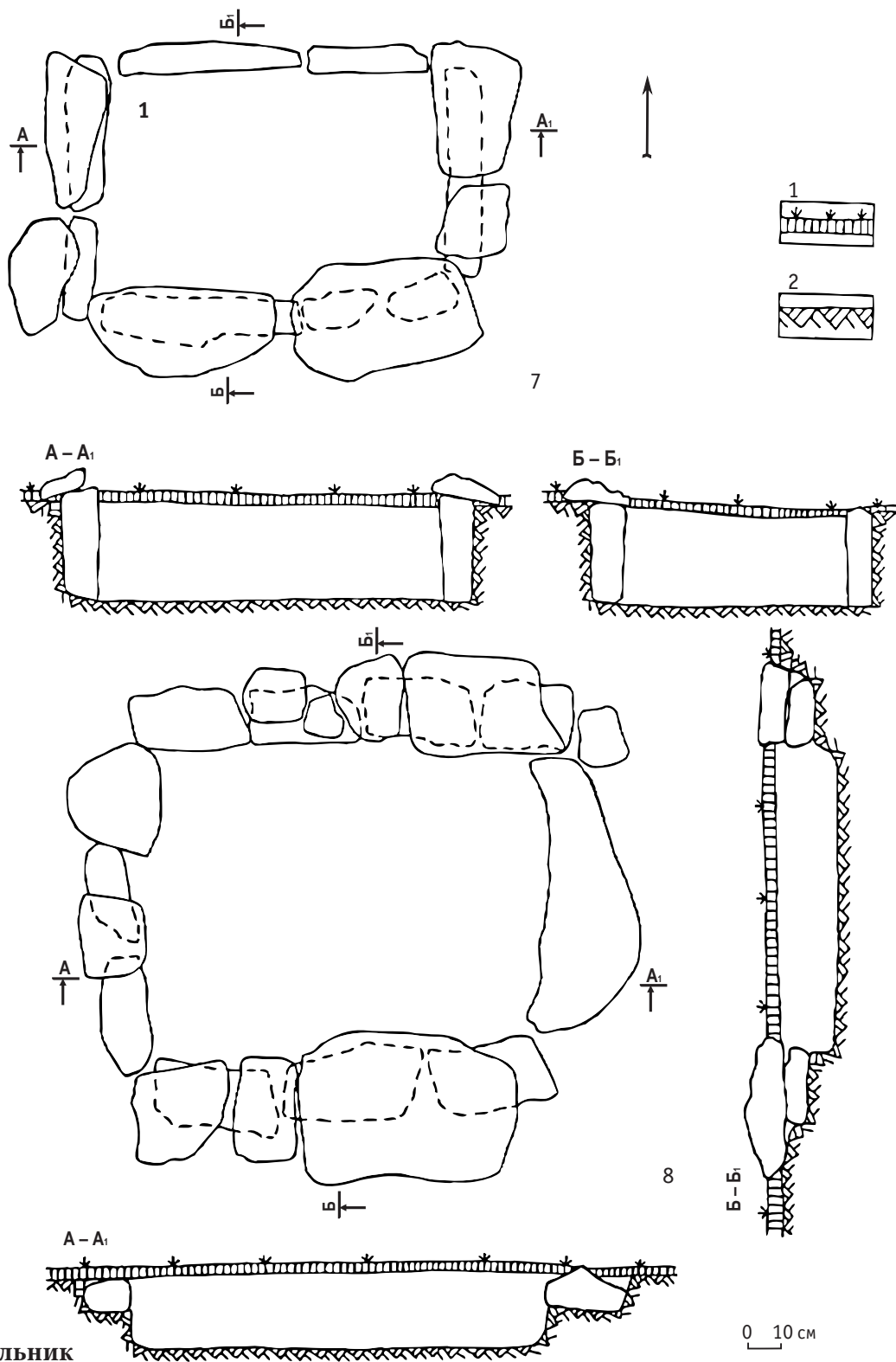

Табл. 4. Могильник
Таланты-I, погр. 7-8

2.1 Погребальные сооружения и обряд захоронения

2.1.1 Конструкции надмогильных и могильных сооружений, их ориентировка

Надмогильные сооружения в основном представлены каменными оградами двух видов: 1 — из вертикально поставленных камней и 2 — из камней, уложенных горизонтально в один; или несколько слоёв. В редких случаях встречаются сплошные каменные выкладки над могильной ямой, но и вокруг них, как правило, возводились ограды.

Группа 1. Выделено 10 типов надмогильных сооружений.

Подгруппа 1.А — могильники Талапты-I, II, Куйган-II, Каракудук, Мыншункыр-III, IV, Жыланды-I-III, Ой-Джайляу. Выделено 9 типов надмогильных сооружений:

1-й тип. Одинарные прямоугольные ограды из крупных плохо обработанных каменных плит — 30%. Часто использовались крупные обломки скальной породы без предварительной обработки. Их ставили на ребро на уровне древней поверхности, иногда немного вкапывали в грунт. Камни оград и в настоящее время сильно выступают над поверхностью. В стенках некоторых оград имеются незаделанные промежутки, образующие проходы во внутреннее пространство. Часто к основным оградкам пристраиваются

дополнительные сегментовидные или прямоугольные пристройки.

2-й тип. Ограды круглые, образованные из таких же крупных камней (40% памятников). В отдельных случаях встречаются ограды овальные и сегментовидные.

3-й тип. Круглые концентрические ограды (20%).

Другую разновидность представляют ограды из небольших необработанных камней, уложенных плашмя на поверхности или на подсыпке. Ограды этого вида отличаются значительным разнообразием. Характерны они для трёх могильников: Мыншункыр-III, IV и Каракудук и спорадически встречаются на других могильниках (Куйган-II, Жыланды-I). Помимо трёх типов, уже выделенных здесь, встречаются:

4-й тип. Ограды прямоугольные двойные (Мыншункыр-III, Каракудук).

5-й тип. Ограды прямоугольные тройные концентрические (1 — мог. Мыншункыр-IV).

6-й тип. Ограды двойные: внешняя — прямоугольная, внутренняя — округлая (2 — могильники Мыншункыр-III, IV).

7-й тип. Ограды прямоугольные с внутренними перегородками (1 — могильник Мыншункыр-III).

8-й тип. Ограды прямоугольные, пристроенные друг к другу, образующие большой единый комплекс (могильники Мыншункыр-III, IV).

9-й тип. Сплошные выкладки из мелких камней над могильной ямой. Часто вокруг выкладок сооружались ограды как первого, так и второго типа. Встречаются на 40% памятников.

Особое разнообразие надмогильных сооружений характерно для могильника Мыншункыр-III, где отмечено 7 типов оград более сложной конструкции, чем на остальных памятниках. На этом могильнике ограды составлены из камней, уложенных в 1–8 слоёв с использованием грунтовой подсыпки для нивелирования поверхности.

Подгруппа 1.Б — могильники Узынбулак, Саты и Айдахар. Для этой подгруппы характерны обе основные разновидности оград. Всего здесь выделено 6 типов надмогильных сооружений. Распределение типов внутри подгруппы неодинаковое.

Так, для могильников Узынбулак и Саты характерны прямоугольной формы ограды из крупных камней, соответствующие 1 типу подгруппы 1.А.

В могильнике Айдахар все ограды относятся ко второму виду, т.е. составлены из небольших камней, уложенных плашмя. Здесь сооружались ограды шести типов, причём пять из них относятся к уже выделенным 1–5 типам подгруппы 1.А. Кроме того,

выделен особый тип, характерный именно для этого памятника и получивший № 10 в общей систематике 1-й группы.

10-й тип. Прямоугольные «коридорообразные» ограды, разделённые короткими перегородками на секции для каждого погребения.

Ограды группы 1 имеют самую разнообразную ориентировку: отмечено 8 направлений. На 80% памятников ограды ориентированы по оси В–З (24,2%), на 60% — по линии ЮЗ–СЗ (18,2%), на 50% — СВ–ЮЗ, что составляет 15,2% от общего числа оград. Такое же число оград (15,2%) ориентировано по оси С–Ю. На 30% памятников ограды сооружались по линии ВСВ–ЗЮЗ, т.е. 9,1% от общего числа, столько же оград имеют широтную ориентировку. На 20% памятниках они ориентированы по оси ВЮВ–ЗСЗ (6,1%) и только в одном случае (могильник Мыншункыр-III) встречена ориентировка ЮЮЗ–ССЗ (3,03%).

Следует отметить, что наибольшим разнообразием ориентировки отличаются ограды второго вида: здесь встречены все 8 направлений, выделенных для этой группы, причём ориентировка В–З относится к единичным явлениям, преобладает направление ЮВ–СЗ и ВСВ–ЗЮЗ.

Более строго ориентированы ограды в подгруппе 1.Б. Ориентировка оград по линии З–В встречена в могильни-

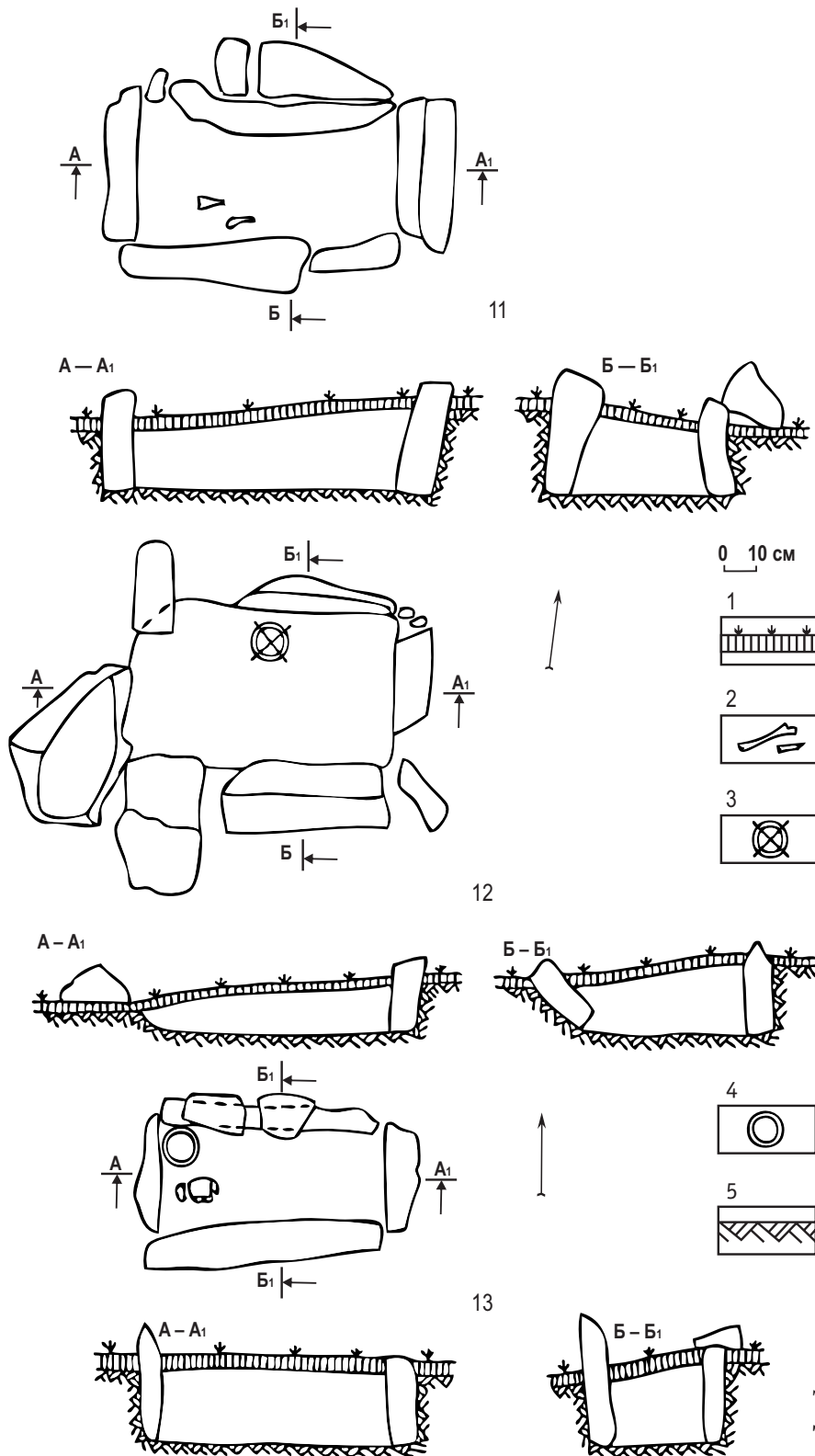

Табл. 5. Моги́льник
Талапты-I, погр. 11-13

ках Айдахар и Саты, С–Ю — в могильниках Айдахар и Узынбулак, т.е. и здесь просматривается та же закономерность — ограды второго вида имеют больше вариантов ориентировки.

Погребальные конструкции. В подгруппе 1.А зафиксировано 27 типов погребальных сооружений. Среди них преобладают ящики различных видов (67,52%): а) обычные неглубокие ящики прямоугольной или квадратной формы, края плит которых находятся на уровне поверхности или слегка возвышаются над ней; б) узкие, длинные прямоугольные ящики; в) впущенные в грунтовую яму; г) впущенные в грунтовую яму с заплечиками; д) впущенные в грунтовую яму, с последующей забутовкой межстеночного пространства камнями и землёй; е) трапециевидные ящики; ж) спаренные ящики; з) строенные ящики.

Цисты составляют 6,13% от всего числа погребальных конструкций. Они представлены различными типами: а) циста неглубокая, стенки выложены камнями в два слоя; б) циста в два слоя, впущенная на дно грунтовой ямы; в) циста в 5–6 слоёв камней, выложенных на всю высоту стен грунтовой ямы; г) циста с ломаным сводом (внизу прямоугольная, вверху — овальная); д) циста, впущенная в прямоугольную грунтовую яму с вертикальными стенами; е) циста, впущенная в грунтовую яму с заплечиками; ж) округлая неглубокая циста

из трёх слоёв камней, уложенных в три ряда.

Грунтовые ямы, овальные и прямоугольные, составляют 9,5%.

Остальные 16,85% — это различные комбинированные сооружения. Ящики-цисты; а) ящик-циста (одна стенка ящика достроена цистовой кладкой); б) ящик-циста (все стенки ящика, кроме одной, сверху имеют дополнительную кладку); в) ящик-циста (ящик, впущенный в грунтовую яму с заплечиками, на которые уложены камни в несколько слоёв); г) ящик-циста с ложным сводом (внизу — вертикально поставленные блоки, сверху — циста в несколько слоёв с напуском к центру); д) ящик-циста (три стенки из плит, поставленных вертикально, одна стенка — цистовая кладка); е) ящик-циста (две стенки из плит, поставленных вертикально, и две стенки из плит, уложенных горизонтально).

Отмечены, помимо указанных, различные сочетания и для цисты: а) циста-ящик (три стенки из плит, уложенных горизонтально, вдоль одной стенки плита установлена вертикально); б) циста-деревянная рама (на дне цисты сооружена деревянная рама); в) циста-грунтовая яма (на заплечиках в верхней части ямы уложены камни в два слоя).

Грунтовые ямы также встречаются в различных комбинациях с каменными выкладками: а) грунтовая яма с

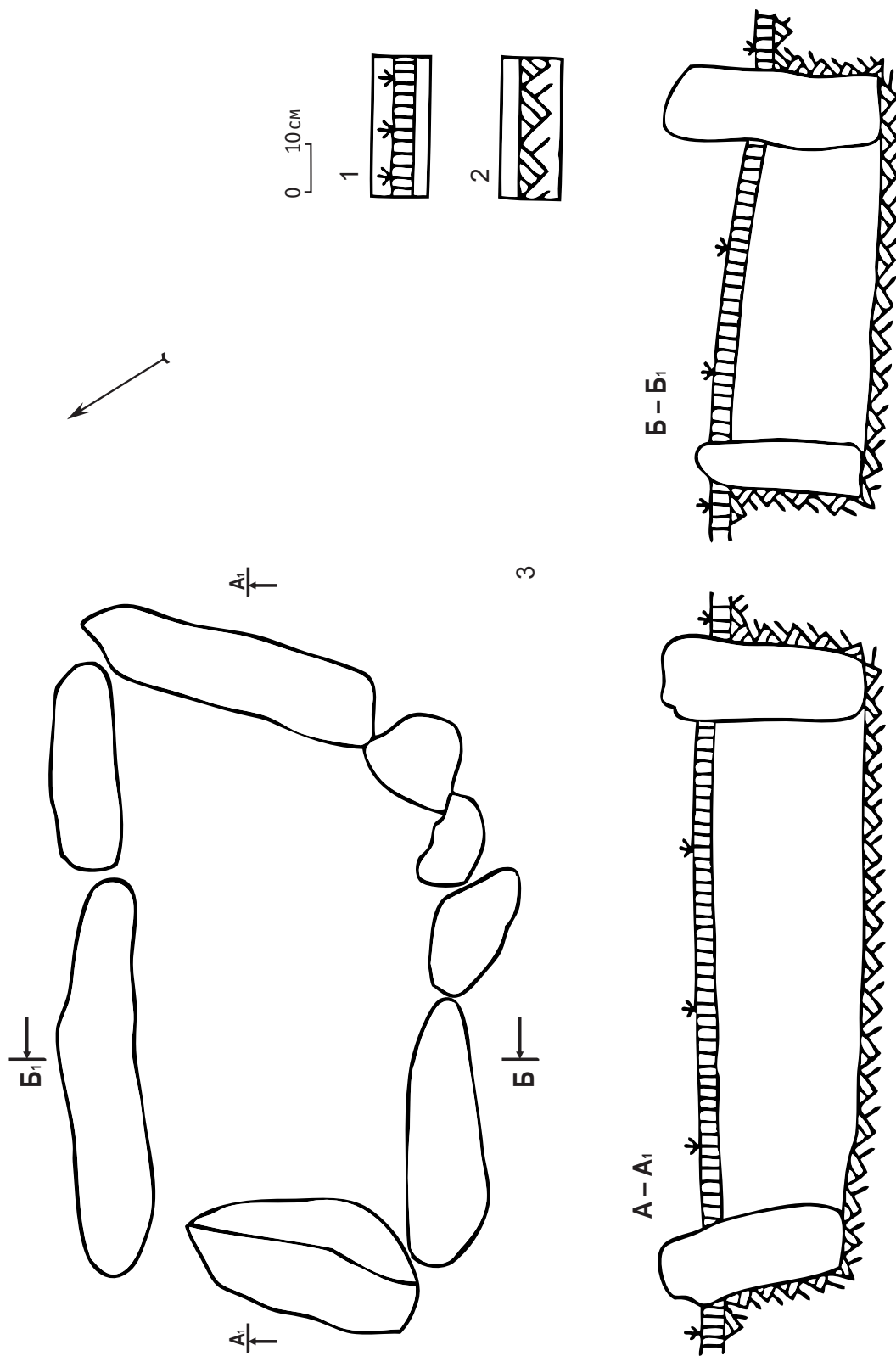

Табл. 6. Могильник Талапты, погр. 3

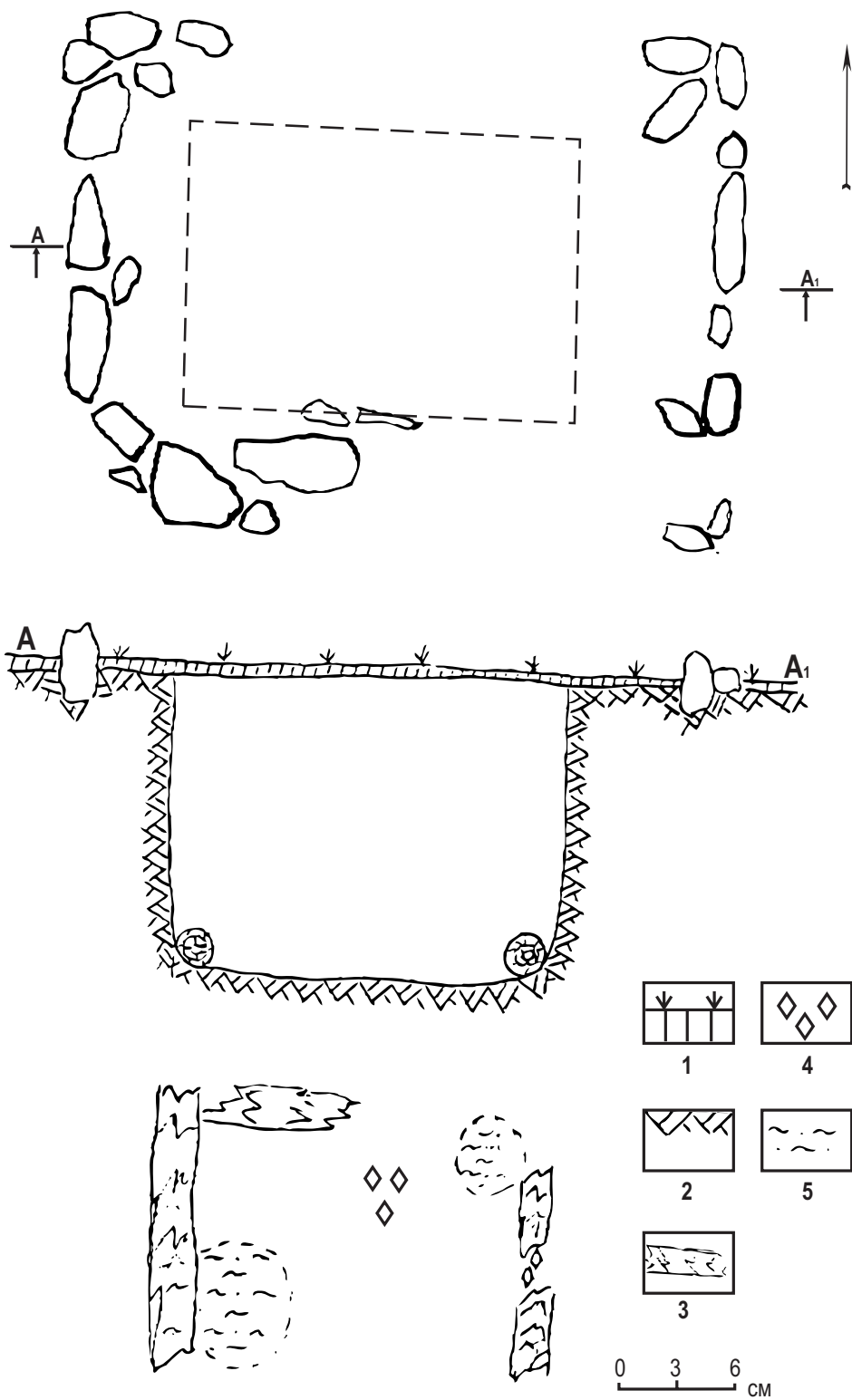

Табл. 7. Могильник Саты, погр. 1

выкладкой по периметру дна (вдоль одной стенки плита установлена вертикально, вдоль второй и третьей стенок уложены небольшие камни); б) грунтовая яма с заплечиками в два яруса, на которые уложены камни в один слой; в) грунтовая яма с ящиком вверху.

Всего зафиксировано 12 типов комбинированных сооружений, они встречаются только на одном памятнике. Исключение составляют ящики-цисты с ложным сводом, которые известны на двух могильниках этой группы (Талапты-I и Каракудук).

Разнообразием типов погребальных конструкций отличаются могильники Мыншункыр-III и Куйган-II. Оба памятника дают 21 тип внутримогильных сооружений из выделенных 27. Нестандартность проявилась и в технических приёмах — встречаются ящики с двойными стенками, иногда стенки изнутри подпирались стелами, а стыки между плитами заполнялись мелкими камнями, поверхность вокруг ящиков выкладывалась плитками. В двух погребениях дно также выложено плитами (Мыншункыр-III), в погребениях могильника Ой-Джайляу дно обмазано глиной.

При сооружении цист использовался различный материал — валуны или плиты. Иногда в зазоры между валунами вставлялись мелкие плитки или камни для выравнивания кладки. На облицовку стен шёл не только

мелкий плитняк и валуны, но и крупные плиты, уложенные плашмя.

Из 148 погребений первой группы 38 относятся к детским захоронениям, что составляет 25,67%. Совершались они в ямках, соответствующих росту ребёнка. Обычно устраивались мелкие индивидуальные ящики, иногда спаренные, в одном случае строенные. В спаренных ящиках встречаются захоронения ребенка и взрослого, но при этом детская часть всегда имеет меньшие размеры. Детские погребения пристраивались к основным родительским оградкам, вокруг них порою сооружались сегментовидные оградки, однако дополнительного ограждения не имели. Ящикам придавалась прямоугольная форма и только в одном случае западная стенка облицована плитками, соединяющимися под острым углом (могильник Куйган-I). В двух случаях ящики имеют незавершённый вид — отсутствуют плиты вдоль одной из стенок, причём той, которая обращена к основному, родительскому погребению.

Только одно детское захоронение совершено не в обычном ящике, а в ящике-цисте (тип «д»), где вдоль западной стенки плиты уложены плашмя в два слоя. Для всех детских сооружений характерна одна общая черта — плита, находящаяся в изголовье, выше остальных стенок.

Подгруппа 1.Б. В могильных ямах этой группы сооружались однотипные

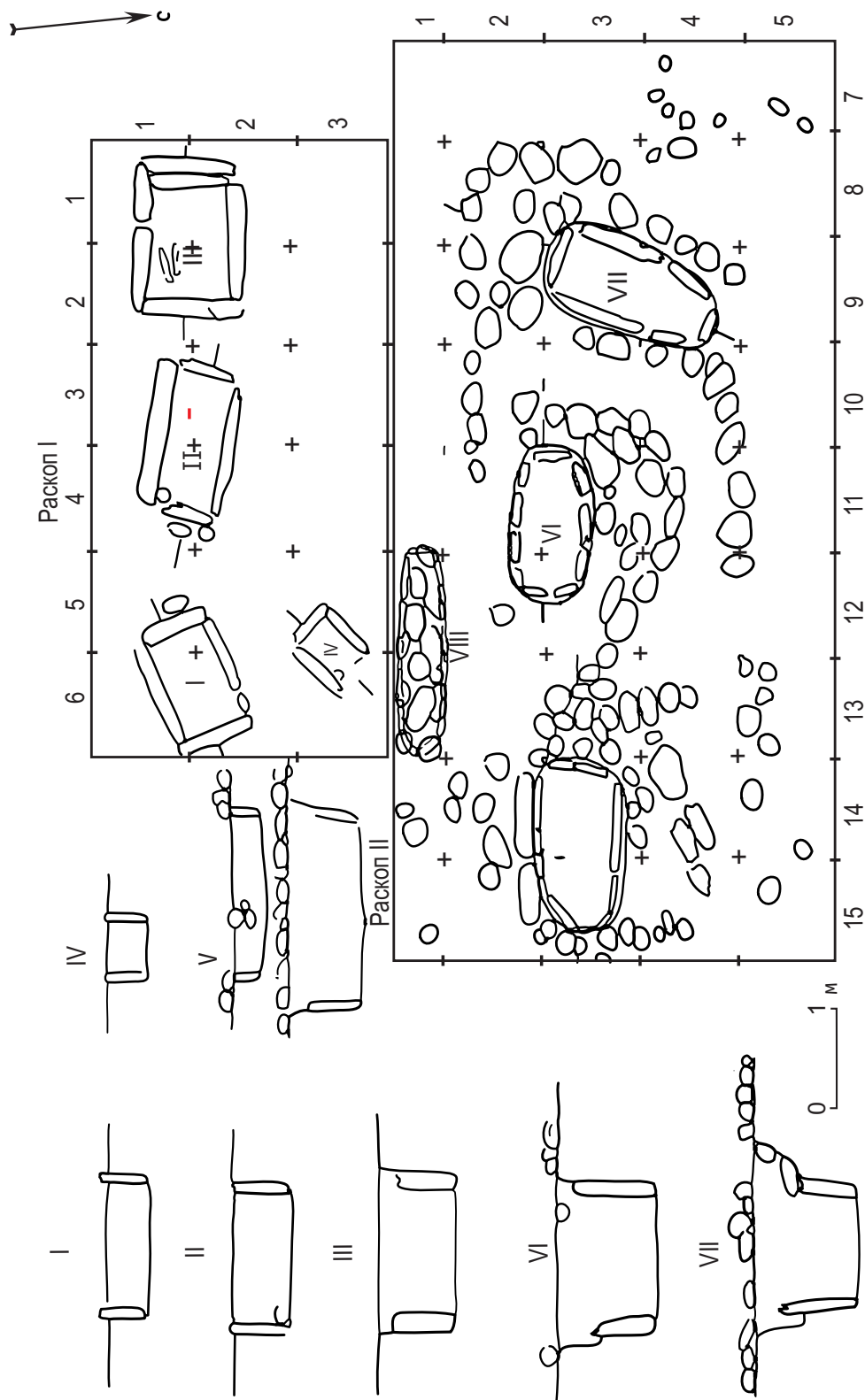

Табл. 8. Могильник Арасан, план раскопов I-2

конструкции — бревенчатые рамы, впущенные на дно грунтовой ямы и перекрытые плахами. Между брёвнами и стенками ямы вставлялись камни, в отдельных случаях камни вдоль стен отсутствуют. Один раз в западной части над рамой возвышались три вертикально установленных бревна. Размеры и глубина ям зависела от возраста, роста и способа захоронения умерших. Погребения кремированных останков менее глубокие и имеют обычно двойную концентрическую ограду по форме близкую к овалу.

Ориентировка. Для погребений подгруппы 1.А преобладающей является ориентировка по оси В–З — 51,5%, 13,8% — составляют могильные сооружения, направленные по линии ЮЗ–СЗ; 17,4% — ВСВ–ЗЮЗ; 11,6% — по оси СВ–ЮЗ. Наименьшее число погребений ориентировано по линии С–Ю (3,5%) и ВЮВ–СЗ (2,2%).

Детские захоронения, в основном, ориентированы по линии В–З (44,7%) и по оси ЮВ–СЗ (36,8%). Одно погребение — ящик-циста (могильник Куйган-II) имеет ориентировку С–Ю, что подчёркивает его отличие от прочих. Два ящика длинной осью направлены по линии СВ–ЮЗ (могильник Куйган). Следует отметить, что в детских захоронениях те или иные отклонения от основного направления (В–З) объясняются стремлением ориентировать их в сторону родительского погребения. Выбор противоположной

ориентировки (С–Ю) был продиктован необходимостью акцентировать внимание на его обособленность.

Подгруппа 1.Б. Генеральным направлением является В–З, только в двух случаях зафиксированы отклонения: в одном случае — к С (ЮВ–СЗ) могильник Айдахар, во втором случае — к Ю (СВ–ЮЗ) могильник Узынбулак. Анализ внутримогильных конструкций первой группы и их ориентировка, прежде всего, свидетельствуют об отсутствии строгого единообразия. Существует ли зависимость между типом той или иной конструкции и её ориентировкой? Коррелирование этих признаков дало следующие результаты:

1. Могильник Мыншункыр-III — доминируют цисты и комбинированные сооружения (15 случаев из 19), основным направлением для них является ВСВ–ЗЮЗ (81,8%), но встречается и другая ориентировка (В–З, СВ–ЮЗ и С–Ю). Ящики относятся к частным признакам и для данного могильника не характерны (3 случая из 19). В их ориентировке также отсутствует определённость — два ящика имеют направление ВСВ–ЗЮЗ, 11 — В–З. Исключением является грунтовая яма, ориентированная по оси С–Ю, что представляет собой единственный факт сопряжённости двух признаков.

2. Могильник Талапты-I — преобладают ящики, комбинированные сооружения (ящики-цисты с лож-

ным сводом) являются исключением (4 случая из 14). Здесь проследить какую-либо закономерность не удалось. Оба типа сооружений имеют одинаковую направленность (В–З и СВ–ЮЗ), при этом основной является В–З.

3. Могильник Талапты-II — преобладают ящики, реже сооружались грунтовые ямы без конструкций (3 случая из 13) и к единичным признакам относится комбинированная грунтовая яма с каменной выкладкой по дну (тип «а»). Сопряжённость между ориентировкой и типом конструкции не отмечена.

4. Могильник Куйган-II — основным типом являются ящики. Цисты и комбинированные сооружения составляют 20% от общего числа погребений. Сопряжённость отмечена только в одном случае — детский ящик-циста ориентирован в направлении С–Ю.

5. Могильник Каракудук — доминируют ящики, реже встречаются ящики-цисты с ложным сводом (4 случая из 29). Два из них имеют нетипичную ориентировку — ВЮВ–ЗСЗ.

6. Могильник Жыланды-II — в двух случаях из шести отмечены комбинированные конструкции (ящик-циста тип «б» и тип «е»), имевшие одинаковую направленность (СВ–ЮЗ), не характерную для остальных погребений.

7. Могильник Жыланды-II — единственная комбинированная грун-

товая яма с ящиком в верхней части, не отличается своим направлением от других захоронений.

Таким образом, коррелирование признаков не выявило чёткой закономерности между различными типами погребальных конструкций и их ориентировкой. Этот факт отмечен лишь в отдельных случаях. Как видим, уже на первых этапах погребального цикла проявляется разделение общества на различные группы, что нашло своё отражение в существовании различных типов могильных сооружений и их ориентировке. Наиболее вероятные причины этого следует искать в следующем: 1) разноэтничность, 2) локальные, региональные особенности, 3) различия в социальном положении, 4) индивидуальные особенности умерших или причин смерти.

Существование различных этнических групп, видимо, отразилось в особенностях могильника Мыншункыр-III, который резко отличается от других своими погребальными конструкциями и их ориентировкой. Локальными или региональными причинами объясняется несходство погребальных конструкций могильников Айдахар, Узынбулак и Саты со всеми остальными могильниками первой группы. Эти три памятника расположены в горном Кегенском районе.

Этими же причинами, вероятно, объясняется и особенность ориентировки основной части погребений могильника Каракудук (СВ–ЮЗ).

Различия в социальном положении проявились в существовании различных типов могильных сооружений на одном памятнике.

Индивидуальные особенности умерших и особые причины смерти отразились в диаметрально противоположной ориентировке их погребений, иногда подчеркнутых особенностями погребальных сооружений.

Незначительные отклонения в ориентировке на одном памятнике указывают, что носители данной культуры при сооружении могил ориентировались относительно горизонта по солнцу без учёта его сезонных колебаний.

Группа 2. К ней относится могильник Капал. Этот могильник сильно тяготеет к 1-й группе. Коэффициент сходства с основным ядром 1-й группы составляет 31,3%, среднеквадратическое отклонение — 2,33. Однако резкое отличие керамических комплексов не позволило объединить их в единую группу.

Могильник Капал отличается отсутствием каких-либо надмогильных сооружений. Но это может быть результатом разрушения памятника, так как он расположен на территории современного посёлка.

Погребальные конструкции. Все раскопанные (8) могильные сооружения являются прямоугольными ящиками. Форма одного из них близка к трапецевидной (ящик 4).

Один ящик — спаренный (№ 1 и № 2). Другой ящик предназначался

для захоронения ребёнка (№ 6). Размеры ящиков для взрослых колеблются в пределах 0,5–0,74 x 1,12–1,6 м, глубина — 0,4 м.

В ориентировке ящиков отсутствует строгая регламентированность: 4 ящика (50%) ориентированы по линии В–З, 3 ящика (37,5%) — по линии ВСВ–ЗЮЗ и только 1 ящик (№ 5 — 12,5%) ориентирован по оси ВЮЗ–ЗСЗ.

Группа 3. В эту группу выделен могильник Теренозек, который также тяготеет к 1-й группе — коэффициент сходства 31,4%, среднеквадратическое отклонение 2,85. Наибольшее сходство отмечено между ним и могильниками Ой-Джайляу (34,4%), Айдахар (33,9%), Талапты-II (32,3%). Раскопано 7 погребений.

Надмогильные сооружения. Вокруг большинства погребений имеются круглые ограды (71,4%), только в двух случаях ограды отсутствуют. В одном случае детское погребение заключено в сегментовидную ограду, пристроенную к основной круглой ограде. Сооружены ограды из плит, врытых на ребро, и только одна ограда сооружена из плит, уложенных плашмя в виде двойного концентрического круга. Диаметры оград колеблются в зависимости от длины погребений — от 3,1 до 4,6 м.

Погребальные конструкции. Выделено 2 типа могильных ям: 1. Грунтовая яма (28,6%), 2. Каменный ящик (71,4%).

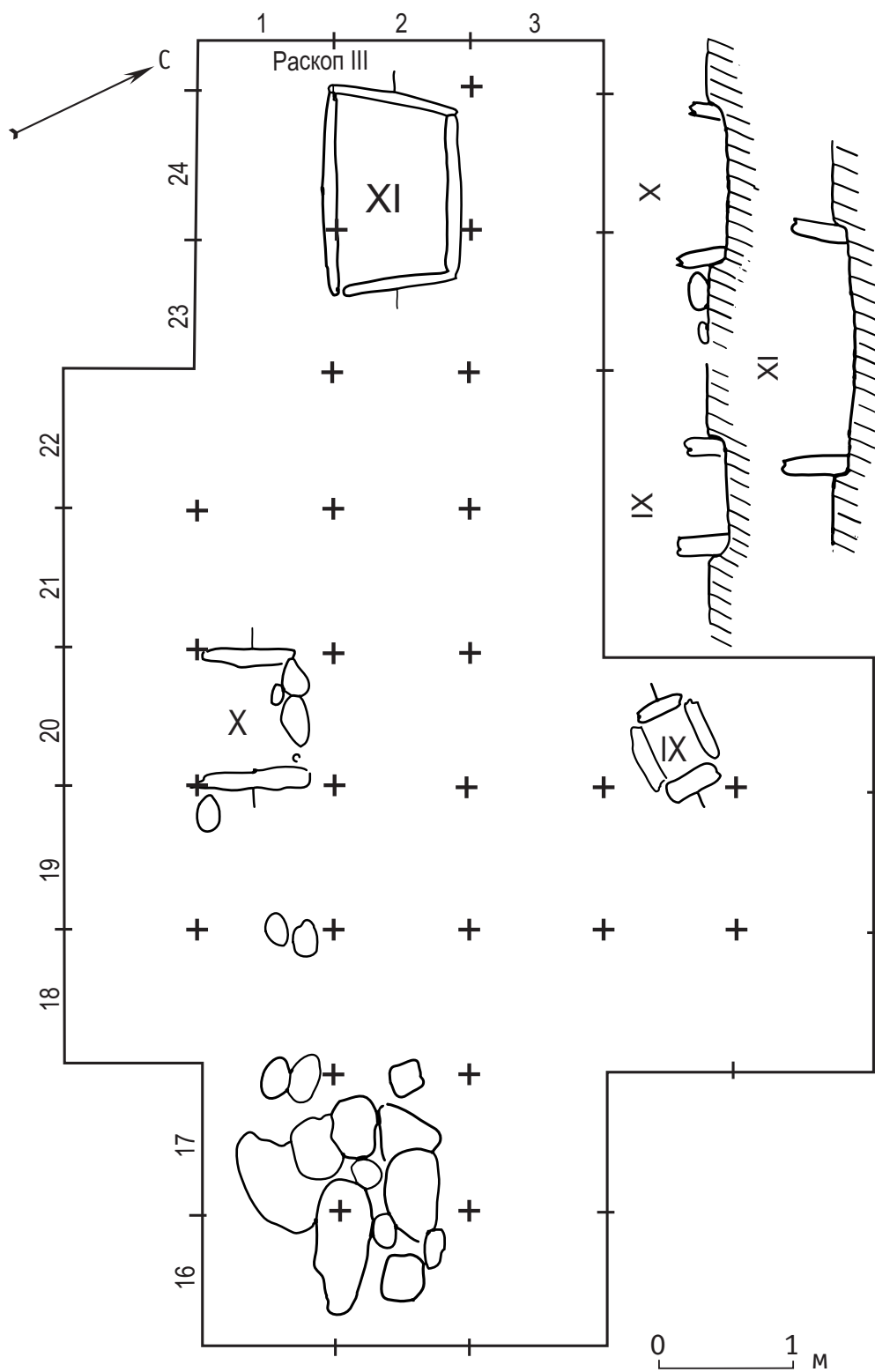

Табл. 9. Могильник Арасан, план раскопа 3

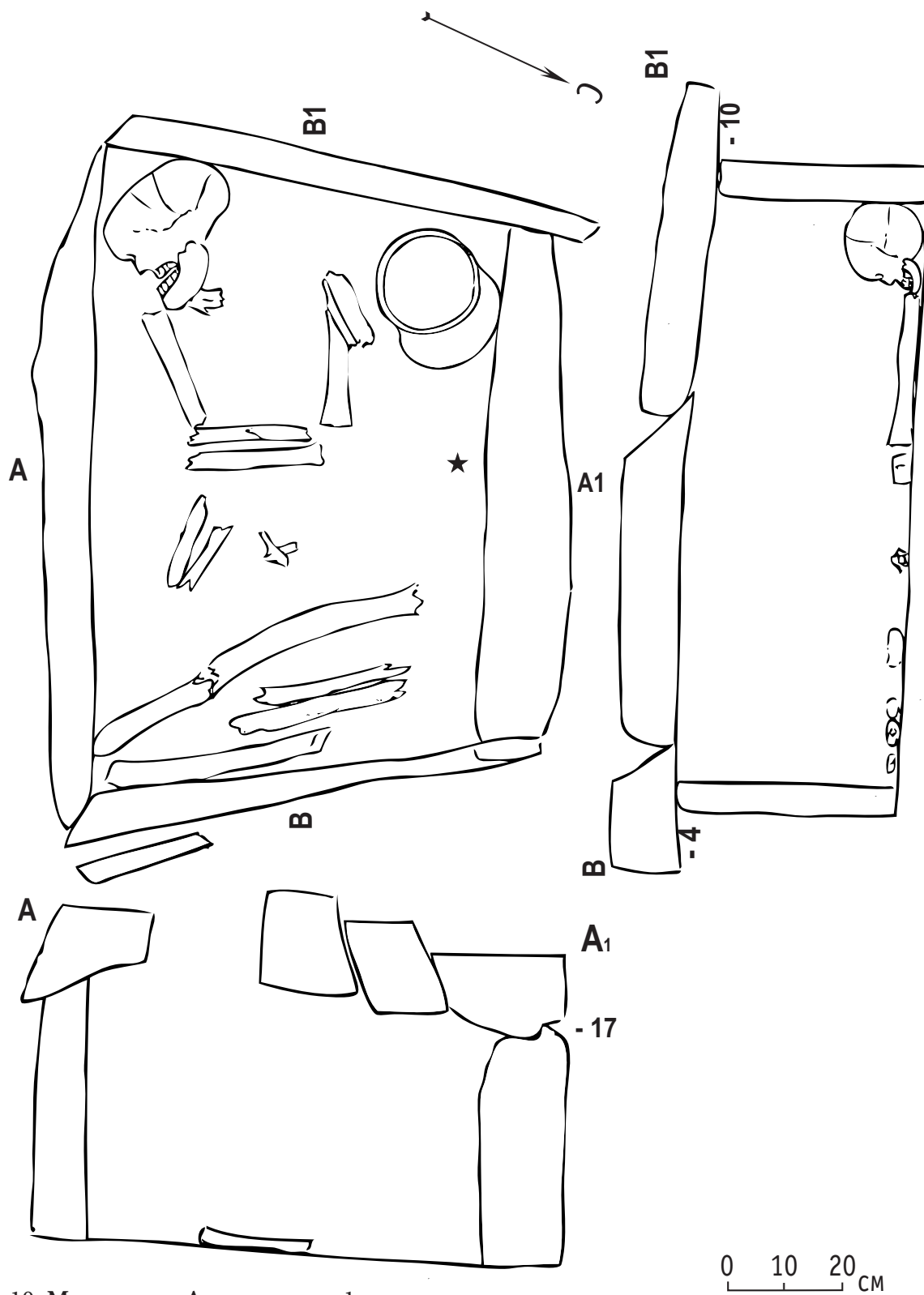

Табл. 10. Могильник Арасан, погр. 1

1 тип — грунтовые ямы (№ 20, № 15) подпрямоугольной формы. Размеры их колеблются от 0,5–0,6 до 1,5–2,0 м, глубины от 0,62 до 0,72 м. Перекрыты каменными плитами.

2 тип — каменные ящики, делятся на два подтипа в зависимости от размеров: 1 — взрослые, большие ящики; 2 — детские, небольшие ящики.

Ящики двух форм — прямоугольные (№ 3, № 22 — детский, № 32) и трапециевидные (№ 8, № 22 — взрослый). Размеры ящиков: 0,4 х 0,8 м, глубина 0,4 м — детский; от 0,6–0,9 до 1,5–1,9 м, глубина от 0,64 до 1,2 м — взрослый.

Ориентированы погребения по линии В–З.

Группа 4. Могильники Буйен-1 (комплекс 13), Буйен-13 и Арасан. Отмечается определённое сходство этой группы памятников и 1-й группы. Коэффициент сходства 25,2%. Внутригрупповой (для 4-й группы) коэффициент сходства 28,6%. Наибольшим коэффициентом сходства отличается могильник Буйен-13 — 31,6%, затем Буйен-1 — 27,85% и Арасан — 26,35%.

Надмогильные сооружения. Отличаются разнообразием, отмечено 7 типов надмогильных сооружений из валунов:

1 тип. Овальные или круглые ограды (норма распределения 21,2%).

2 тип. Овальные или круглые концентрические двойные и тройные ограды в 1–2 яруса (норма распределения 18,3%).

3 тип. Прямоугольные ограды (норма распределения 21,7%).

4 тип. Прямоугольные двойные ограды (норма распределения 6,6%).

5 тип. Прямоугольные ограды, пристроенные друг к другу (норма распределения 2,2%).

6 тип. Прямоугольные сплошные выкладки над могильными ямами (норма распределения 18,6%).

7 тип. Овальные или круглые сплошные выкладки (норма распределения 11,5%).

Таким образом, чаще встречаются прямоугольные и округлые ограды. Над некоторыми могильными ямами не имеется внешних признаков.

Ориентировка надмогильных сооружений. Преобладающим направлением является В–З (40,6%), затем ЮЮВ–ССЗ (21,2%), С–Ю (14,8%), ВЮВ–ЗСЗ (11,4%), СВ–ЮЗ (8,4%), ЮВ–СЗ (3,7%).

Коррелирование признаков ориентировки и формы надмогильных сооружений дало следующие результаты: по линии В–З ориентированы прямоугольные, овальные и овальные концентрические ограды, прямоугольные сплошные выкладки. Ориентированы по линии С–Ю прямоугольные выкладки и овальные ограды, по линии

ЮВ–СЗ — овалы сплошные выкладки, по линии СВ–ЮЗ — прямоугольные ограды, по линии ЮЮВ–ССЗ — прямоугольные ограды (1 и 2 типа), по оси ВЮВ–ЗСЗ — полукруглые пристройки, близкие прямоугольным оградкам 1 и 2 типа.

Как видим, чёткой зависимости между этими признаками не прослеживается.

Погребальные конструкции. Раскопанные могильные ямы по своим внутренним конструкциям делятся на 9 типов:

1 тип. Грунтовые ямы с вертикальными стенками (50,5%), по форме — а) овалы (38,9%), б) круглые, в) прямоугольные, г) подтреугольные; по глубине — а) полуназемные (глубина 0,2–0,3 м) неглубокие; б) типичные среднеглубокие (глубина 0,4–1,0 м).

В одном случае вдоль северной стенки установлена плита (могильник Буйен-13, погребение 7).

2 тип. Грунтовые ямы с заплечиками (4,5%) — могильник Буйен-13.

3 тип. Цисты с ложным сводом (3,9%) — могильник Буйен-1, комплекс 13. На дне — подсыпка кварцевой крошки. В одной цисте на дне — плита.

4 тип. Круглая наземная циста из валунов, положенных горизонтально в три ряда и в три слоя (2,6%) — могильник Буйен-13.

5 тип. Прямоугольные каменные ящики из гранитных и сланцевых плит (13,6%), из них детских — 5,55%.

6 тип. Трапециевидные ящики (16,7%). Среди них встречаются с двойной западной стенкой (могильник Арасан).

7. Овалы ящики из сланцевых плит, поставленных на узкое ребро (2,8%) — могильник Арасан.

8 тип. Ящики узкие, длинные, из сланцевых плит, поставленных на узкое ребро (2,8%) — могильник Арасан.

9 тип. Круглые ямы, стенки которых облицованы плитами, поставленными на ребро и по верху выложены камнями (2,6%) — могильник Буйен-13.

Доминируют грунтовые ямы различного типа (55%), менее распространены ящики (35,9%), разновидности цист (6,5%) и к единичным явлениям относятся круглые ямы с каменной облицовкой (2,6%).

Ориентировка могильных ям. Характерно значительное колебание ориентировок могильных ям, от В–З до С–Ю. Нормы распределения направлений: ЮВ–СЗ — 36,1%, В–З — 23,3%, СВ–ЮЗ — 14,4%, ВЮВ–ЗСЗ — 12,8%, С–Ю — 11,1%, ВЮВ–ЗСЗ — 2,8%. Коррелирование ориентировок с формами погребальных и наземных сооружений определённых зависимостей не выявило.

Группа 5. Курган Буйен-II.

Курган Буйен-II выделен в 5-ю группу на основании коэффициента сходства с центральными памятниками 1-й группы, равного 22,4%.

Надмогильное сооружение — курган из валунов, не имеет аналогов среди могильников эпохи бронзы.

Погребальная конструкция — грунтовая яма, расположенная под насыпью кургана. Ориентировка могилы — В-З.

Группа 6. Могильники Бигаш, Аксай и Саганды. Эта группа имеет наименьшее сходство (16,8%) с 1-й группой и со всеми другими группами. Наибольшим коэффициентом сходства отличается могильник Аксай (18,9%), наименьшим — могильник Бигаш (13,2%). К этой же группе относится курган-ограда могильника Жыланды-I.

Надмогильные сооружения. Зафиксировано 5 типов надмогильных сооружений:

1 тип. Круглые или овальные ограды, из плохо обработанных камней, врытых на ребро или уложенных плашмя (норма распределения 11,4%).

2 тип. Круглые или овальные ограды с 2-3 концентрическими кольцами. Иногда плиты одного кольца врыты на ребро, плиты другого — уложены плашмя (6,7%).

3 тип. Прямоугольные ограды и пристройки (77,1%).

4 тип. Курганы-ограды (3,4%).

5 тип. Сплошные выкладки из камней над могильной ямой (2,4%).

Наиболее часто встречаются прямоугольные ограды. Курганы-ограды отмечены на трёх могильниках, кроме Саганды.

Ориентировка надмогильных сооружений. Отсутствует строгая определенность в направленности сооружений, характерны колебания в ориентировке от незначительных до диаметрально противоположных. Ориентировка В-З встречается чаще (31,7%), несколько реже ЮВ-СЗ (27,8%), затем СВ-ЮЗ (14,3%) и С-Ю (14,3%) и лишь отдельные ограды ориентированы по линии ССВ-ЮЮЗ (4,8%) или ЮЮВ-ССЗ (2,4%). Так же редкой является широтная ориентировка (4,8%).

Погребальные конструкции. Выделено 2 типа: ящики и грунтовые ямы.

Ящики составляют большинство случаев — 95,8%, грунтовые ямы — 4,2%. Общее число погребений — 30, из них 8 предназначались для детей (26,7%). Размеры ящиков с детскими погребениями: от 0,17 х 0,7 м до 0,66 х 0,9 м, глубина от 0,15 до 0,46 м. Размеры ящиков с захоронениями взрослых: от 0,54 х 1,14 м до 1,2 х 1,75 м, глубина от 0,4 до 1,0 м. Некоторые из них углублены в грунт.

Ящики для взрослых сооружались нескольких форм: а) небольшие прямоугольные (типичные), б) узкие

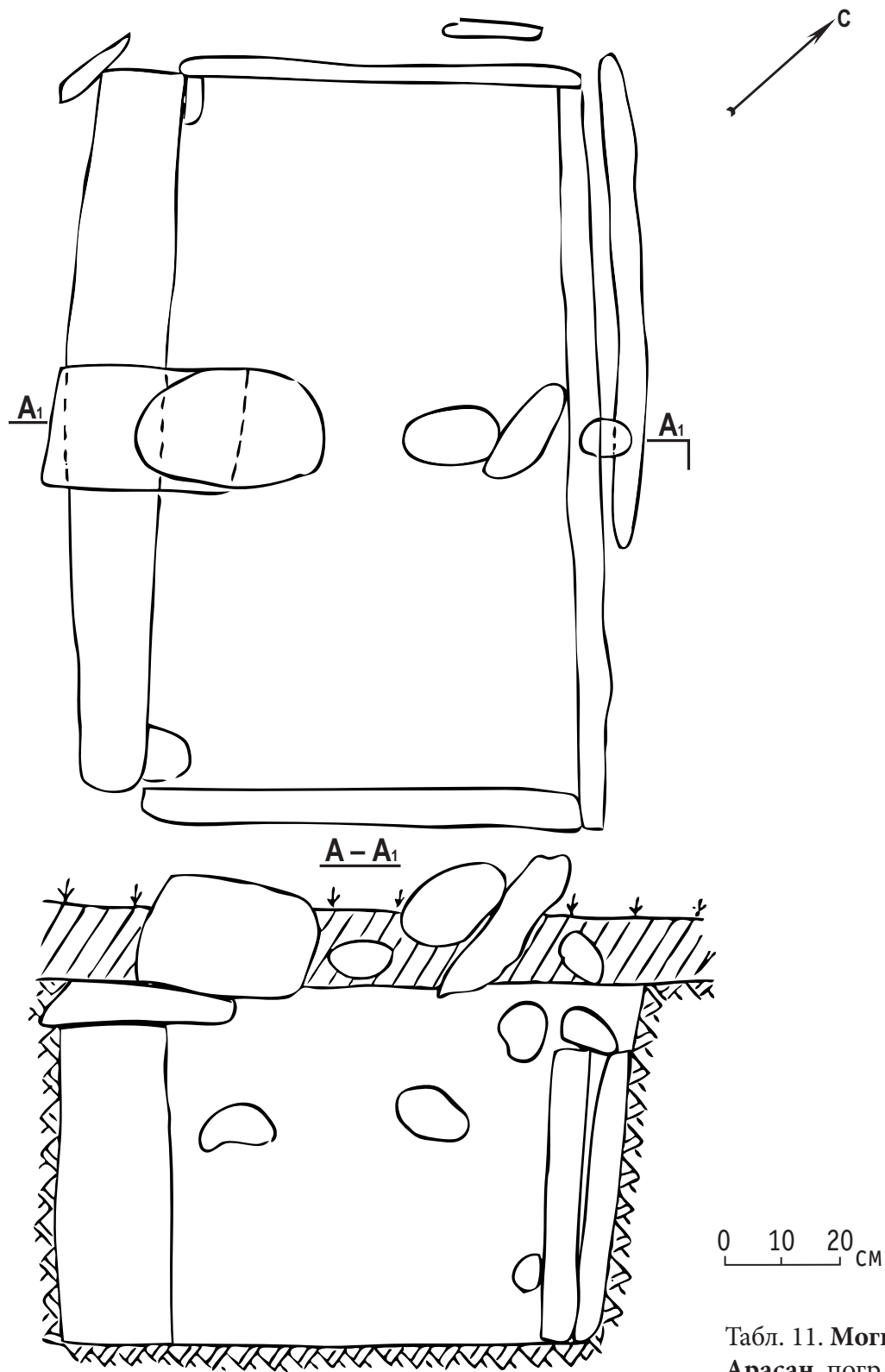

Табл. 11. Моги́льник
Арасан, погр. 2

(0,8–0,95 x 1,8 м) длинные трапециевидные, в) широкие (1,24 x 1,5 м) прямоугольные, г) квадратные и д) овальные из плит, поставленных на ребро. Изготовлены из грубых, плохо обтесанных плит гранита.

Коррелирование форм погребений и оград дало следующие результаты:

1. Ящики типа «б» (узкие, длинные) встречаются в прямоугольных оградах.

2. Широкие, прямоугольные и овальные ящики характерны для курганов-оград.

Остальные две формы ящиков («а» и «г») встречаются как в прямоугольных, так и в круглых оградках.

Ориентировка погребальных конструкций. Преобладает ориентировка СВ-ЮЗ (36,7%), В-З (19,6%), С-Ю (16,6%), ЮВ-СЗ (12,5%), ССВ-ЮЮЗ (6,3%), широтная (8,3%).

Группа 7. В эту группу объединены могильники Южного Казахстана: Бийликуль, Киикты и Таутары. Внутри этой группы наблюдается определённая градация. Так, могильник Таутары близок памятникам 1-й группы (коэффициент сходства 24,6%, среднеквадратическое отклонение — 3,2) и занимает промежуточное положение между семиреченскими могильниками и могильниками Южного Казахстана. Из двух памятников южного региона наиболее сходен с могильником Таутары погребальный комплекс Ки-

икты (коэффициент сходства 25,5%), который также имеет много общих черт с могильниками Жетысу (коэффициент сходства с 1-й группой 20,6%). Наименьшим сходством, как с памятниками Жетысу, так и Южного Казахстана, отличается могильник Бийликуль (коэффициенты сходства с 1-й группой — 9,4%, с могильниками южного региона — 12,95%), поэтому в 7 группу он отнесён условно и будет охарактеризован отдельно.

Подгруппа 7.А — могильники Киикты и Таутары. Раскопано 32 погребения (9 — могильник Киикты и 23 — могильник Таутары).

Надмогильные сооружения. Отмечено 5 типов наземных конструкций:

1 тип. Прямоугольные ограды, иногда образующие единый «коридорообразный» комплекс, разделённый перегородками на секции с сегментовидными пристройками. Сооружены из плит, врытых на ребро или уложенных плашмя (60%).

2 тип. Прямоугольные двойные концентрические ограды (25,45%) с одной или двумя могильными ямами. Этот тип оград доминирует (85,45%).

3 тип. Круглые ограды (4,55%).

4 тип. Овальные выкладки над погребением (5%).

5 тип. Сегментовидные пристройки (5%).

Ориентировка надмогильных сооружений. Преобладающей является

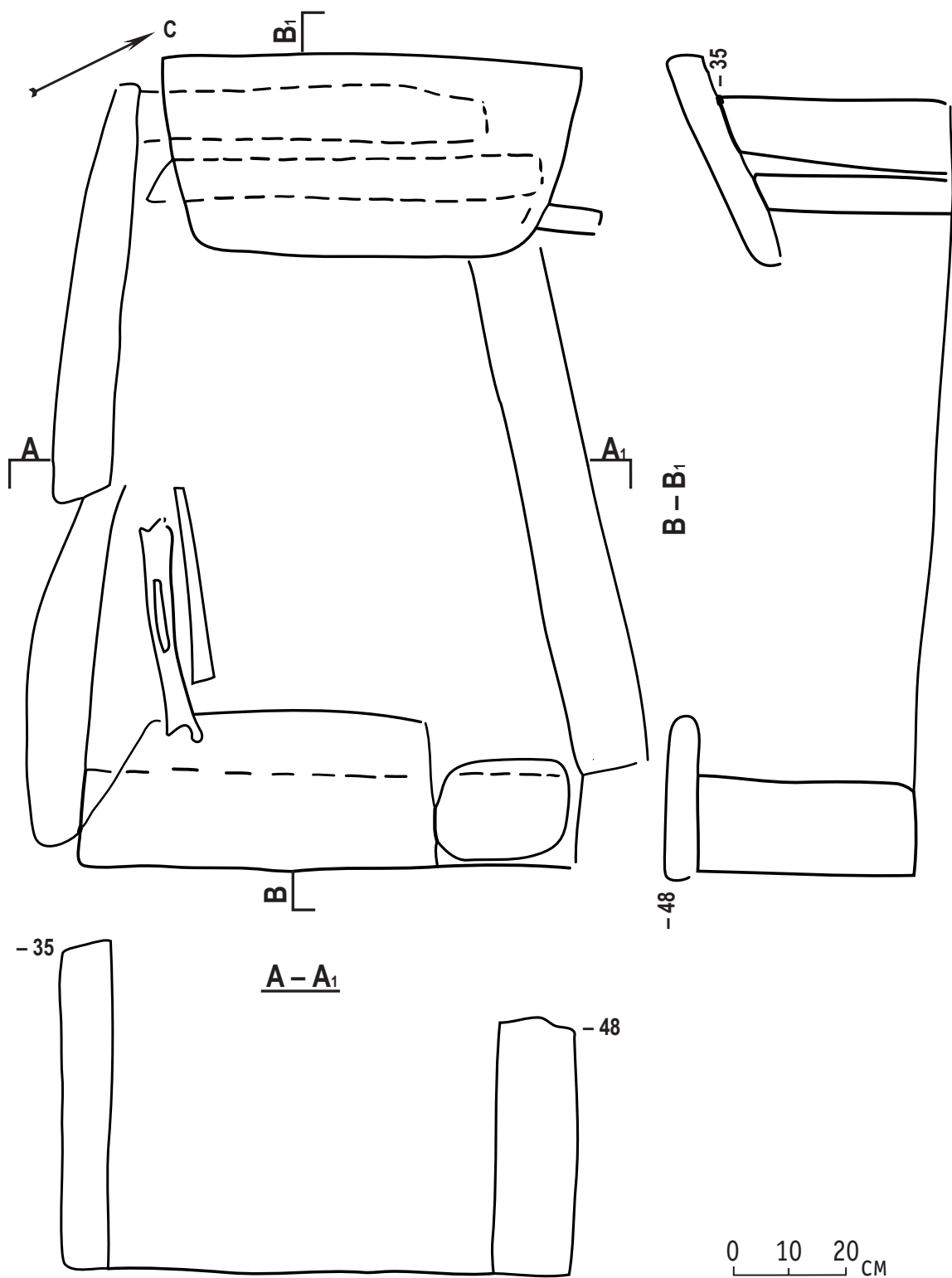

Табл. 12. Могильник Арасан, погр. 3

ориентировка ЮВ–СЗ (44,55%), затем В–З (36,35%), СВ–ЮЗ (10%) и ЮЮВ–ССЗ (4,55%).

Погребальные конструкции. Зафиксировано 4 типа погребальных сооружений:

1 тип. Грунтовые ямы (72,2%).

2 тип. Комбинированные конструкции — грунтовая яма с 1–2 плитами вдоль коротких сторон (11,1%).

3 тип. Цисты, сложенные из каменных блоков, связанных жидкой глиной (11,1%).

4 тип. Ящики с дном, обмазанным глиной (5,55%).

Для могильника Таутары характерны только грунтовые ямы (тип 1).

Ориентировка могил. Отсутствует чёткая направленность. Чаще сооружались могильные ямы, ориентированные по линии В–З (43,2%),

но часть погребений сооружена с отклонениями от главного направления: ЮВ–СЗ (27,8%), СВ–ЮЗ (11,1%), ЮЮВ–ССЗ (5,55%), ВСВ–ЗЮЗ (2,25%), ВЮВ–ЗСЗ (10,1%). Коррелирование признаков ориентировки и погребальных конструкций особых результатов не дало. Только для могильника Киикты следует отметить, что отклонение от основного направления ЮЗ–СЗ характерно для простых грунтовых ям (тип 1).

Подгруппа 7.Б – могильник Бийликуль.

Надмогильные сооружения — земляные насыпи над могильной ямой (2 погребения).

Погребальные конструкции — грунтовые ямы прямоугольной формы, размером 1,1 x 1,95 м, глубиной 0,22–0,34 м. Ориентированы по линии С–Ю и ВСВ–ЗЮЗ.

2.1.2 Способ захоронения: положение и ориентировка погребённых

Количественные характеристики и картографирование позволяют сделать вывод — обряд трупоположения (ингумация) является повсеместно распространённым. Этот способ захоронения можно считать всеобщим.

1 группа. Трупоположения составляют 94,9%. В большинстве случаев практиковалось индивидуальное, одиночное захоронение и только в двух погребениях (могильник Мыншункыр-

III, могильник Талапты-I) встречены совместные парные захоронения, что составляет 1,6% от всей выборки. Но оба погребения нарушены, и восстановить положение умерших можно только в погребении Талапты-I, и то весьма условно. Следует отметить, что большая часть могильников Жетысу разграблена и лишь единичные захоронения оказались непо потревоженными. Из 12-ти могильников (1.А и

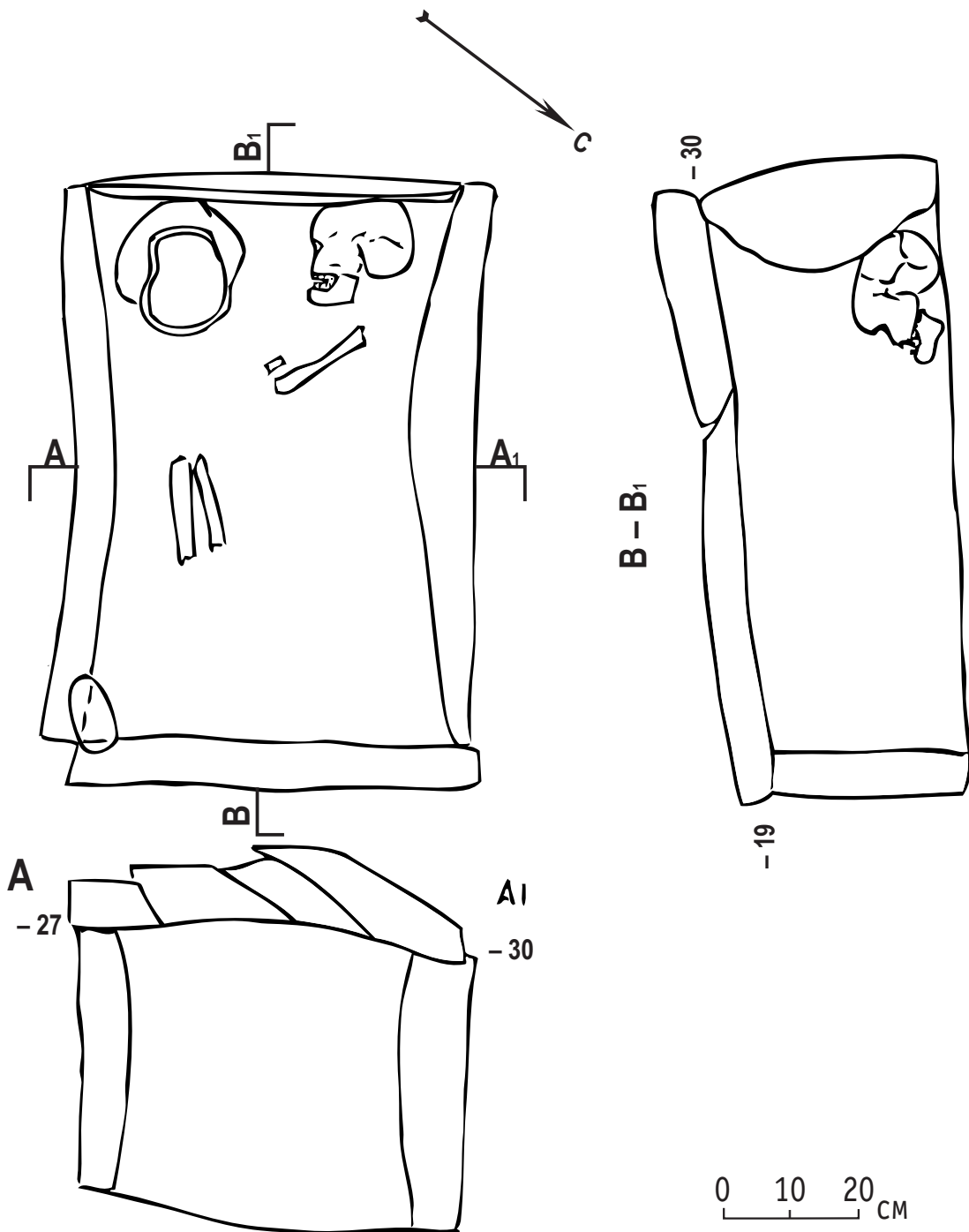

Табл. 13. Могильник Арасан, погр. 4

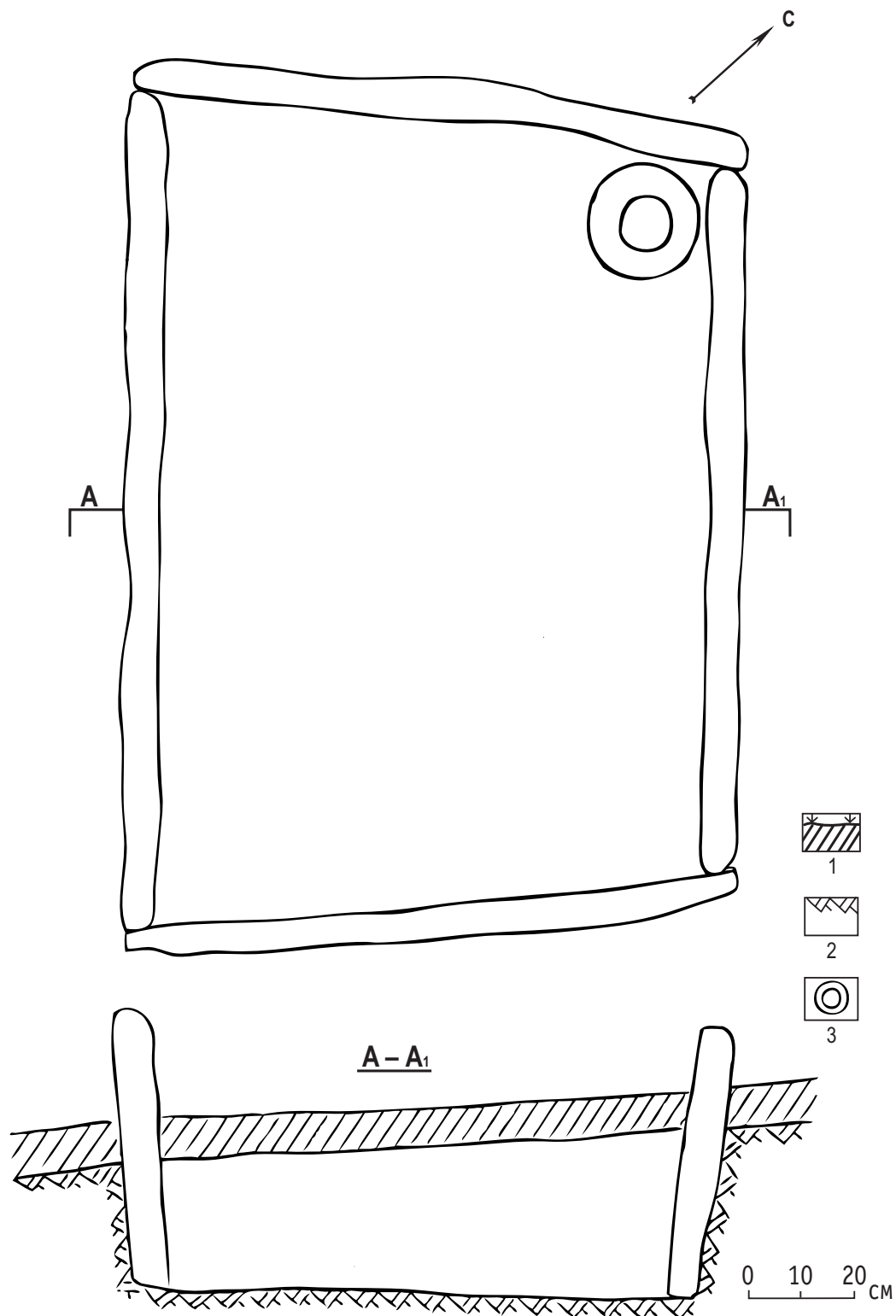

Табл. 14. Могильник Арасан, погр. 6

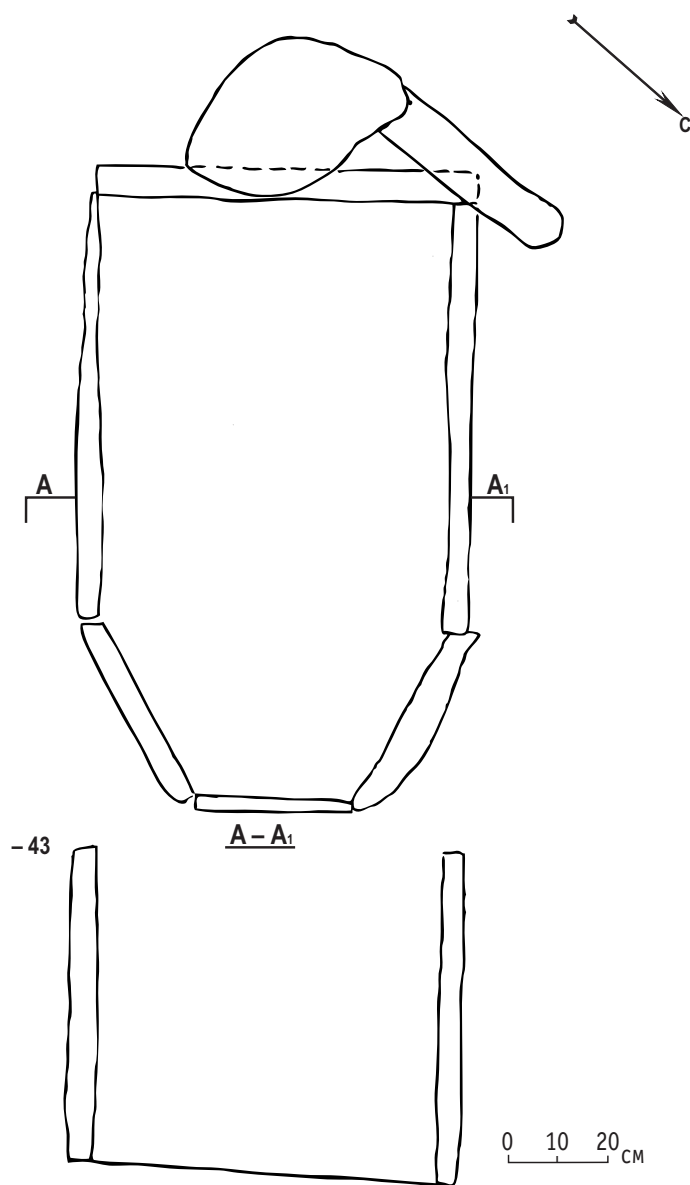

Табл. 15. Могильник Арасан, погр. 7

1.Б подгруппы), где отмечены случаи труположения, в 9-ти установлены положения костяков в отдельных погребениях. Преобладающим является положение умерших скорченно, на ле-

вом боку. Норма распределения этого признака составляет 97,2%. В двух случаях (могильники Мыншункыр-III и Жыланды-I) умершие захоронены без черепов. В одном случае (могильник Мыншункыр-III) встречено расчленённое погребение, причём костным останкам было придано положение скорченности на левом боку. Исключением является захоронение на правом боку в могильнике Талапты-I (2,8%).

Ориентировка труположений. Основным направлением является западная ориентировка (99,7%), реже встречается ориентировка умерших головой на СЗ (24,1%). К частным признакам относится ориентировка головой на ЮЗ (2,5%), отмеченная в двух могильниках (Талапты-I, Куйган-II). Единичными признаками являются захоронения головой на восток (3,0%, могильник Мыншункыр-III) и на север (0,7%, могильник Куйган-II).

Корреляция ориентировки костяков и их положения с надмогильными и погребальными сооружениями дала следующие результаты:

1. Над захоронениями с отклонениями в ориентировке обычно возводились круглые, овальные, сегментовидные или прямоугольные двойные

концентрические ограды. Лишь в двух случаях отмечены отклонения: 1 — в могильнике Жыланды-III сооружена простая прямоугольная ограда, 2 — в могильнике Куйган-II сделана сплошная каменная выкладка, однако и в этом случае она пристроена к круглой ограде.

2. Отклонения в ориентировке характерны для обоих совместных, парных захоронений, совершенных в цистах.

3. Захоронения с отклонениями от принятой ориентировки обычно совершались в могильных сооружениях особого типа: цистах, ящиках-цистах, ящиках, впущенных в грунтовую яму. И только в трёх случаях встречены погребения в типичных ящиках, при этом следует отметить, что в них захоронены дети. Два других детских костяка обнаружены в ящиках-цистах, чем вероятно, хотели подчеркнуть их обособленность.

4. Единственное захоронение на правом боку не отличается своей ориентировкой от регламентированного направления — западного, но отличие отразилось в погребальной конструкции. Погребение совершено в ящике-цисте с ложным сводом.

Таким образом, отмечается сопряжённость таких признаков, как отклонение в ориентировке костяков, округлых оград и особого типа погребальных сооружений. В данном случае, мы сталкиваемся с примерами явного

стремления выделить отдельные погребения из общей массы.

Захоронения без черепов и расчленённое погребение совершались в ящиках, ничем особенно не выделявшимся среди других.

В могильниках подгруппы 1.Б захоронения совершались как по способу трупоположения, так и по способу трупосожжения. Трупоположения составляют 57,6% от общего числа погребений. Все они совершены в деревянных рамах, костяки лежат скорченно, на левом боку, ориентированы на запад. Часть погребений разграблена, кости разбросаны по дну. Во всех разграбленных захоронениях отсутствуют черепа.

Трупосожжения составляют 3,3% в подгруппе 1.А и 42,4% в подгруппе 1.Б. Такой высокий процент для подгруппы 1.Б объясняется, вероятно, недостаточностью выборки, но это не искажает основной тенденции. Если в подгруппе 1.А захоронения по способу трупосожжения являются исключением и встречены лишь на трёх могильниках, то в подгруппе 1.Б существовал биритуализм.

В подгруппе 1.А так же отмечены случаи совместного захоронения в одной могиле по способу ингумации и кремации, однако, все эти погребения разграблены, что ставит под сомнение их достоверность. Составляют они 1,8% от общего числа могил.

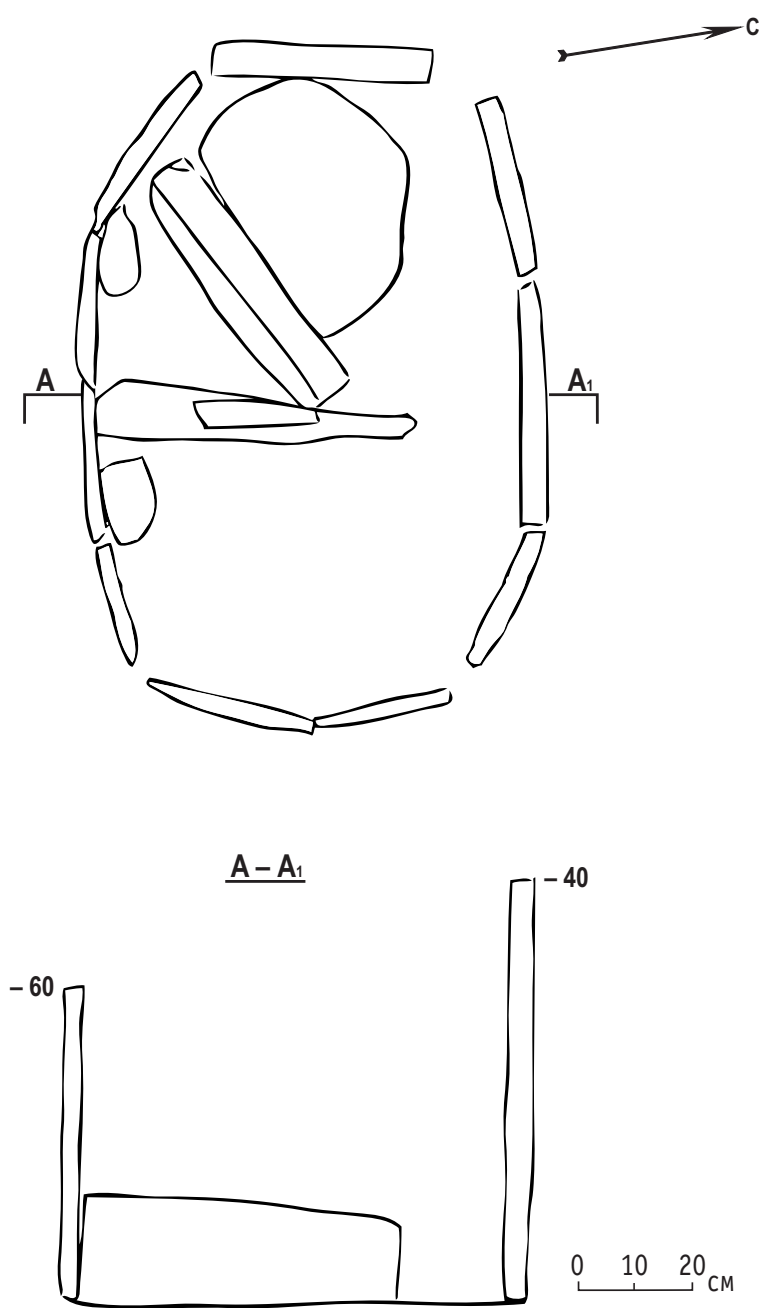

Табл. 16. Могильник Арасан, погр. 11

Коррелирование признаков способа захоронения по способу ингумации, погребальных и надмогильных сооружений, их ориентировки не выявило какой бы то ни было закономерности. Захоронения кремированных останков совершались в погребальных конструкциях, типичных для того или иного могильника, ориентированных в соответствии с общепринятым направлением. Оба способа (ингумация и кремация) тесно соседствуют — в одной ограде, а порою и в спаренных ящиках встречаются захоронения и костяков и кремированных останков.

Для подгруппы 1.Б проявляется сопряжённость кремации и округлых концентрических оград, в отдельных случаях глубина могильных ям, содержащих захоронения по способу кремации, значительно меньше других ям, где погребены костяки.

В обеих группах встречаются совместные захоронения кремированных останков двух умерших. Они обычно располагаются в противоположных углах погребения.

В одном случае (могильник Куйган-II) кальцинированные кости лежали внутри перевёрнутого вверх дном сосуда и рядом с ним на дне ящика. В остальных погребениях они просто лежат в виде скопления на дне могильной ямы.

Кремирование совершалось, скорее всего, за пределами могильника, поскольку ни в одном могильнике не раскопано ни одного объекта, напоминающего место кремирования. В могильную яму ссыпались уже остывшие кальцинированные кости вместе с небольшой примесью древесных углей.

Анализ показывает, что местное население использовало обряд кремации и ингумации параллельно, отдавая предпочтение ингумации. Оба способа, по сути своей, настолько различны, что возникает естественный вопрос об их единой культурной принадлежности. Однако можно выделить лишь общие погребальные признаки, связывающие эти два способа захоронения традициями погребальной обрядности. Из признаков, общих для трупоположений и сожжений, следует отметить: 1) сооружение общего типа оград, порою объединяющих захоронения по способу ингумации и кремации; 2) однотипность погребальных конструкций; 3) сопровождение покойника заупокойной пищей, вероятно, жидкой, так

как сосуды, ставившиеся в могилу, прикрывались каменной или керамической крышкой. Только в одном погребении (могильник Каракудук) встречены кости барана, что совершенно не характерно для могильников Жетысу; 4) признаки, отражающие культ огня; 5) идентичность сопровождающего инвентаря.

Можно допустить, что в основе сосуществования диаметрально противоположных способов захоронения лежат разноэтничность носителей исследуемой культуры или различие религиозных воззрений. Наконец, можно поставить вопрос, не следует ли искать причину возникновения и параллельного сосуществования нескольких вариантов погребального обряда в динамике социальных процессов, происходивших в данном обществе. Уместно прежде выяснить, содержат ли могильники исходный материал для постановки проблем социальной истории.

Группа 2 — могильник Капал. Единственный способ захоронения, который встречен здесь — ингумация. Все погребения потревожены, лишь в отдельных случаях удалось реконструировать позы умерших, которых укладывали скорченно, на левом боку, головой на запад. В одном погребении обнаружено захоронение ребёнка.

Группа 3 — могильник Теренезек. Для этого могильника характерен бири-

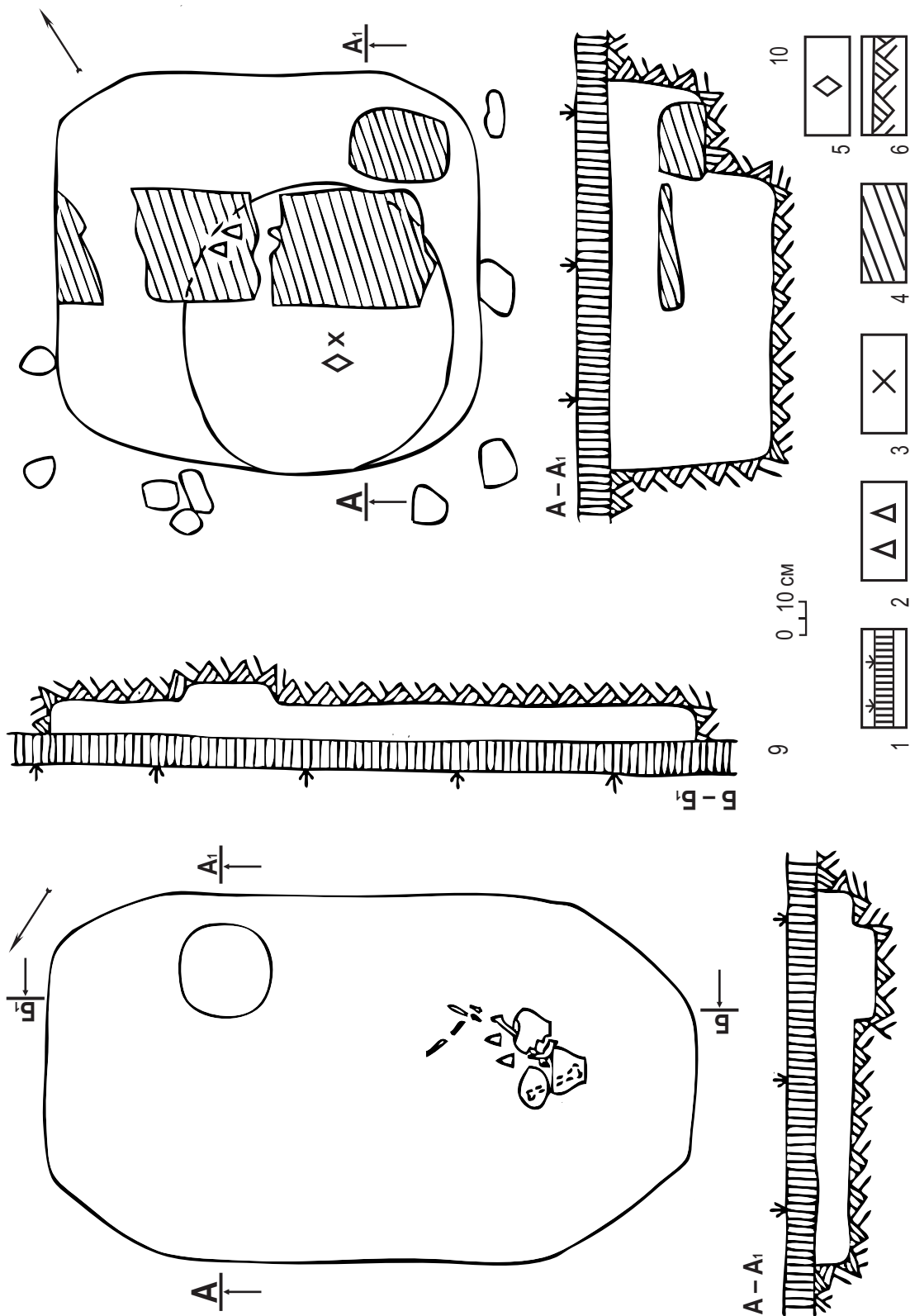

Табл. 17. Могильник Буйен-13, погр. 9

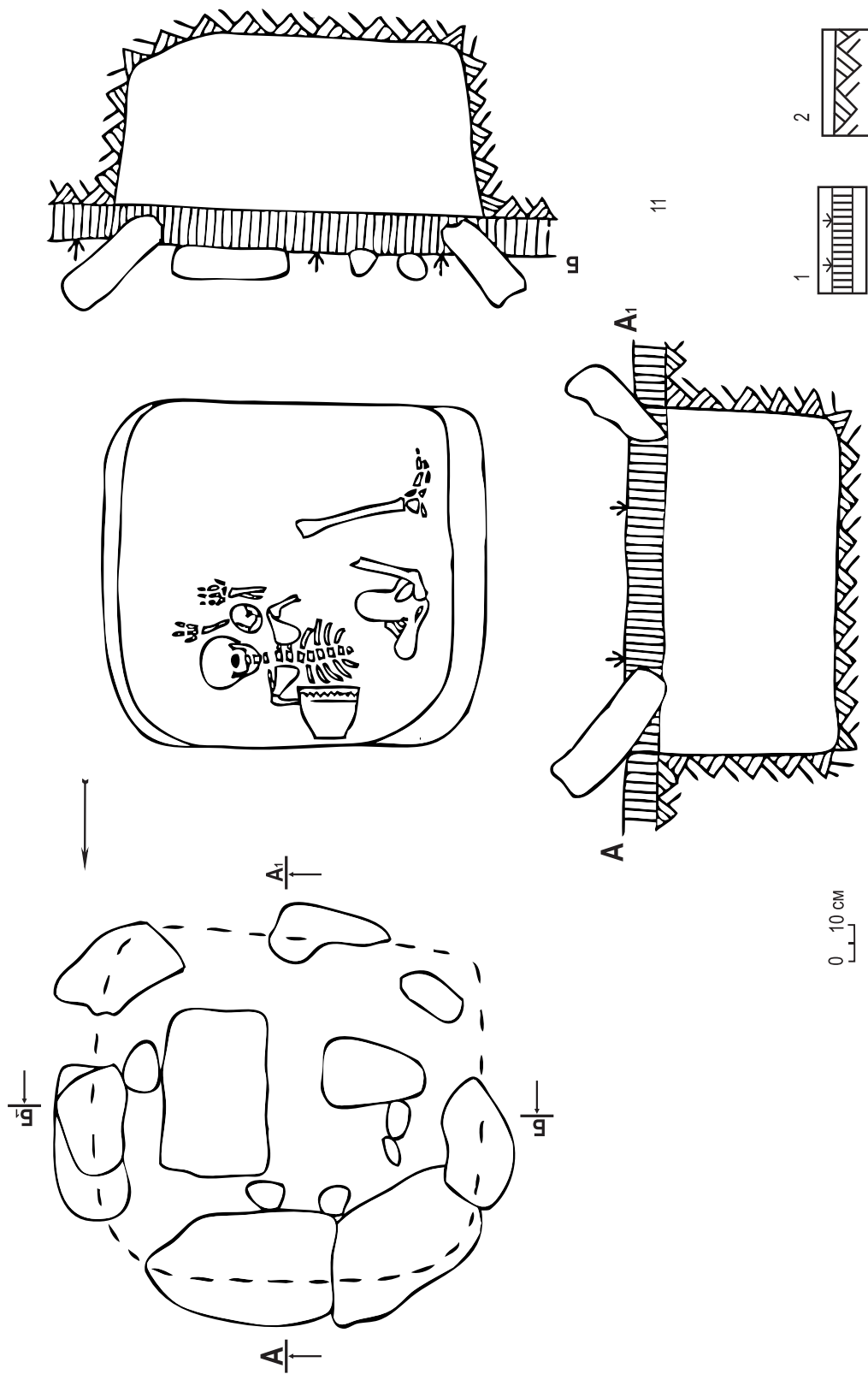

Табл. 18. Могильник Буйен-13, погр. 11

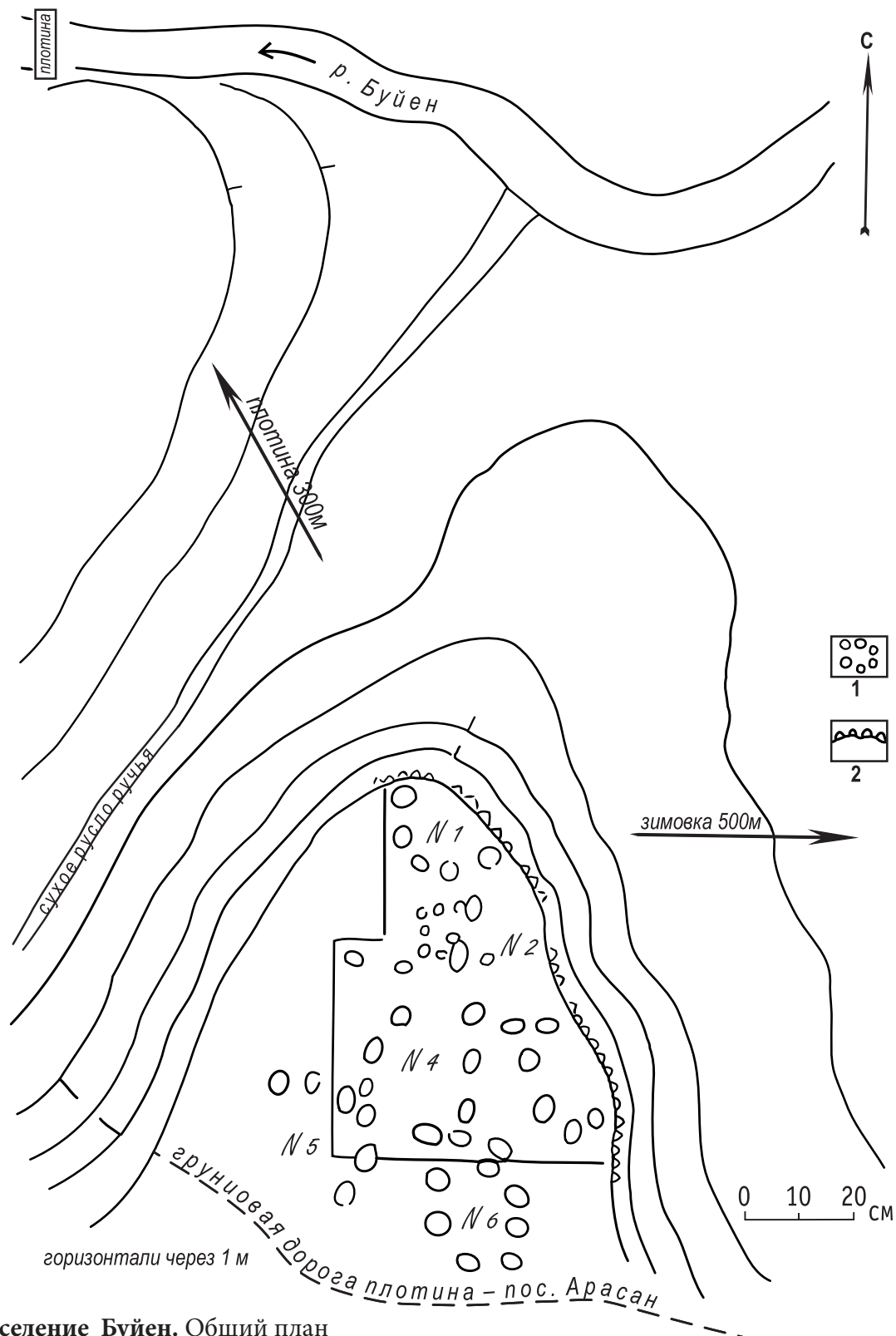

Табл. 19. Поселение Буйен. Общий план

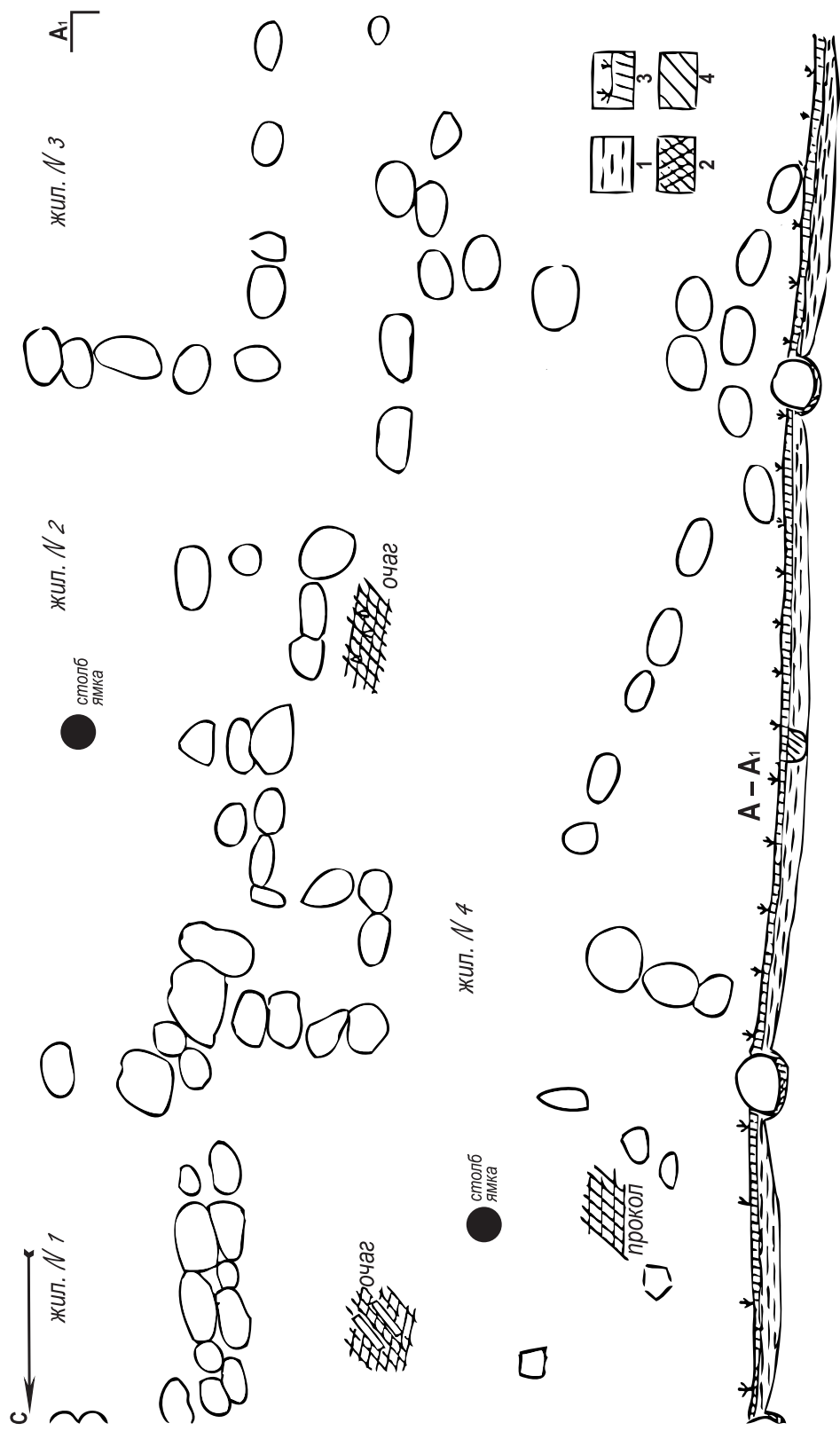

Табл. 20. Поселение Буйен. План и разрез жилищ

туализм в обращении с умершим — ингумация и кремация. Все захоронения потревожены и только в трёх случаях можно судить о способе захоронения.

Ингумация. Зафиксирован этот обряд в одном погребении (№ 3). По сохранившимся костям можно восстановить позу умершего — на левом боку, скорченно, головой на запад (33,3%).

Кремация. Кальцинированные кости обнаружены в двух погребениях (№ 8, № 22 — взрослое). Примечательно, что в погребении № 22 на некоторых косточках заметен прочерченный ёлочный орнамент (66,6%).

Корреляция признаков способа захоронения и погребальных конструкций выявила следующую закономерность: кремированные останки зафиксированы в трапециевидных ящиках. Размеры этих ящиков несколько больше остальных.

Группа 4 — мог. Буйен-1 (комплекс 13), Буйен-13 и Арасан. Отмечено несколько способов захоронения: 1 — труположение; 2 — захоронение сводов черепов (детских и взрослых); 3 — частичное трупосожжение.

1. Труположение (норма распределения 80%): а) труположение скорченное, на правом боку (66,7%); б) труположение скорченное, на спине, ноги согнуты и уложены на правую сторону (16,7%); в) труположение ничком, скорченное, ноги

согнуты и уложены на левую сторону (16,7%).

2. Захоронение сводов черепов (13,3%).

Для 1 и 2 типов захоронений характерны двойные погребения, т.е. совместные (16,2%).

3. Частичное трупосожжение (6,7%). Захоронены кальцинированные кости и свод черепа (могильник Буйен-1).

Ориентировка захоронений. Захоронения головой на запад составляют 50%, ровно столько же, сколько на ЮЗ (50%). Коррелирование способов захоронения, ориентировки и погребальных конструкций дало следующие результаты: 1) труположение встречается в грунтовых ямах и в ящиках, круглых цистах; 2) захоронение сводов черепов — в грунтовых ямах и цистах с ложным сводом; 3) частичное трупосожжение — в цисте с ложным сводом и с плитой на дне.

Каких-либо закономерностей для ориентировки и погребальных конструкций не выявлено.

Ритуальное захоронение отмечено в могильнике Буйен-1, комплекс 13, где найдено погребение собаки.

Группа 5 — курган Буйен-II. Способ захоронения — труположение скорченно на левом боку, головой на запад. Захоронена женщина.

Группа 6 — могильники Аксай, Бигаш, Саганды.

Для памятников данной группы характерны труположения. Все погребения потревожены и позы погребенных установить не удалось.

Группа 7.

7.А *подгруппа* — могильники Киикты, Таутары.

Для этой группы характерен биригуализм в обращении с умершими — ингумация и кремация. Доминирующим способом является кремация (72,6%), особенно для могильника Таутары, в котором встречено лишь одно погребение, где захоронение произведено по способу ингумации. Норма распределения ингумации для обоих памятников в целом составляет 27,4%.

Ингумация. В тех редких случаях, когда можно установить позу, погребённые лежат скорченно на левом

боку, головой на восток (50%) или юго-восток (50%).

Кремация. Сожжение производилось на стороне, в могилу ссыпались остывшие кальцинированные кости, иногда вместе с золой и древесными угольками. Месторасположение кремированных останков на дне погребальных камер отличается разнообразием: 1) в западной части — 50,1%, 2) в северной части — 33,4%, 3) в центре — 5,4% и 4) вдоль южной стенки — 11,1%.

7. Б *подгруппа* — могильник Бийликуль.

Способ захоронения — ингумация. Определить положение костяков не представляется возможным, так как погребения оказались нарушенными.

2.1.3 Культ огня

Под культом огня, в данном случае, подразумевается вся совокупность ритуалов, так или иначе связанных с огнём и фиксируемых в погребальном обряде. Это может быть кремация человека, животного, различного рода прокалы, кострища, подсыпка углей, золы, охры, мела.

1 группа могильников.

Уголь в погребениях (норма распределения 14%) встречен в семи могильниках из 13. Наибольший

процент приходится на могильник Талапты-II. Уголь фиксировался в виде разрозненных кусочков и отдельных скоплений, которые прослеживались на дне ямы вокруг черепа и под ним. Кусочки угля нередко встречаются в заполнении могильной ямы на разных уровнях. Во всех случаях присутствие угля не было результатом разведения огня в самой могиле, он явно был внесен в неё уже в холодном состоянии.

В шести могильниках уголь был внесён вместе с остатками кремации или найден в засыпке, что встречается реже. Исключением является могильник Талапты-II. Это единственный памятник, где углём посыпалось дно могилы вокруг или под черепом. Часто уголь встречается вместе с кусочками охры.

Охра (норма распределения 5,1%) обнаружена в трёх могильниках (Мыншункыр-III, Куйган-II, Айдахар). Встречается в виде кусочков красноватого цвета или в виде следов на костяках, на дне и на стенках могил.

Кусочки охры обнаружены в могильнике Мыншункыр-III. Окрашенные костяки — в могильниках Айдахар и Шиган, где краска отмечена также на дне и на стенках могил. В могильнике Айдахар охра встречается в 54,5% погребений, независимо от способа захоронения, т.е. следы её присутствуют в погребениях и с группированием и с сожжением, где она вместе с золой покрывает дно могилы. В могильнике Куйган-II охрой покрыты только два костяка (объект 19). Один из них помещён в цисту-ящик (тип «а»), здесь же обнаружен один из двух сосудов, орнаментированных треугольниками. Другой помещён в ящик, северная стенка которого изнутри укреплена тремя стелами. Оба погребения заключены в одну ограду.

Таким образом, если для могильника Айдахар окраска охрой типичное

явление, рядовое, то для могильников Мыншункыр-III и Куйган-II — это явление исключительное, особенно для последнего, где этот факт можно трактовать, как свидетельство разнородности населения.

2 группа могильников. В могильнике Капал в трёх погребениях (37,5% от всего количества погребений) отмечены следы красной охры на костях. В детском погребении охрой окрашены челюсть ребенка и дно могильной камеры. Эта черта отличает могильник Капал от остальной массы памятников.

3 группа могильников. Следов культа огня не обнаружено.

4 группа могильников — могильник Буйен-1, комплекс 13, Буйен-13, Арасан.

Древесные угли отмечены в погребениях могильников Арасан и Буйен-13. Норма распределения по группе — 24,6%. Частицы древесных углей встречаются в заполнении, а в одном случае — на дне могильной ямы. Следует отметить, что данное захоронение сильно ритуализировано — на дне зафиксирован прокол, на костяке — окраска охрой. Вероятно, этот ритуал связан с причиной смерти — захоронена женщина с младенцем, умершая, видимо, во время родов (могильник Буйен-13).

Охра. Могильные ямы с находками охры составляют 6,73%. Чаще встречаются кусочки охры или охри-

стой глины, возможно, обожжённой. Реже встречается окраска костяков.

В 5 и 6 группах могильников следов культа огня не обнаружено.

7 группа могильников — могильники Киикты, Таутары, Бийликуль. Свидетельства этого ритуала в виде охры и древесных углей встречены только в погребениях могильника Таутары.

Древесные угли отмечены в заполнении и на дне могильных ям возле

сосудов или среди кальцинированных костей. В могильнике Таутары погребения с древесными углями составляют 13%.

Охра. Встречаются кальцинированные кости со следами окраски охрой и кусочки охры на дне могильных ям среди кремированных останков и возле сосудов. Погребения, в которых обнаружена охра, составляют 13%.

2.2. Погребальный инвентарь

2.2.1 Керамика

Характеристика керамики каждой группы могильников дана отдельно. При анализе её использованы методы математической статистики — типологический и сравнительный. Выбор принципов классификации был продиктован целями и задачами исследования, а также возможностями материала. При классификации основными признаками служили форма, орнамент; таксономическими единицами — группа и тип. «Группа» объединяет близкую по форме посуду, «тип» — это более низкий уровень, указывающий на морфологические особенности внутри группы. Кроме того, в работе указывается месторасположение сосудов в могильных ямах.

1 группа могильников. Керамика встречена в 51% погребений, всего обнаружено 82 сосуда, представленных целыми формами и фрагментарно. В могильные ямы, как правило, ставили по одному сосуду и только в совместных, парных погребениях устанавливали по 2 сосуда. Нередко сосуды прикрывались крышками из каменных плиток или боковин сосудов. Часть сосудов плохой сохранности. В одном случае в детском погребении вместо сосуда была сооружена его имитация — возвышение обложили плитками и перекрыли сверху такой же плоской плиткой (могильник Каракудук).

Месторасположение сосудов внутри могильных ям отличается разно-

образом: 1) перед лицом, 2) сзади за головой, 3) в изголовье, 4) возле колен. В одном случае сосуд лежит на боку, расположен возле коленных суставов расчленённого скелета. В другом случае, в погребении с кремацией, сосуд перевёрнут вверх дном и внутри его обнаружены кальцинированные кости. В процентном соотношении расположение сосудов по дну могильной ямы выглядит следующим образом: СЗ угол — 30,56% (в изголовье — 13,31%, перед лицом — 10,65%, за головой — 6,6%); ЮЗ угол — 21,17% (перед лицом — 13,23%, сзади за головой — 7,94%); ЮВ угол — 10,53%; западный угол — 0,34%; западная стенка (или половина) — 9,8%; СВ угол — 3,84%; северный угол — 1,72%; южная стенка — 3,84%; восточная стенка — 2,56%; северная стенка — 2,56%. Как видим, преобладает установка сосудов в СЗ и ЮЗ угол.

Коррелирование признаков расположения сосудов показало, что ЮЗ размещение практиковалось часто в детских погребениях, в погребениях с кремацией или в совместных захоронениях по способу кремации и ингумации. В одном из погребений без черепа сосуд установлен также сзади в ЮЗ углу. В двух случаях такое расположение отмечено в погребальных сооружениях особого типа — в цисте с ложным сводом и в ящике-цисте.

В ЮВ углу сосуды размещались в погребениях с кремацией, в одном случае — в погребении с ингумацией, отличающимися своей конструкцией (ящик-циста).

Поверхность большинства сосудов тёмно-серого цвета и только 5 имеют светло-коричневую окраску.

По форме вся коллекция делится на 4 группы: 1) банковидные; 2) горшковидные; 3) кубковидные; 4) биконические.

1 группа. Банковидные сосуды составляют большую часть коллекции и характерны для детских погребений. Они отличаются небольшими размерами, т.е. для детей изготавливали специальную посуду, соответствующую их возрасту.

2 группа. Горшковидные сосуды, делятся на 2 типа: а) с округлым плечиком, б) с небольшим уступом при переходе от шейки к тулову.

1 тип. Сосуды с округлым плечиком — широкогорлые, с короткой слабо отогнутой шейкой и оттянутым наружу плоским или закруглённым венчиком, плавно профилированные. Дно плоское, относительно широкое — диаметр его больше половины диаметра венчика. Края дна иногда выступают в виде маленького поддона. Диаметр венчика больше общей высоты сосуда, разница между шириной тулова и горловины небольшая — 0,3–0,5 см. Наибольшая ширина тулова находит-

Типы надмогильных сооружений		1 тип		2 тип		типы керамики
		а	б	а	б	
1 тип		+		+		1 тип
					+	
				+		
2 тип			+			2 тип
		+	+			
			+			
3 тип						

Табл. 21. Типология погребальных сооружений и керамики финальной бронзы Жетысу

ся выше середины высоты сосуда, что придаёт им несколько вытянутую форму. Отношение высоты шейки к высоте сосуда 1:5–1:7. По соотношению диаметров тулова, шейки и венчика выделяются 3 варианта: 1) сосуды с широкой, резко отогнутой горловиной (соотношение 2:2:3) 2) сосуды со слабо отогнутой горловиной, ширина тулова больше горловины (соотношение 3:1:2), 3) сосуды плавно профилированные, ширина тулова равна диаметру венчика (соотношение 2:1:2). Среди горшков с округлым плечиком встречаются орнаментированные. Следует отметить, что для семиреченской керамики декор не характерен, подавляющая часть сосудов не имеет орнамента. Из 82 сосудов декорировано только 13. Орнаментация не отличается сложностью или разнообразием: каннелюры по шейке, каплевидные насечки или нанесённые ребром палочки остроугольные вдавления по тулову, горизонтальные линии. Только два сосуда (могильник Куйган-II) выделяются из общей массы: один сосуд орнаментирован гребенчатым штампом, элементы орнамента — вытянутые треугольники по шейке и фестоны из равнобедренных треугольников по тулову; на втором сосуде орнамент также покрывает всё тулово и шейку, элементы орнамента — сочетания равнобедренных треугольников (бантикообразные и пирамидальные), нанесённые резной техникой.

2 тип. Горшковидные сосуды с небольшим уступом встречаются реже. Поверхность сосудов неорнаментирована.

3 группа. Кубковидные сосуды, в основном встречаются в детских погребениях, отличаются небольшими размерами. Для детей изготавливали специальную посуду, размеры которой соответствовали их возрасту.

4 группа. Биконические сосуды, составляют самую малочисленную группу — 2 сосуда и 1 фрагмент боковины (могильник Талапты-I, Жыланды и Куйган-II). Все 3 экз. орнаментированы. Поверхность сосудов полностью покрыта каплевидными насечками в различных сочетаниях. Декор делится на 3 зоны. Фрагмент боковины орнаментирован в верхней половине — концом палочки нанесён узор в виде остроугольников, вершинами вверх. Посередине тулова проходит такая же горизонтальная линия.

2 группа могильников. Могильник Капал.

Керамика встречена в четырех ящиках из восьми, что составляет 50%. В погребения устанавливали обычно по одному сосуду и только в одном случае (ящик № 2) обнаружены фрагменты от двух сосудов. Вся керамика во фрагментированном состоянии, плохой сохранности. Сосуды горшковидные, изготовленные из теста с большой примесью песка и

Типы надмогильных сооружений		Типы погребальных камер		1 тип	2 тип	3 тип	4тип	керамика
		1 тип	2 тип	1 тип	2 тип	3 тип	4тип	
1 группа	1 тип		а	+	+		+	
			б			+		
			в		+			
	2 тип				+			
1а группа					+			

Табл. 22. Типология погребальных сооружений финальной бронзы Жетысу (продолжение)

дресвы. Обжиг слабый, цвет сосудов внутри чёрный, снаружи — красновато-коричневый. На одном сосуде отмечен уступ при переходе от шейки к тулову. Керамика орнаментирована плоским и гребенчатым штампом, элементы декора: по шейке — зигзаги и заштрихованные треугольники, по тулову — меандр (табл. 23).

3 группа могильников — могильник Теренозек.

Норма распределения керамики — 28,6%. Обнаружены фрагменты четырёх сосудов в двух погребениях с кремацией. Форма сосудов — горшковидная с плавной профилировкой тулова. Три сосуда тёмно-серого цвета, один — красновато-коричневого. Два фрагмента орнаментированы. Элементы декора: каннелюры, равнобедренные и заштрихованные треугольники, нанесённые гребенчатым штампом. Следует отметить, что фрагмент, орнаментированный треугольниками, был найден вместе с обломком широкогорлого, неорнаментированного сосуда тёмно-серого цвета явно семиреченского облика (табл. 24).

4 группа могильников — могильники Буйен-1 (комплекс 13), Буйен-13, Арасан.

Норма распределения керамики — 44,3% (табл. 32–37, 39). В погребениях встречается от 1 до 4 сосудов (1 — 74,2%, по 2 — 11,4%, по 3 — 3%, по 4 — 11,4%). Всего

отмечено 22 случая нахождения керамики, в основном, это фрагменты от сосудов. Целых или восстановимых сосудов — 10 экз.

Месторасположение сосудов в погребальной камере различно: в ЮЗ углу (26,3%), в СЗ углу (22,2%), вдоль северной стенки (19,4%), вдоль южной (15,7%), вдоль восточной (3,7%), в западной половине (8,5%), в центре (4,2%).

По отношению к костяку сосуды ставились перед лицом, за головой, возле колен, между тазовыми и локтевыми костями, за спиной. В погребении с частичным сожжением сосуды установлены вдоль южной и северной стен.

Керамика по форме делится на 2 группы: 1) банковидные неорнаментированные; 2) горшковидные, которые составляют основную часть коллекции. Отличаются округлым туловом, короткой шейкой и небольшим плоским дном. Поверхность, иногда лощёная, разного цвета: тёмно-серого, красновато-коричневого. Орнаментировано 10 сосудов (54,2%). Элементы декора: ногтевые вдавления по шейке или по тулову, каннелюры, сеточки из коротких прочерченных линий (по шейке), каплевидные вдавления, круглые вдавления, «жемчужины» и налпы. Один экземпляр представляет собой лощёный светло-коричневый сосуд, расписанный темной краской по

плечу широкой горизонтальной полосой со спускающимися двенадцатью углообразными фестонами.

5 группа могильников — курган Билик, керамики не обнаружено.

6 группа могильников — могильники Аксай, Бигаш, Саганды.

Обнаружено 6 сосудов (один во фрагментах) в могильнике Саганды и фрагмент одного сосуда в могильнике Аксай. Норма распределения керамики по погребениям составляет 1,25%. В погребальных камерах зафиксировано от 1 до 3 сосудов. Располагались они в СЗ углу (5,5%), в ЮЗ части вдоль южной стенки (11,1%) и в одном погребении три сосуда были установлены по диагонали ЮЗ–СВ (16,7%).

Два сосуда орнаментированы валиком по шейке и фестонами из треугольников, оттиснутых гребенчатым штампом.

7 группа могильников.

7.А подгруппа — могильники Киикты и Таутары.

Норма распределения сосудов — 63,5%. В могильнике Киикты в погребениях встречается по 1–3 сосуда, в могильнике Таутары — от 1 до 5. Всего обнаружен 61 сосуд, в том числе 51 целый экз.

Количество сосудов в могильных ямах (в процентном отношении): по 1 сосуду — 29,7%, по 2 — 30,65%,

по 3 — 2,85%, по 4 — 1,9%, по 5 — 3,75%.

Расположение сосудов: вдоль западной стенки — 21,2%, в СЗ углу — 8,35%, в ЮВ углу — 7,3%, в СВ углу — 0,9%, вдоль ЮЗ стенки — 17,55% (два из них вложены друг в друга — мог. Киикты), вдоль восточной стенки — 2,75% и за оградой — 0,9%.

Орнаментированные сосуды составляют 87,1%.

По форме сосуды подразделяются на следующие группы: 1) банковидные (6,55%); 2) кубковидные (6,55%), 3) горшковидные (68,9%).

1 группа. Банковидные, подразделяются на 2 типа: а) чашеобразные — широкогорлые, приземистые; б) высокие с прямыми стенками, покрытыми орнаментом в виде равнобедренных заштрихованных треугольников и Х-образных меандров. Узор покрывает или верхнюю часть сосуда, или полностью всю поверхность.

2 группа. Кубки, также подразделяются на 2 типа: а) с округлым плечиком; б) с уступчатым плечиком.

3 группа. Горшки составляют основную часть коллекции керамики, представлены двумя типами: а) горшки с округлым плечиком (52,4%), б) горшки с уступчатым плечиком (48,6%), среди которых выделяются сосуды со слабовыраженным уступом (21,4%). Сосуды с округлым плечи-

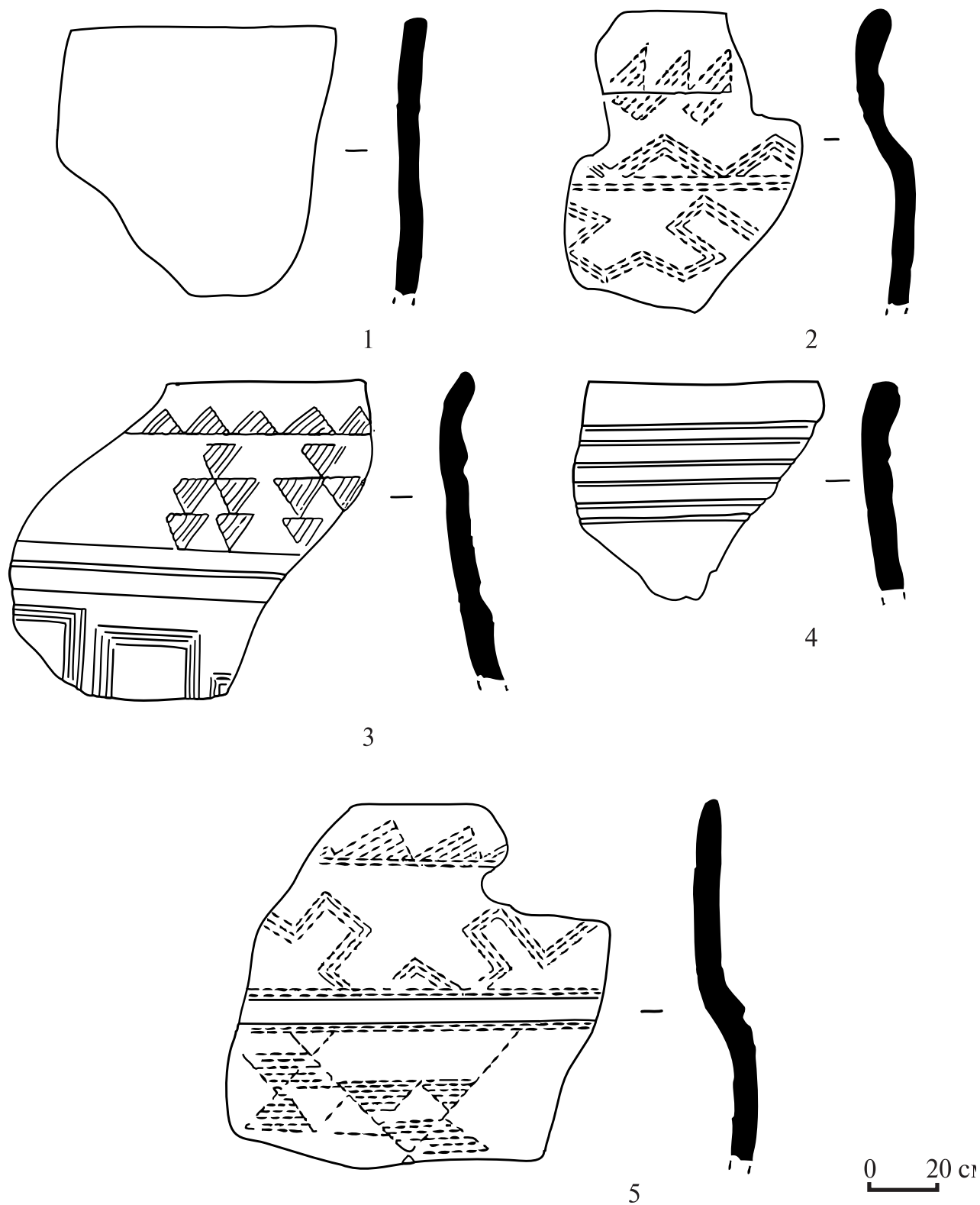

Табл. 23. Могильники Капал и Теренозек. Керамика.

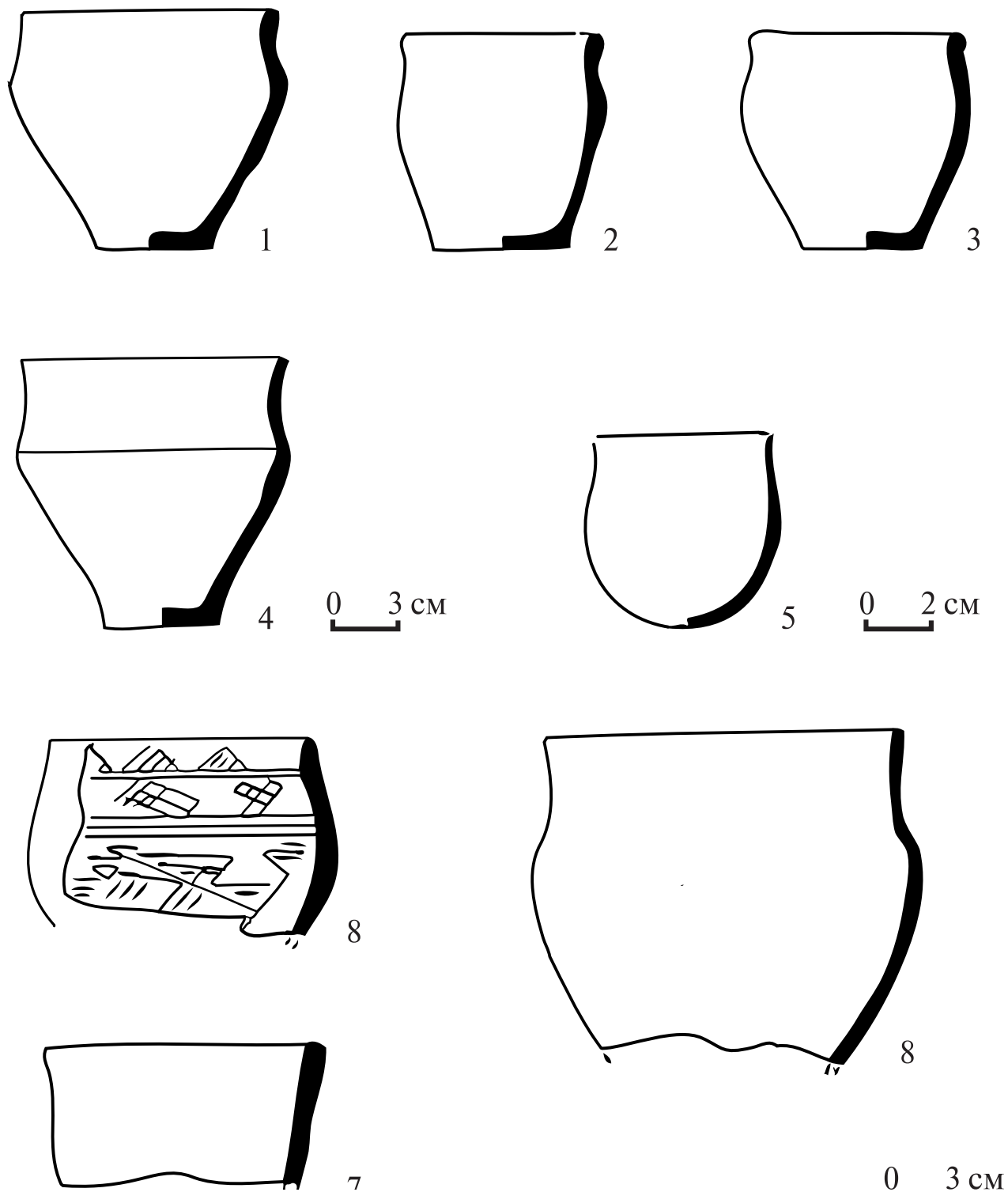

Табл. 24. **Керамика.** 1-3 — мог. Мыншункыр, 4-5 — мог. Тамгалы,
6-7 — мог. Теренозек, 8 — мог. Ой-Джайляу

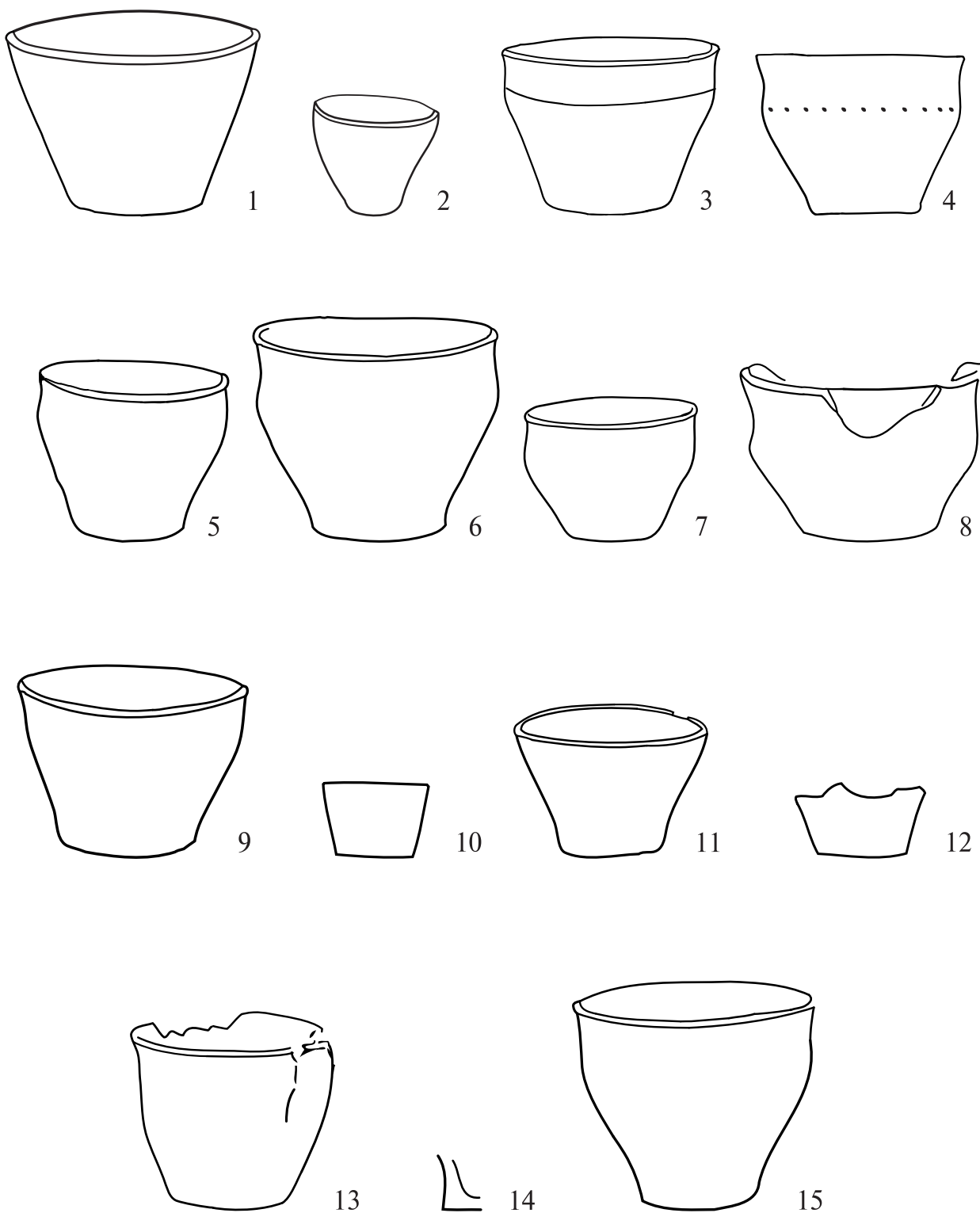

Табл. 25. Могильник Каракудук. Керамика

ком лишь немного чаще встречаются, чем сосуды с уступчиком на плечиках. Часть горшков имеют промежуточные формы (слабовыраженный уступ), где уступ образован широким желобком, отделяющим шейку от плечика. Один сосуд отличается кольцевым поддоном, но при этом сохраняет основные черты горшковидных сосудов.

Преобладают (52%) сосуды средних размеров (диаметр венчика 12,4–18,0 см, высота 10–16 см), сосуды крупных пропорций (диаметр венчика 16,7–26,5 см, высота 16,4–27,5 см) составляют 48%. Выделяются своими размерами: одна банка (диаметр венчика 10 см, высота 5,1 см) и один большой горшок (диаметр венчика 24 см, высота 27,5 см). Большая часть горшков приземистые (диаметр венчика больше общей высоты) — 68%, в одинаковых пропорциях встречаются сосуды с зауженным горлом, вытянутые (диаметр венчика меньше общей высоты) и сосуды соразмерные (диаметр венчика равен общей высоте). Сосуды с зауженным горлом составляют 64,3% (диаметр венчика меньше диаметра тулова), сосуды, где эти диаметры равны, составляют 28,5%, исключением являются экземпляры, у которых диаметр венчика больше тулова — широкогорлые, открытые сосуды. Шейки отогнуты наружу (82,9%), но встречаются вогнутые

вовнутрь. Венчики плоские (84,1%) и округлые (15,9%). Плоские венчики часто оттянуты наружу (27,3%) или скошены наружу (11,4%). Изготовлены сосуды из теста с примесью песка, дресвы, при костровом обжиге. Внутренняя и внешняя поверхность преобладающего числа сосудов хорошо заглажена, внешняя иногда с лощением (31,2%).

Орнамент покрывает обычно верхнюю часть сосудов, реже — всю поверхность сосуда (9,7%). В расположении декора наблюдается двухзональность, когда узор разделен свободной полосой и подчеркнут горизонтальной пунктирной или прочерченной полосой. Иногда шейка выделена каннелюрой, желобком. Трёхзональность отмечена у 16,3% сосудов, у которых придонная часть орнаментирована горизонтальными полосами и треугольниками. Орнамент наносился преимущественно гребенчатым штампом и только 3 сосуда украшены с применением резной техники. У двух сосудов орнаментированы днища.

Среди элементов узора преобладают треугольники (обычно заштрихованные) различной формы и в разных сочетаниях (75,0%). Часть сосудов имеет орнамент из треугольников по шейке и по плечу (20%), но у большинства узор по этим двум зонам различается. Треугольники встречаются равносторонние, равнобедренные,

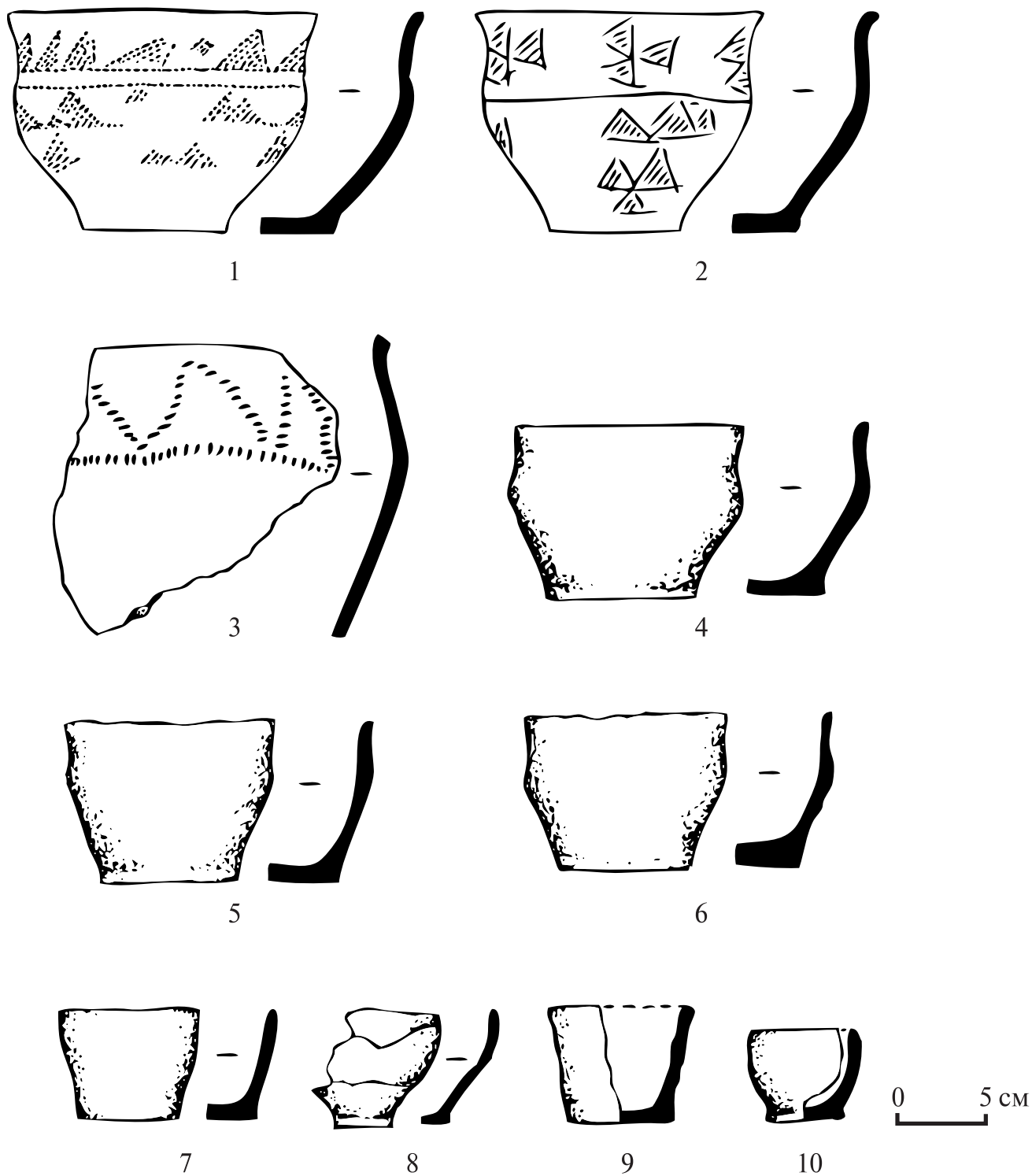

Табл. 26. Могильник Куйган-II. Керамика

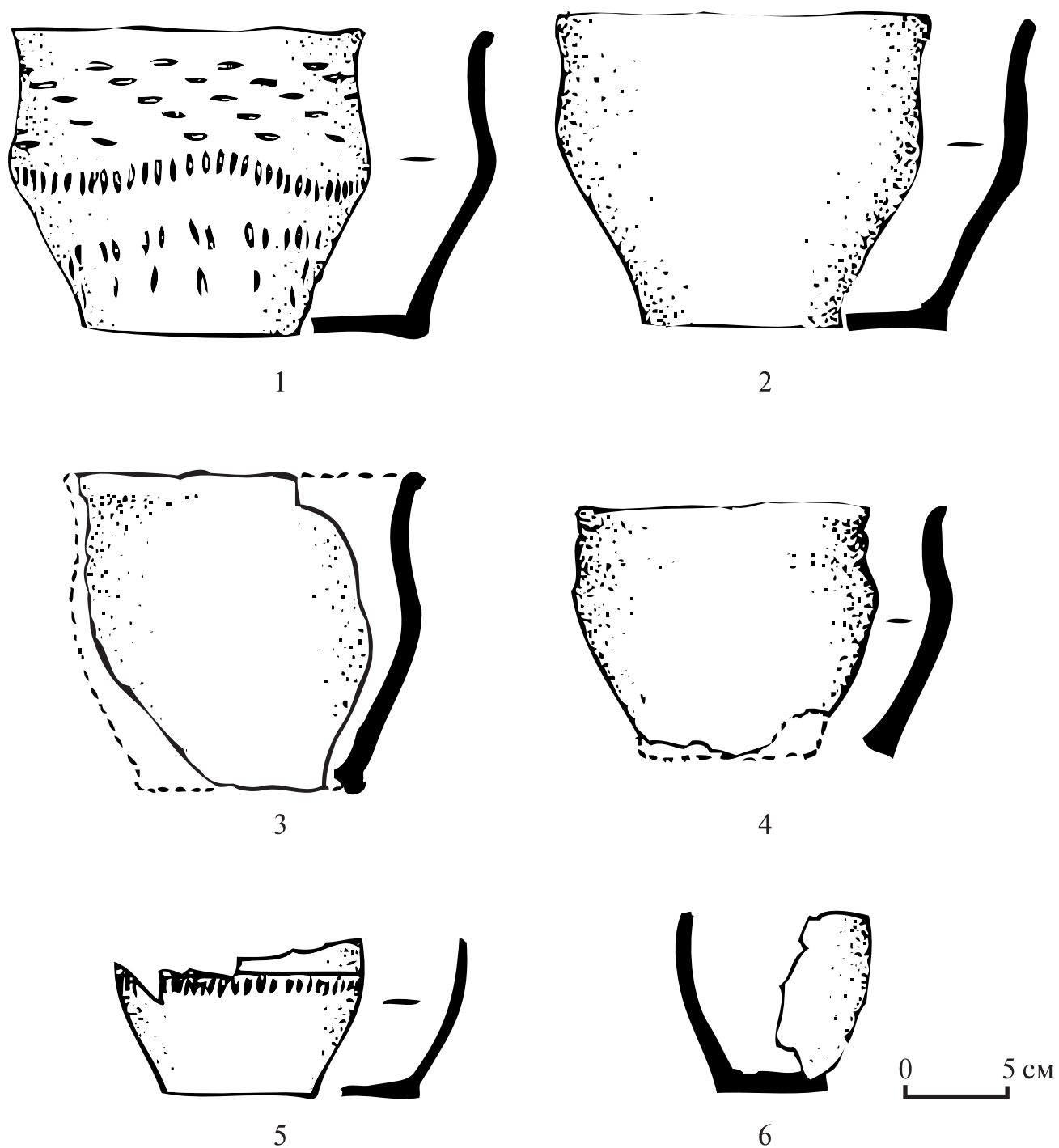

Табл. 27. Могильник Талапты-I. Керамика

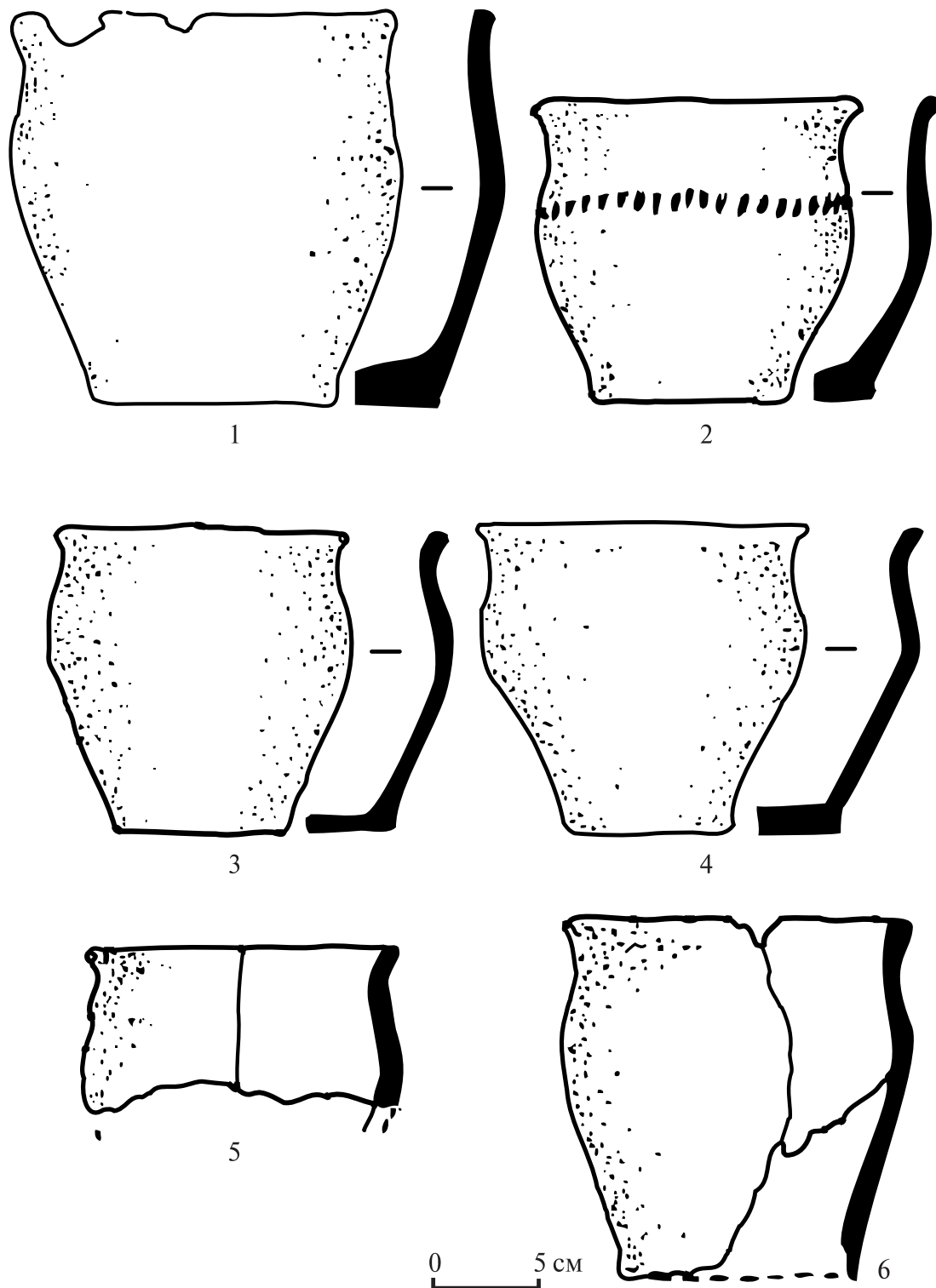

Табл. 28. Могильник
Талапты-II. Керамика

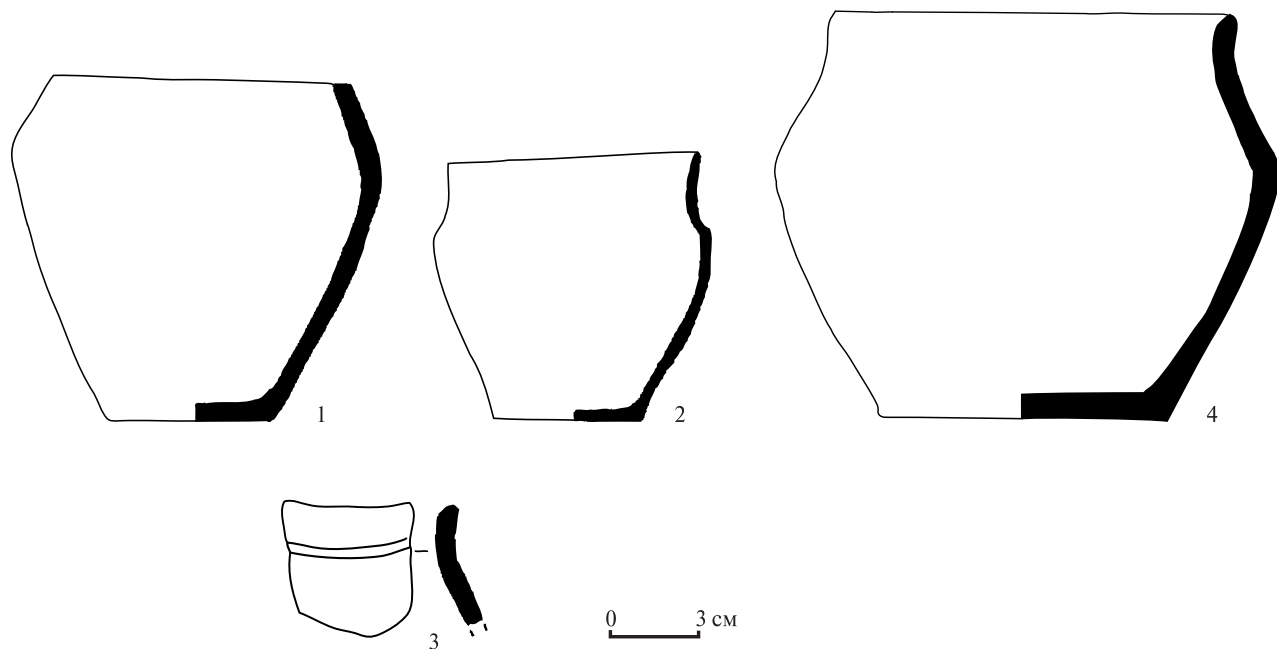

Табл. 29. Могильник Айдахар. Керамика

прямоугольные, косоугольные, образующие иногда флажковые узоры и фестоны.

Различные варианты меандровых узоров отмечены на 27,5% сосудов. Меандр украшает тулово и шейку. Из меандровых узоров чаще встречаются «Г» и «П»-образные фигуры, изредка наносился свастикообразный орнамент, реже встречаются сложные фестоны. Зигзаги горизонтальные, вертикальные, «ёлочки» покрывают поверхность 32,5% сосудов. Наклонные группы из коротких линий представлены на 15% керамики, 20% орнаментировано треугольными вдавлениями, опоясывающими плечо у основания шейки. К

массовым мотивам относятся горизонтальные (пунктирные, резные) линии (87,5%). Следует отметить один сосуд, орнаментированный треугольниками и короткими линиями, напоминающими пиктографию. Повторяющееся сочетание элементов орнамента встречено только в 5 случаях (12,5%). Всего выделено 35 различных сочетаний узора.

7.А подгруппа — (могильник Бийликуль).

Обнаружено 9 сосудов, из них 6 экз. в одном погребении и 3 — во втором погребении. Сосуды плохой сохранности, удалось восстано-

вить полностью только один и два — частично. Размещались они вдоль восточной (5 экз.), северной (3 экз.) стенок и в центре погребальных камер.

Все сосуды горшковидные, с уступчиком, чётко отделяющим шейку от тулова. Посередине шейки проходит ребро, образуя своеобразный перегиб. Изготовлены сосуды ручной лепкой из теста с примесью песка. Обжиг восстановительный, костровой. Черепки в изломе чёрного цвета. Поверхность жёлто-серого цвета, лощёная. Сосуды орнаментированы резным и гребенчатым (мелкозубчатым) штампом. Орнамент наносился тремя зонами: по шейке — зигзаг, прямые линии и равнобедренные заштрихованные треугольники, вершинами вверх; по плечу и верхней части тулова — треугольники прямоугольные заштрихованные и равнобедренные, вершинами вверх, ниже — фестоны из треугольников, обращенных вершинами вниз и пирамидки ступенчатые, также опущенные вершинами вниз. Орнаментальные пояски разделены горизонтальными линиями. Придонная часть украшена равнобедренными треугольниками.

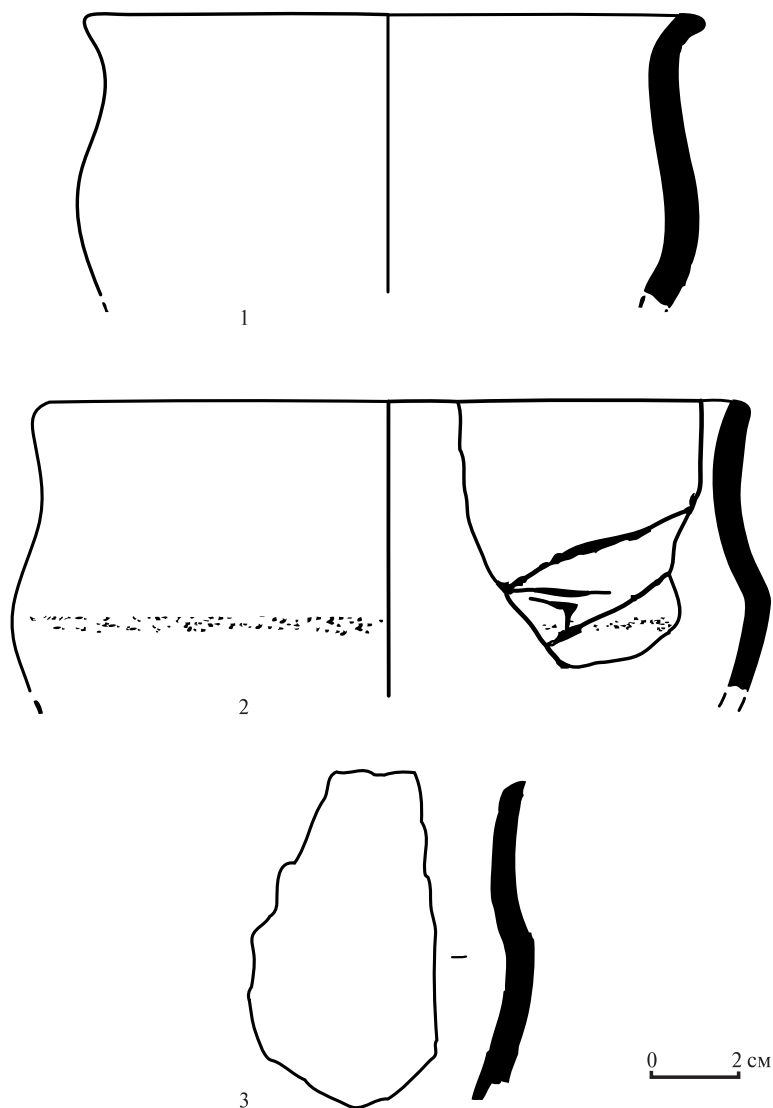

Табл. 30. Керамика. 1-2 — могильник Саты, 3 — могильник Узынбулак

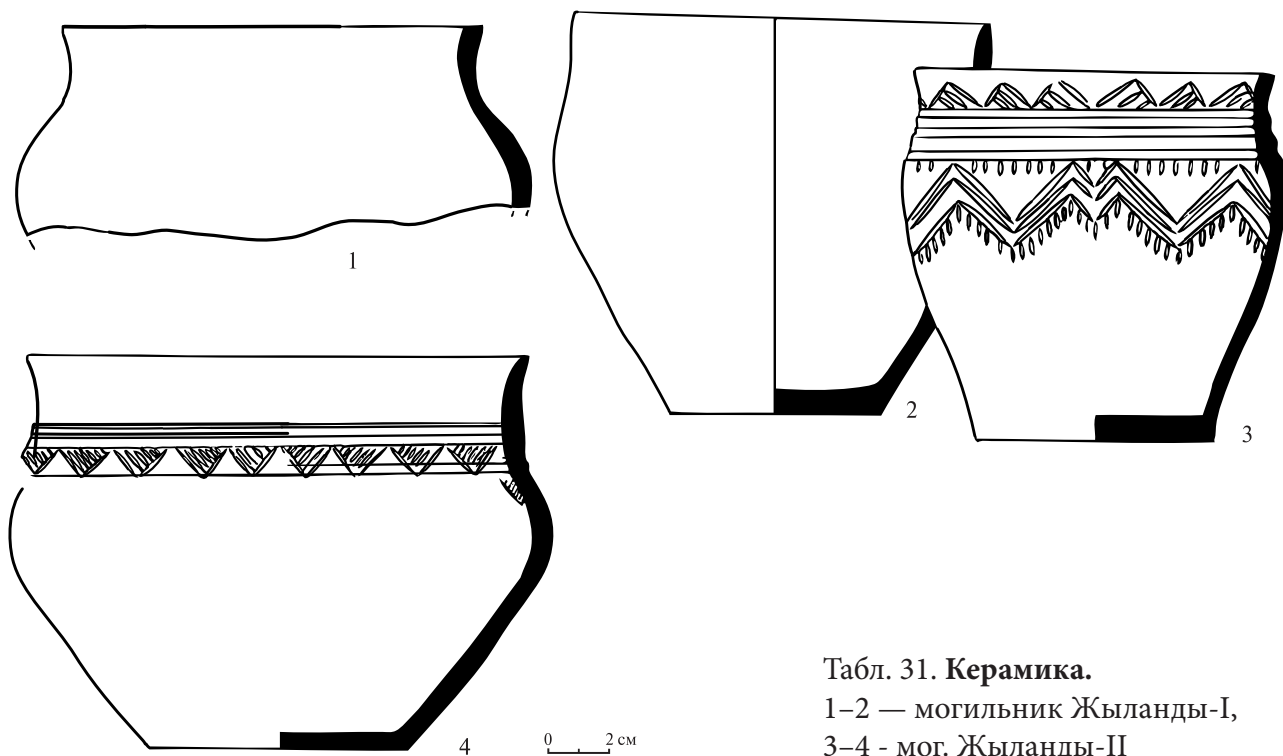

Табл. 31. Керамика.

1-2 — могильник Жыланды-I,
3-4 - мог. Жыланды-II

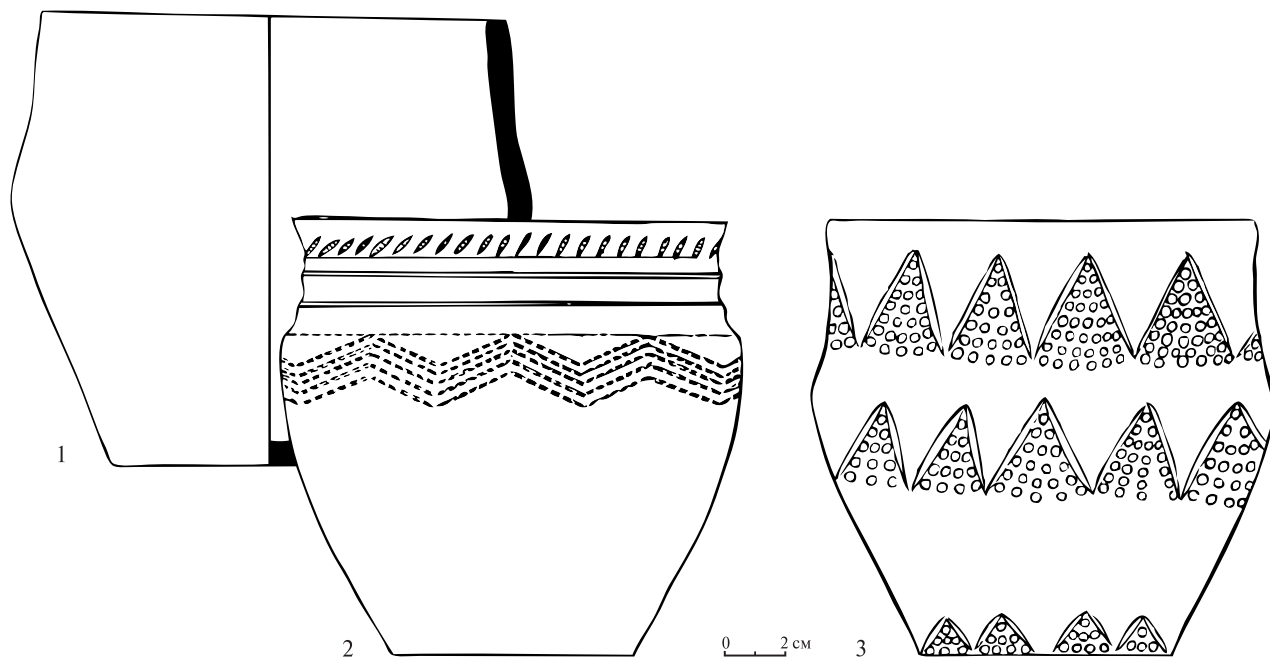

Табл. 32. Могильник Буйен-I, комплекс 13. Керамика

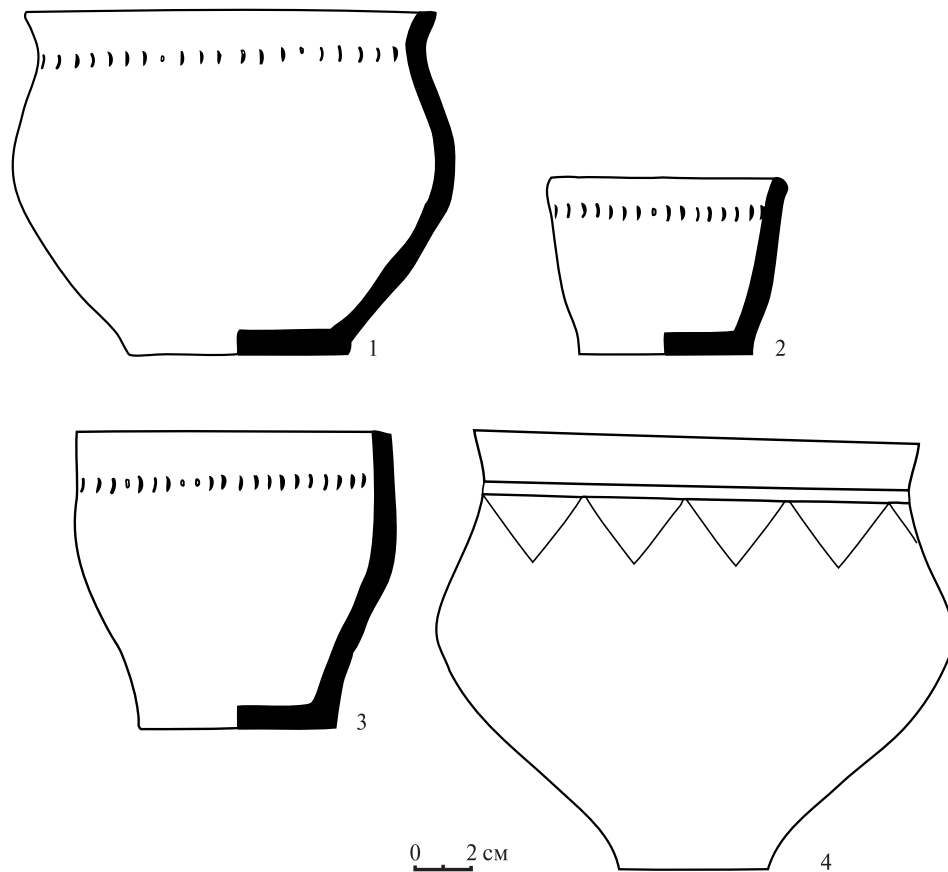

Табл. 33. Могильник Буйен-1, комплекс 13. Керамика

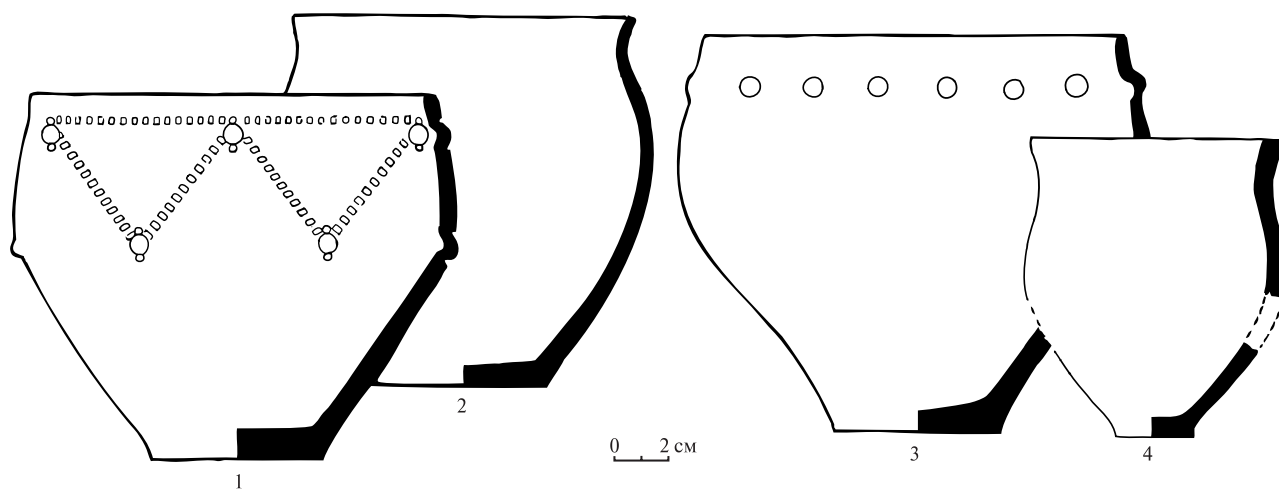

Табл. 34. Могильник Буйен-13. Керамика

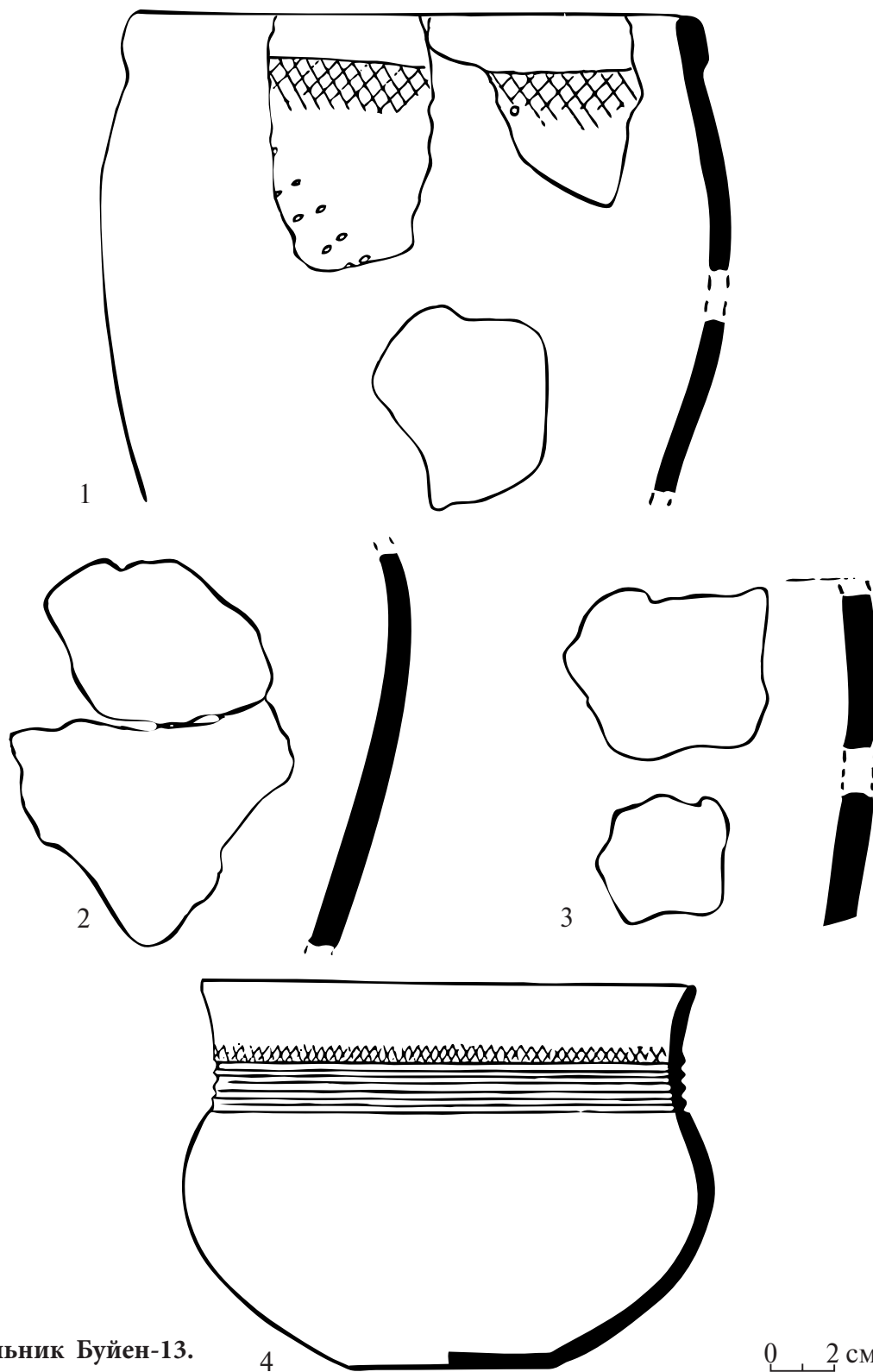

Табл. 35. Могильник Буйен-13.
Керамика

0 2 см

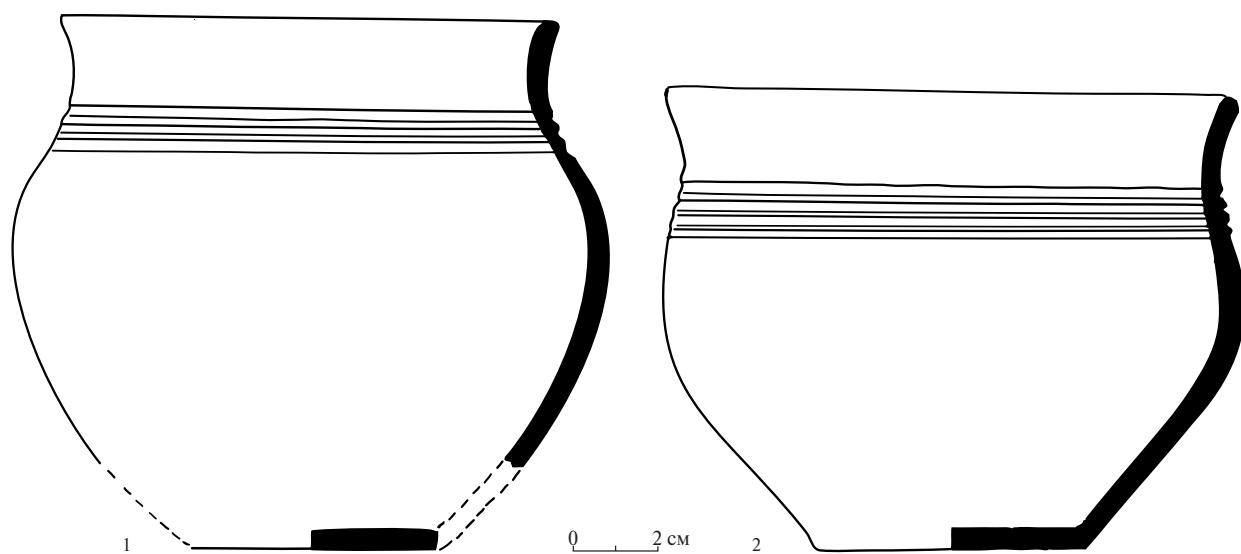

Табл. 36. Могильник Буйен-13. Керамика

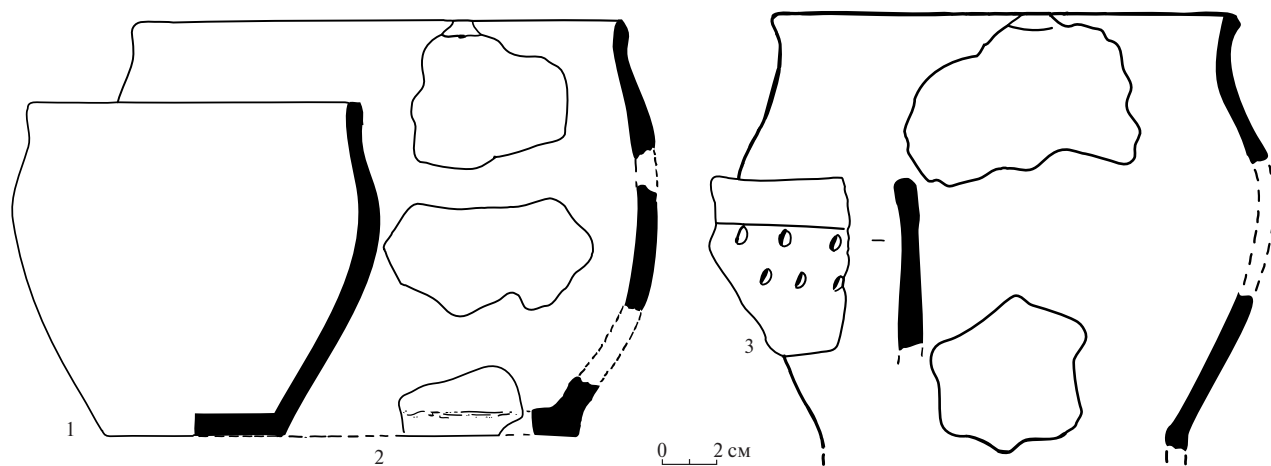

Табл. 37. Могильник Буйен-13. Керамика

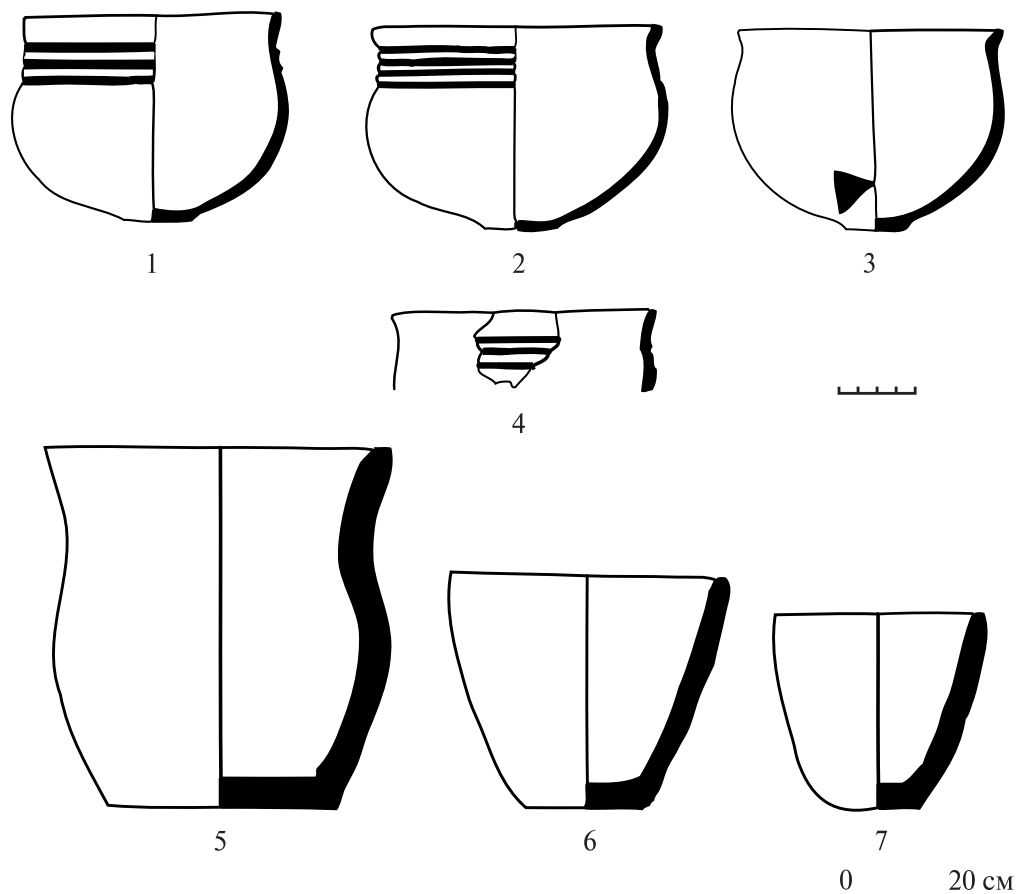

Табл. 38. Могильник Саганды. Керамика

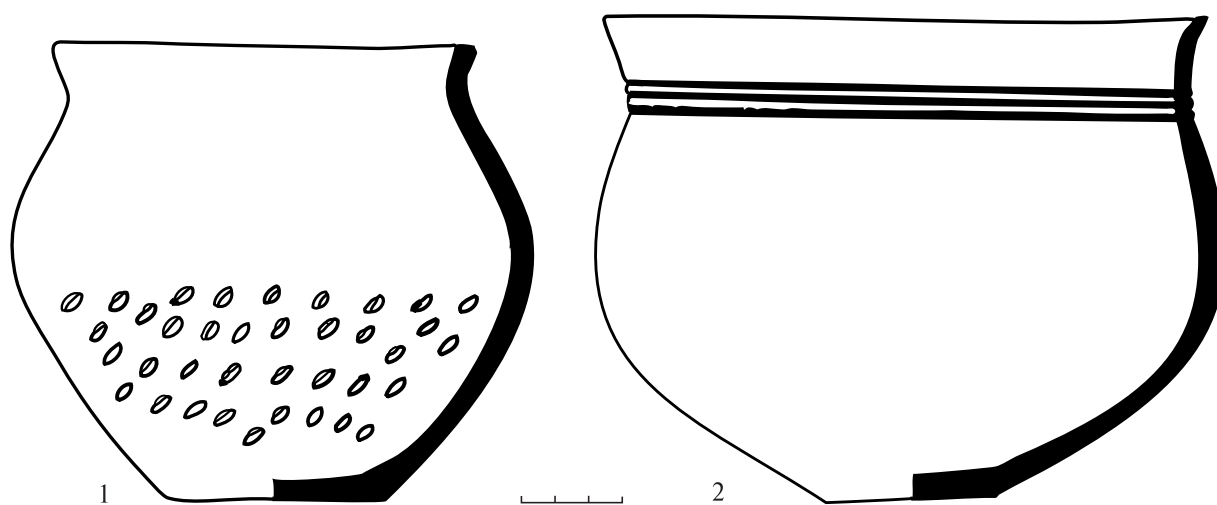

Табл. 39. Могильник Арасан. Керамика

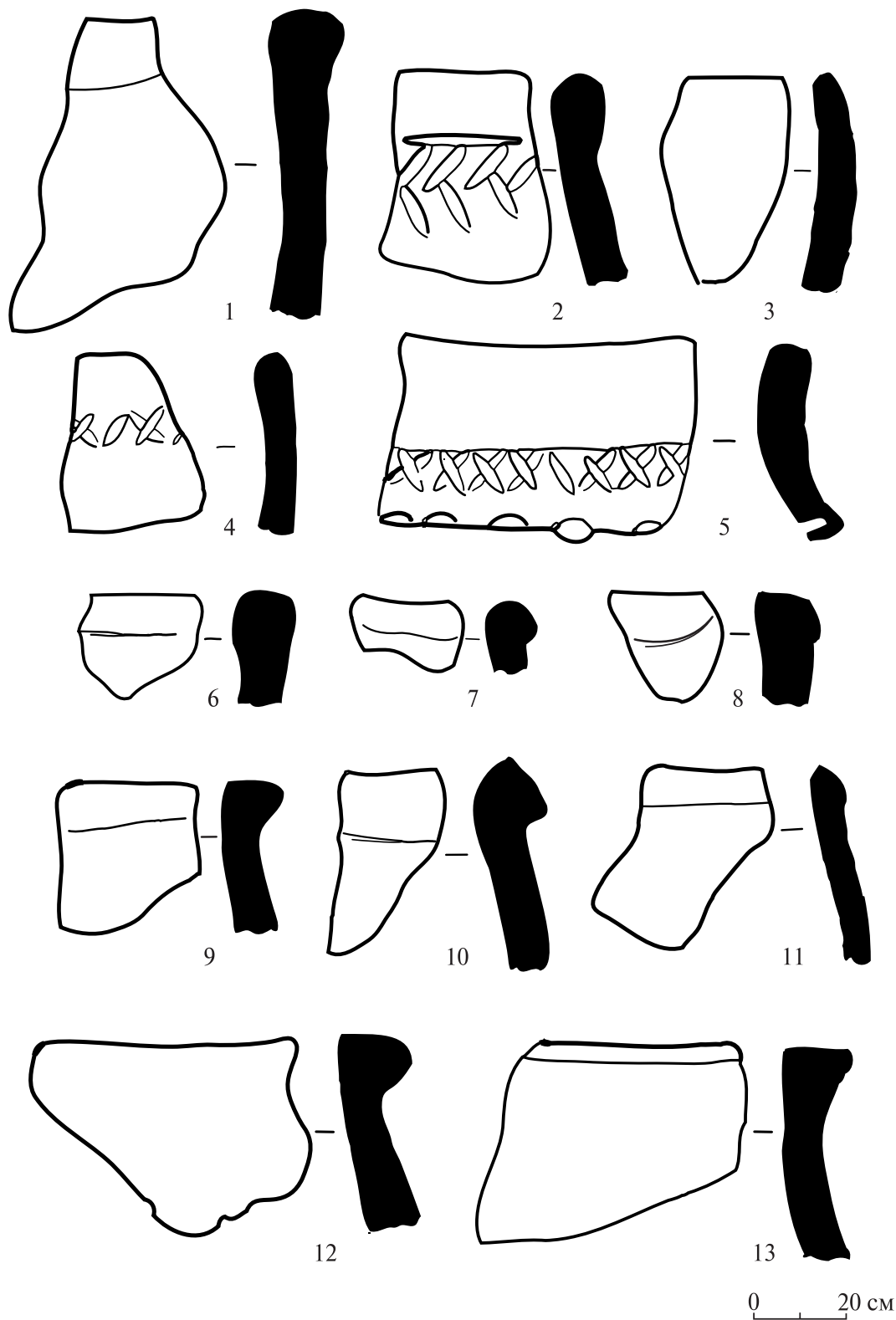

Табл. 40. Поселение Буйен. Керамика

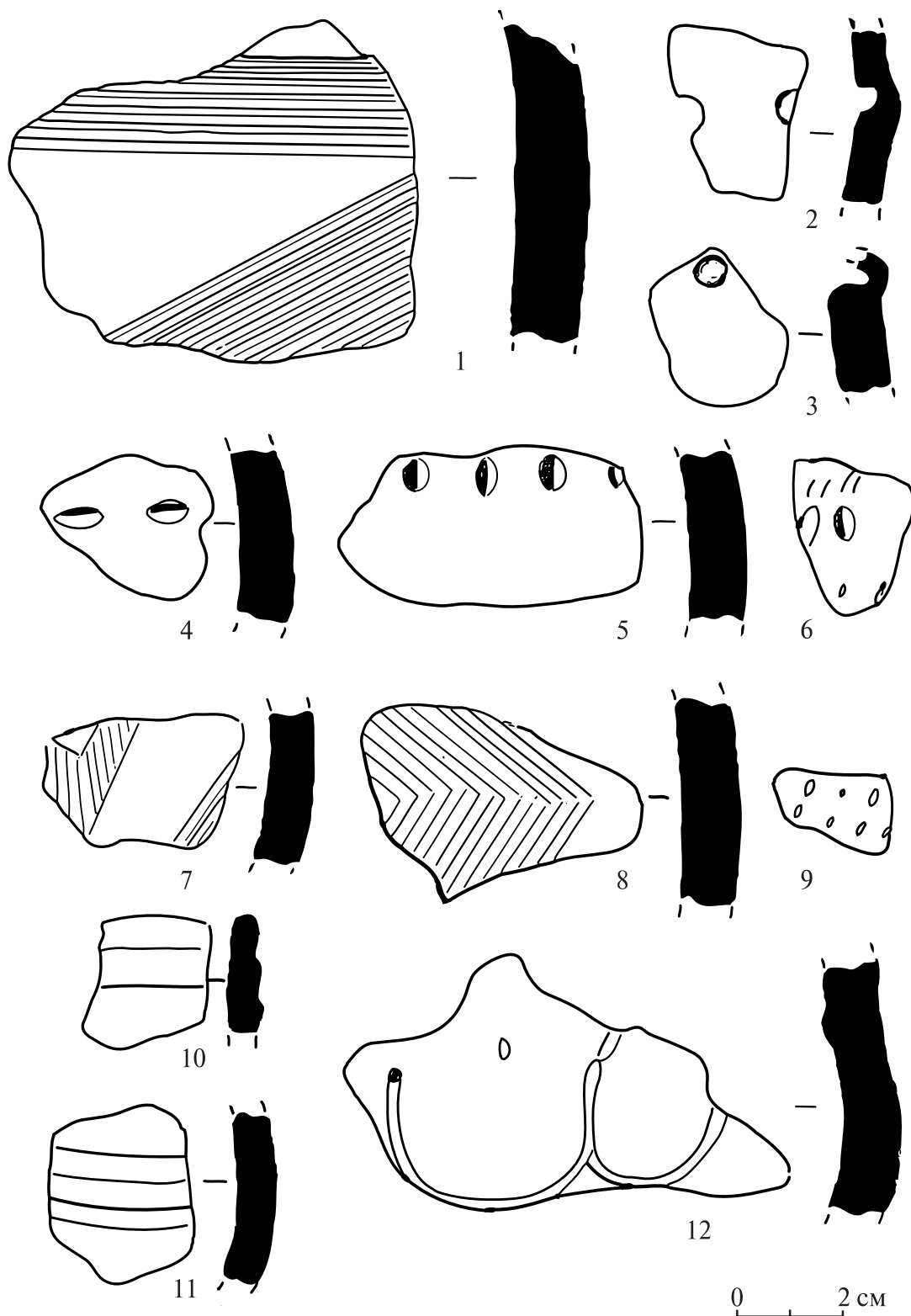

Табл. 41. Поселение Буйен. Керамика.

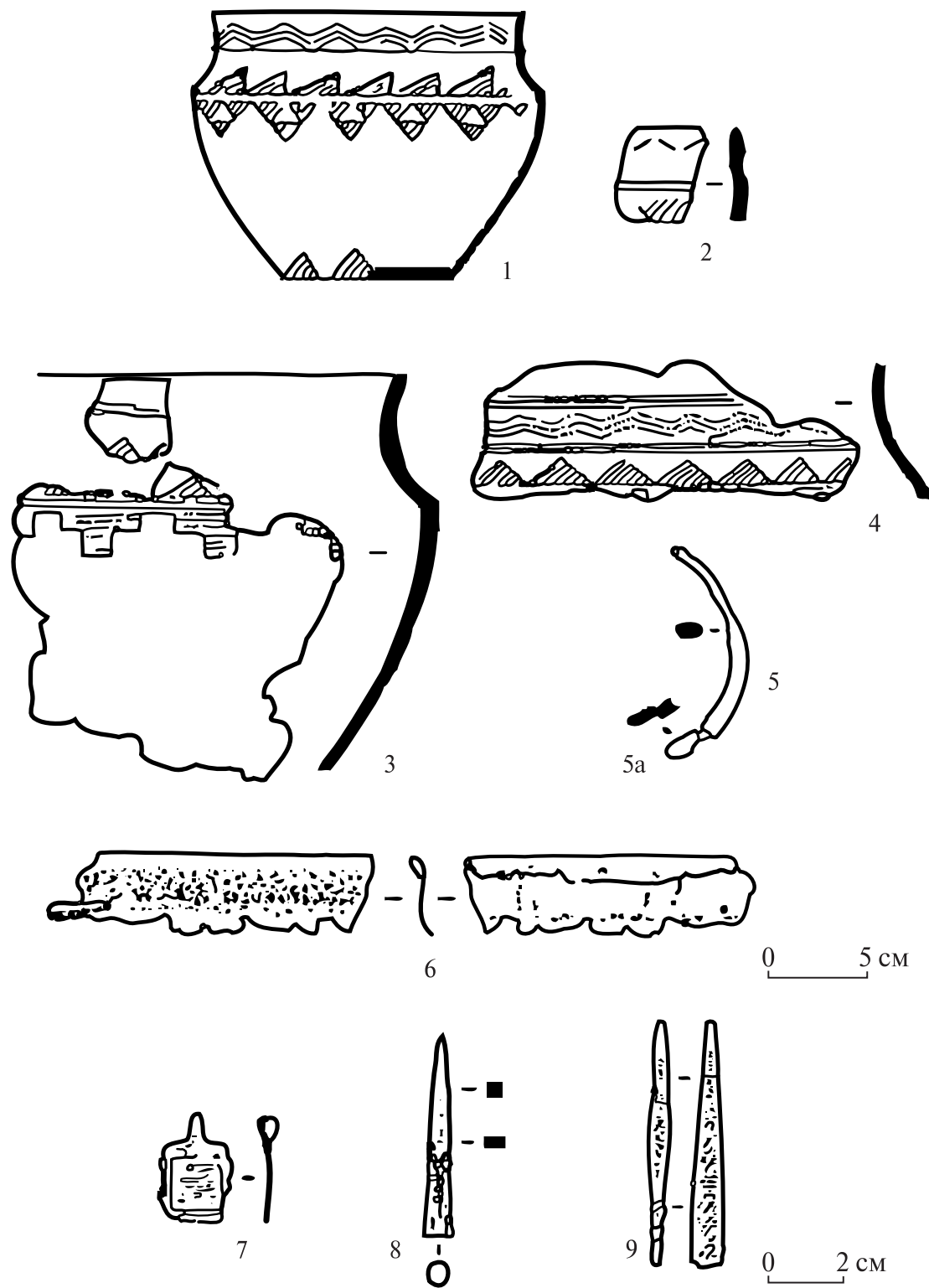

Табл. 42. Могильник Бийликуль. Погребальный инвентарь

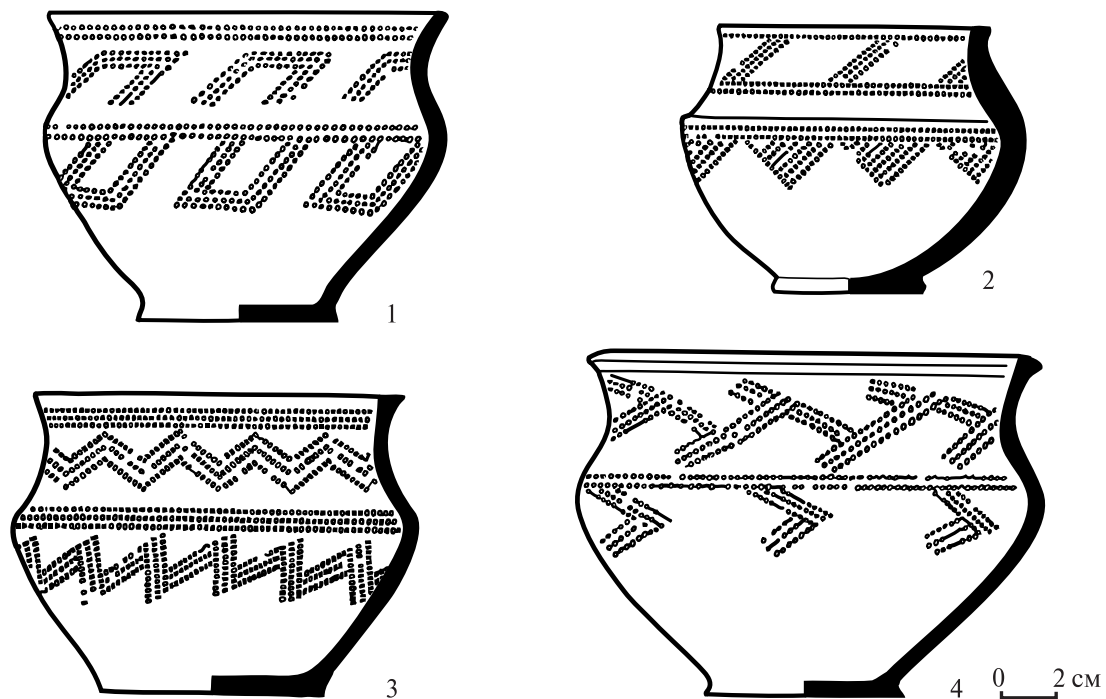

Табл. 43. Могильник Киикты. Керамика

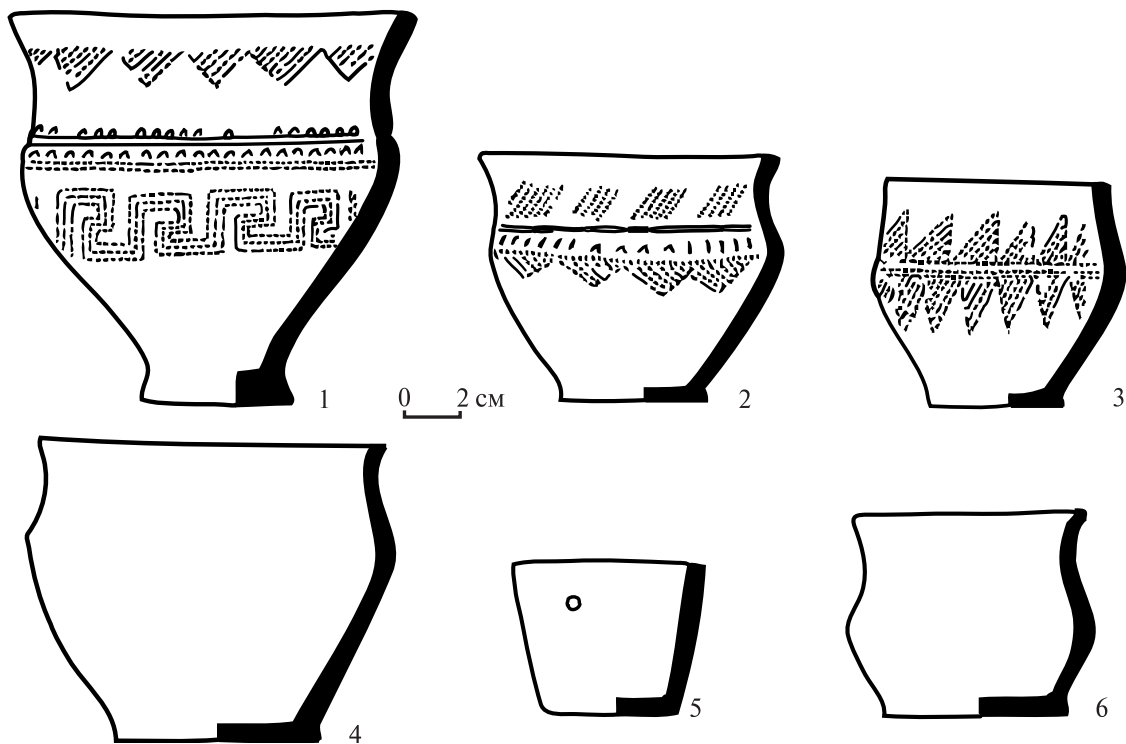

Табл. 44. Могильник Таутары. Керамика

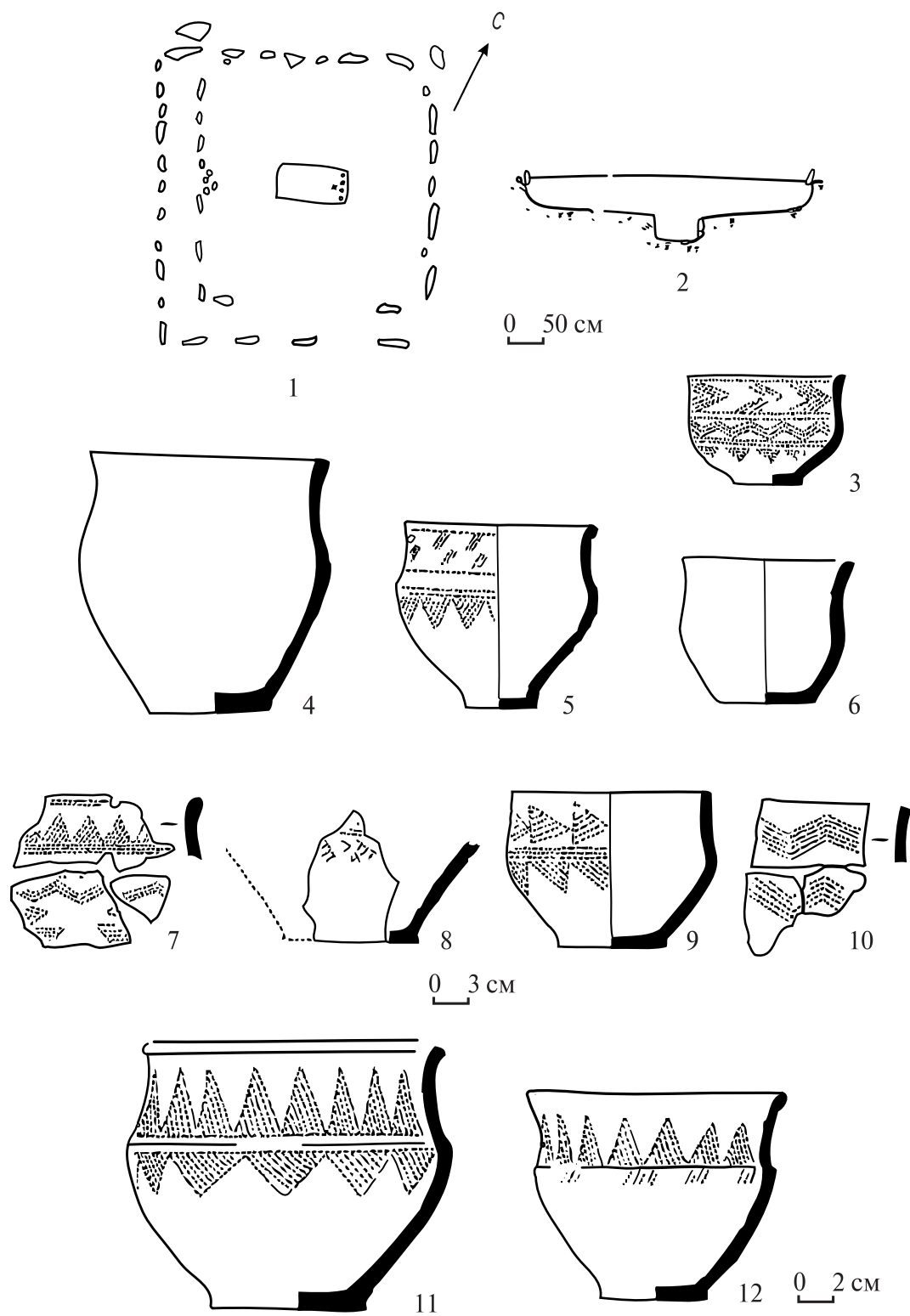

Табл. 45. Могильник Таутары. Погребение и керамика

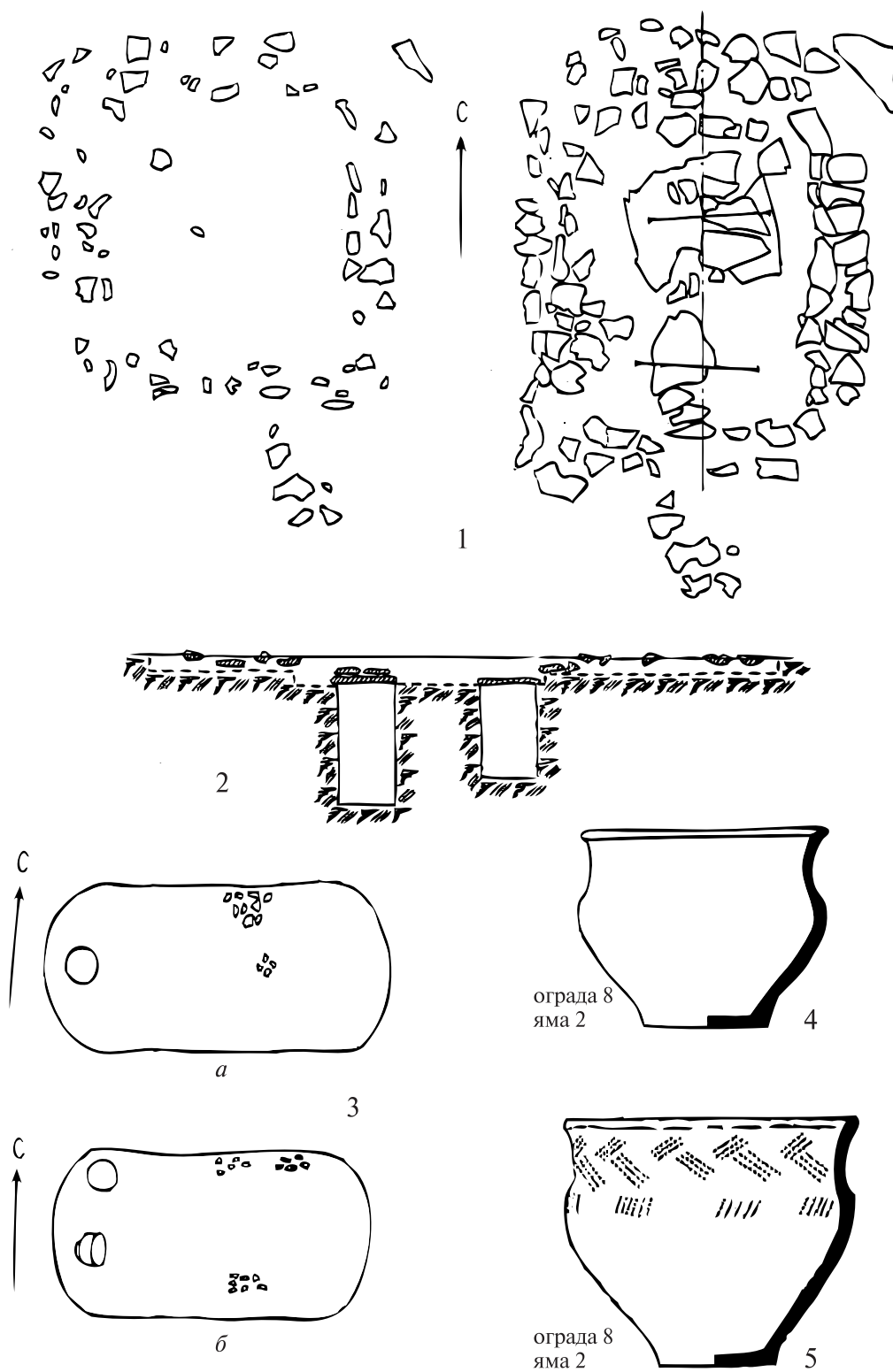

Табл. 46. Могильник Таутары. Погребение и керамика

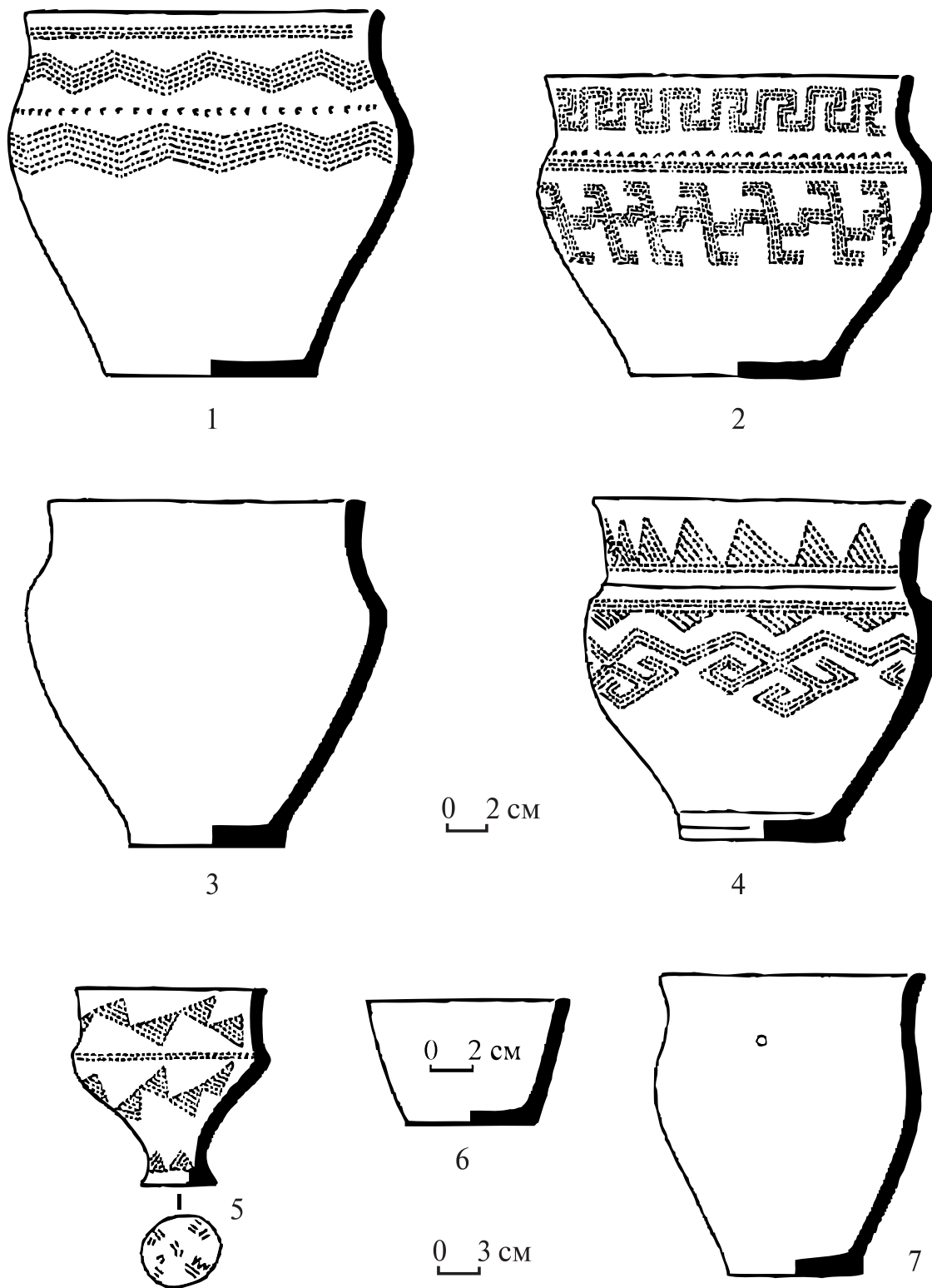
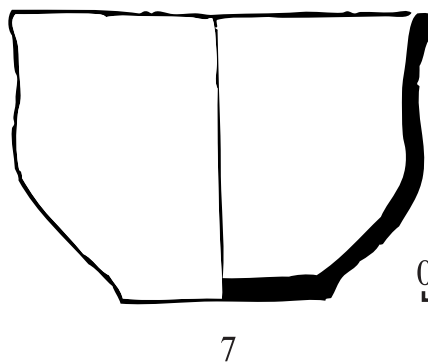
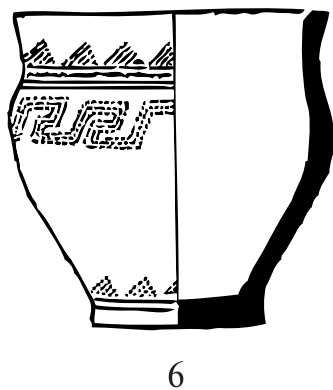
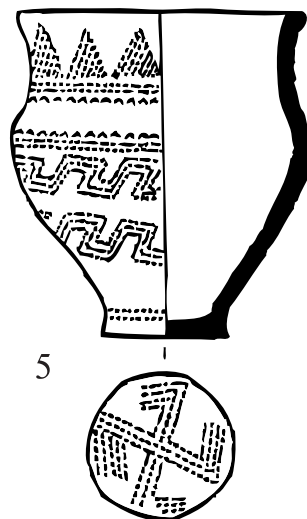
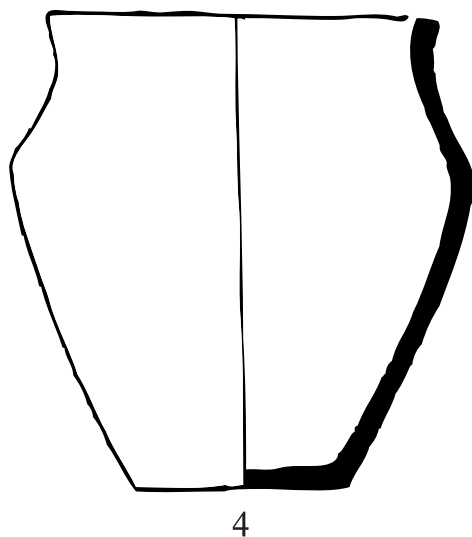
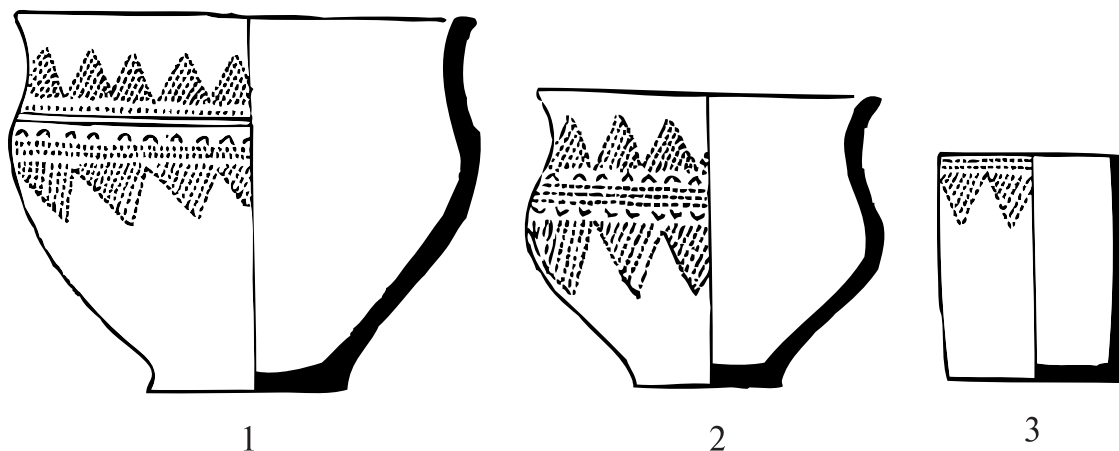
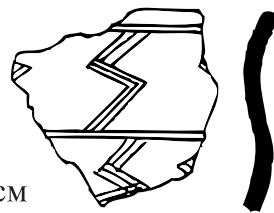
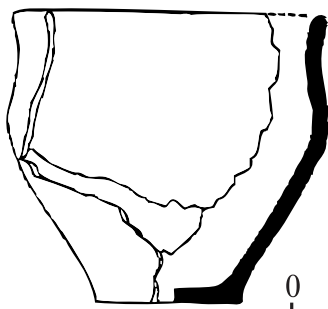
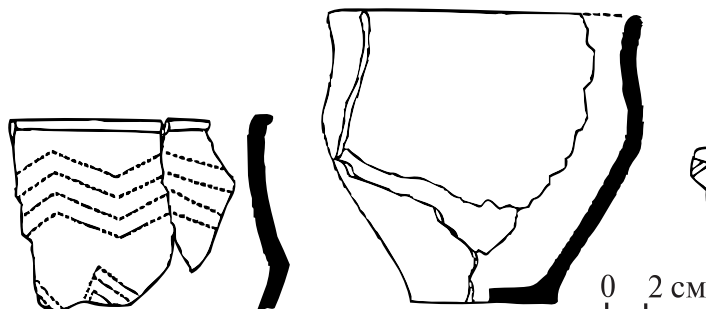
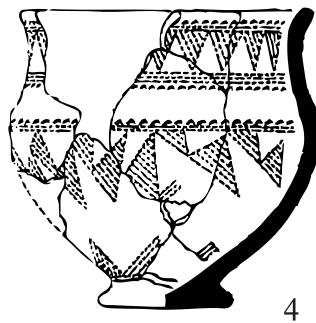
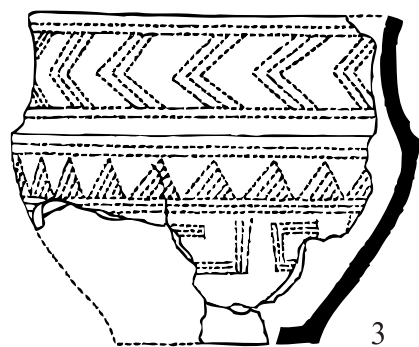
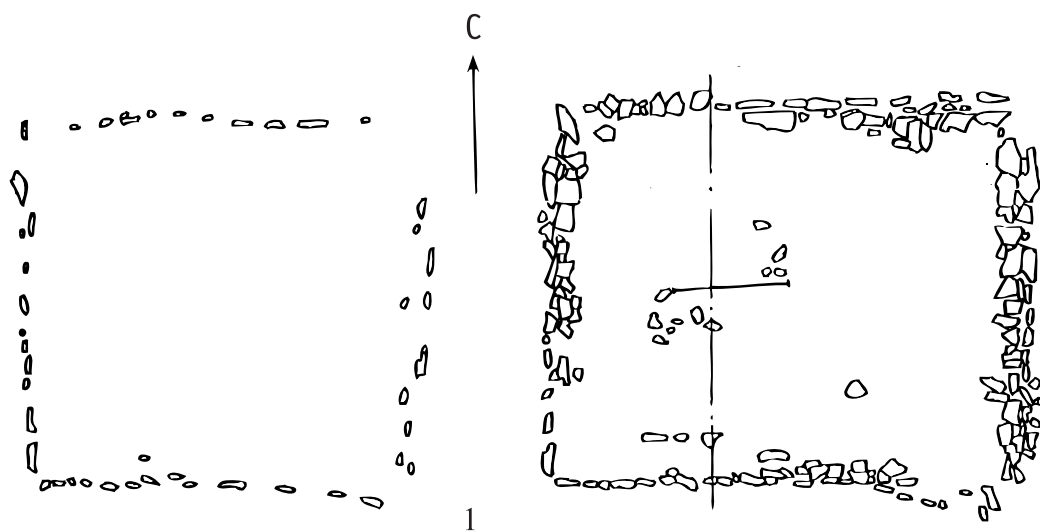

Табл. 47. Могильник Таутары. Керамика

0 3 см

Табл. 48. Могильник Таутары. Керамика

5

6

7

Табл. 49. Могильник Таутары. Погребение и керамика

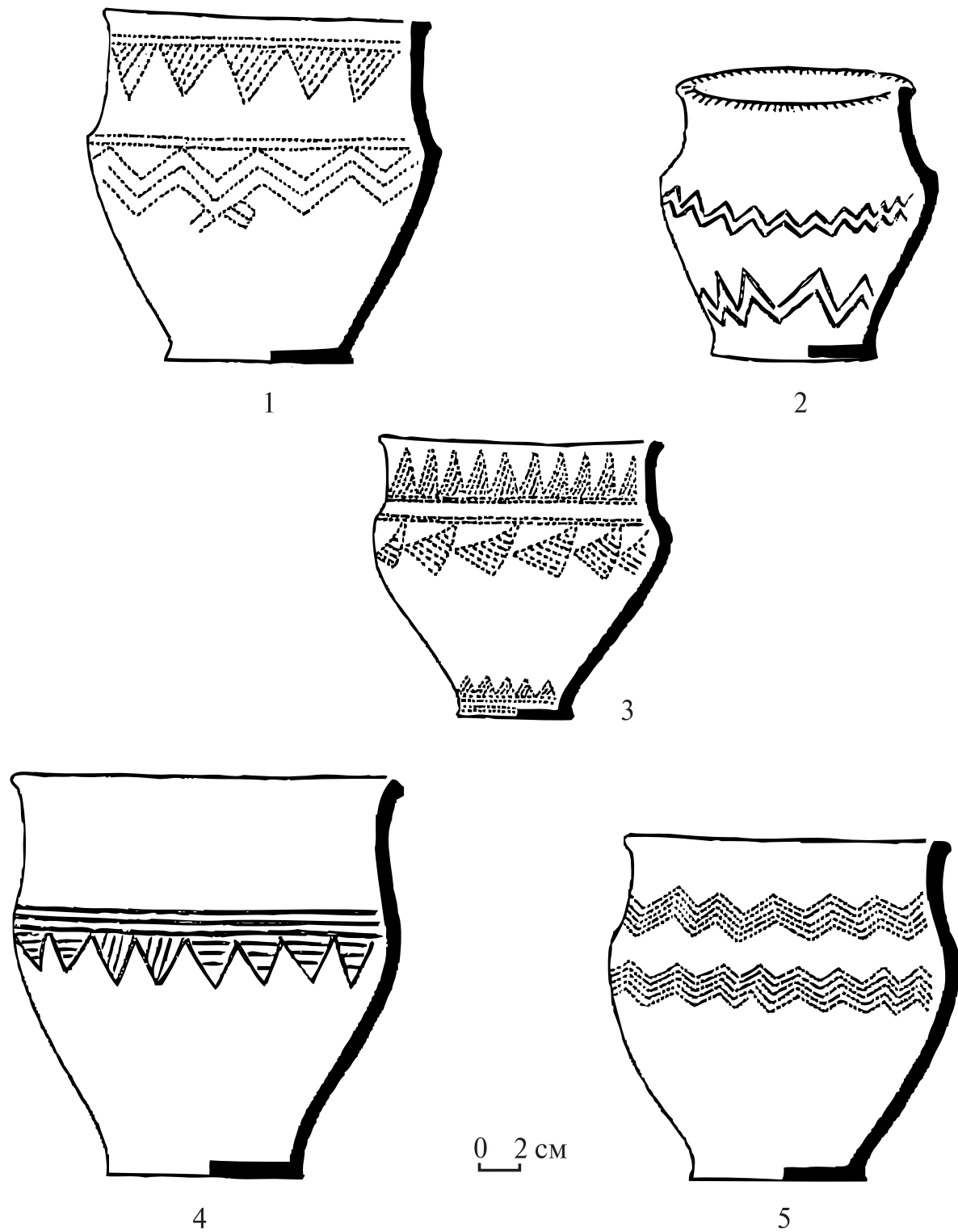

Табл. 50. Могильник Таутары. Керамика

2.2.2 Металлические и иные изделия

1 группа могильников. Украшения составляют немногочисленную категорию. Норма распределения 21,95%. Материал, использованный для изготовления: золото, бронза, камень. Металлические изделия изготавливались способом литья иликовки. Набор украшений невелик: бусы бронзовые из проволоки диаметром 0,5–1,0 см, серьги золотые, бронзовые, кольца, бляшки, обоймы, обломки браслетов, зеркало, пронизки пастовые, сердоликовая бусина, раковина (обломок).

Серьги (норма распределения 5,3%) делятся на 3 типа:

1 тип. Серьги с раструбом (могильники Мыншункыр-III, Жыланды-I — табл. 51). По материалу, из которого изготовлены, делятся на 3 подтипа: а) золотые литые, б) золотая фольга поверх бронзовой основы, в) бронзовые.

Одна золотая серьга (могильник Мыншункыр-III) украшена двумя фигурками лошадей. Украшение является уникальным.

2 тип. Серьги с трубчатым приёмником (могильник Талапты-II — табл. 51). Изготовлены из бронзовой пластины, покрывающей органическую основу. Один конец заострён и входит в трубчатое расширение другого. Диаметр 3,0–4,5 см. Одна серьга сделана необычным способом — органическая основа обёр-

нута золотой фольгой, поверх которой наложен бронзовый лист.

3 тип. Серьги проволочные, кованные (могильник Куйган-II — табл. 51). Изготовлены из бронзовой проволоки, свёрнутой в виде кольца.

Кольцо (норма распределения 0,2%, т.е. 1 экз.) — могильник Куйган-II (табл. 54). Изготовлено из бронзовой проволоки, свёрнутой в кольцо. Мало чем отличается от серёг 3 типа.

Бляшки (норма распределения 1,4%) обнаружены в могильнике Айдахар (табл. 52). Бронзовые, выпуклой формы, с двумя отверстиями по краям, диаметром 1 см.

Обоймы (норма распределения 0,7) — могильник Айдахар. Изготовлены из бронзовых пластин (табл. 52).

Браслеты (норма распределения 1,4%) — могильник Айдахар. Были изготовлены из выпуклых бронзовых пластин.

Зеркало (0,3%, 1 экз.) — могильник Каракудук. Изготовлено из бронзы, круглое, плоское, с петелькой.

Бусы делятся на бронзовые и каменные.

Бронзовые бусы (4,7%) — могильники Мыншункыр-III, Талапты-I, Куйган-II, Айдахар (табл. 51, 52). Изготовлены из круглой проволоки, отличаются своими крупными разме-

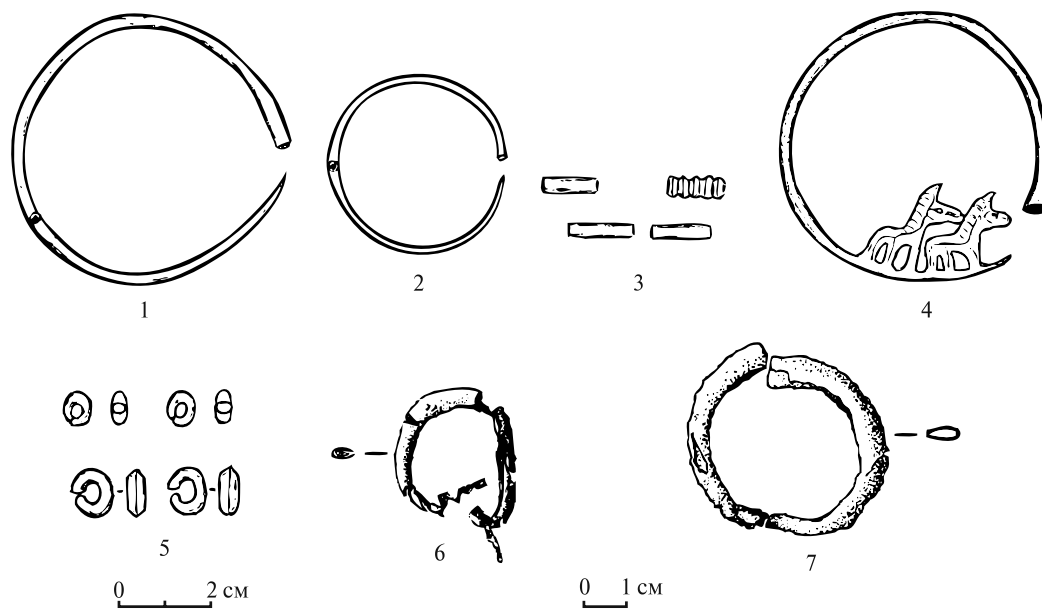

Табл. 51. Украшения. 1, 2, 4 — серьги. Мог. Мыншункыр-II, 6-7 — серьги. Мог. Куйган-II, 3 — пронизки. Мог. Мыншункыр-III, 5 — бусы

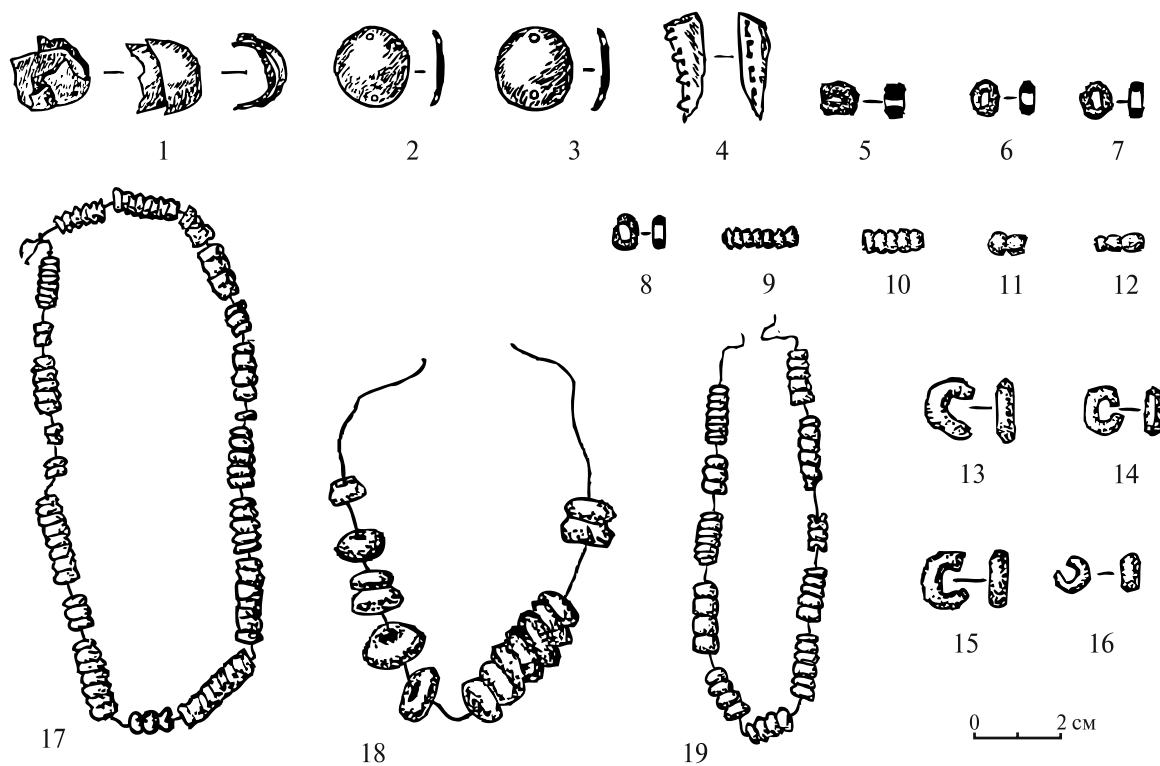

Табл. 52. Могильник Айдахар. Украшения: бусы, бляшки, пронизки

рами (диаметр до 1 см). В некоторых случаях бусы нанизывались на проволоку.

Каменные бусы. Сердоликовая бусина бочонковидной формы (0,7%, 1 экз.) и бусина бочонковидной же формы, изготовленная из белого камня (0,7%, 1 экз.) — обе из могильника Айдахар.

Пастовые пронизки (4,4%) — плоские и ребристые (табл. 51). Изготовлены из белой, голубоватой или светло-зелёной пасты. Обнаружены в могильниках Мыншункыр-III и Айдахар.

Раковина (0,3%) — могильник Каракудук.

В одном из погребений могильника Жыланды-I обнаружено бронзовое шило. Это единственная утилитарная вещь, обнаруженная в могильниках Жетысу.

В могильнике Айдахар найден слиток бронзы.

Каменные изделия (2 экз.): 1 экз. — круглый, окатанный камешек (диаметр 1,5 см) лежал внутри сосуда — могильник Мыншункыр-III; 2 экз. — округлый плоский камень обнаружен в погребении со смешанным захоронением (ингумация и кремация) — могильник Талапты-I.

2 группа могильников (могильник Капал). Обнаружены были только два металлических предмета: бронзовое

полукольцо в ящике № 1 и обломок бронзовой бляшки в ящике № 8.

3 группа могильников (могильник Теренозек). В погребении с кремацией (№ 22) были обнаружены обломки двух бронзовых предметов: проволочного кольца и круглой выпуклой бляшки.

4 группа могильников (могильники Арасан, Буйен-1, комплекс 13 и Буйен-13). В могильнике Арасан украшений не обнаружено. В двух других могильниках найдены единичные украшения из бронзы и серебра, пасты. Бронзовые изделия плохой сохранности, сильно окислены (особенно в могильнике Буйен-13).

Серьга спиралевидная из серебряной проволоки (1 экз.) — могильник Буйен-13 (табл. 53).

Браслет со спиралевидными концами (обломок) из бронзы (1 экз.) — могильник Буйен-13.

Бляшка с петелькой из бронзы (1 экз.) — могильник Буйен-1 (табл. 53).

Подвеска круглая из бронзовой проволоки (1 экз.) — могильник Буйен-13.

Пронизки бронзовые — могильник Буйен-1.

Пронизки из белой пасты — могильник Буйен-13.

5 группа могильников (курган

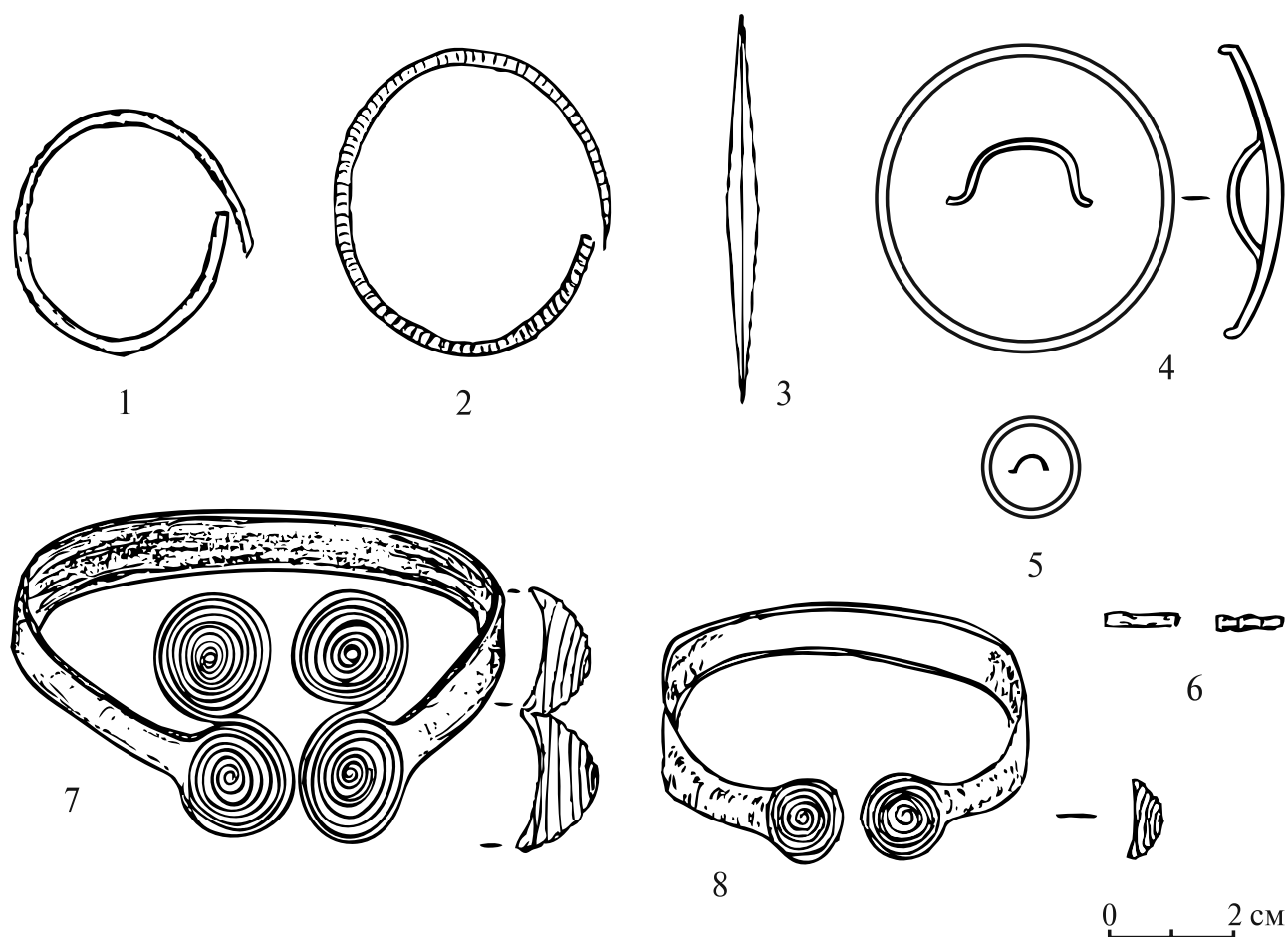

Табл. 53. Могильники Саганды, Буйен-1, 13, курган Буйен. Украшения

Буйен-II). Погребальный инвентарь представлен украшениями из бронзы:

Браслеты с четырьмя волютами — 2 экз. (табл. 53)

Бусы из бронзовой проволоки — 10 экз. (табл. 54).

6 группа могильников (могильники Аксай, Бигаш, Саганды). В могильнике Саганды обнаружен бронзовый предмет — бляшка с петелькой круглой полусферической формы (фалар), 1 экз. (табл. 53, 4).

7 группа могильников.

7.A подгруппа (могильники Киикты, Таутары). Обнаружены различные изделия из золотой фольги, бронзы, пасты, сурьмы, стекловидной массы и кремня (табл. 61).

Серьги (2 экз.) — с трубчатым приёмником из золотой фольги на органической основе (могильник Таутары).

Подвески (3 экз.), изготовлены из бронзы. По форме делятся на 2 типа: 1) плоские продолговатые с отверсти-

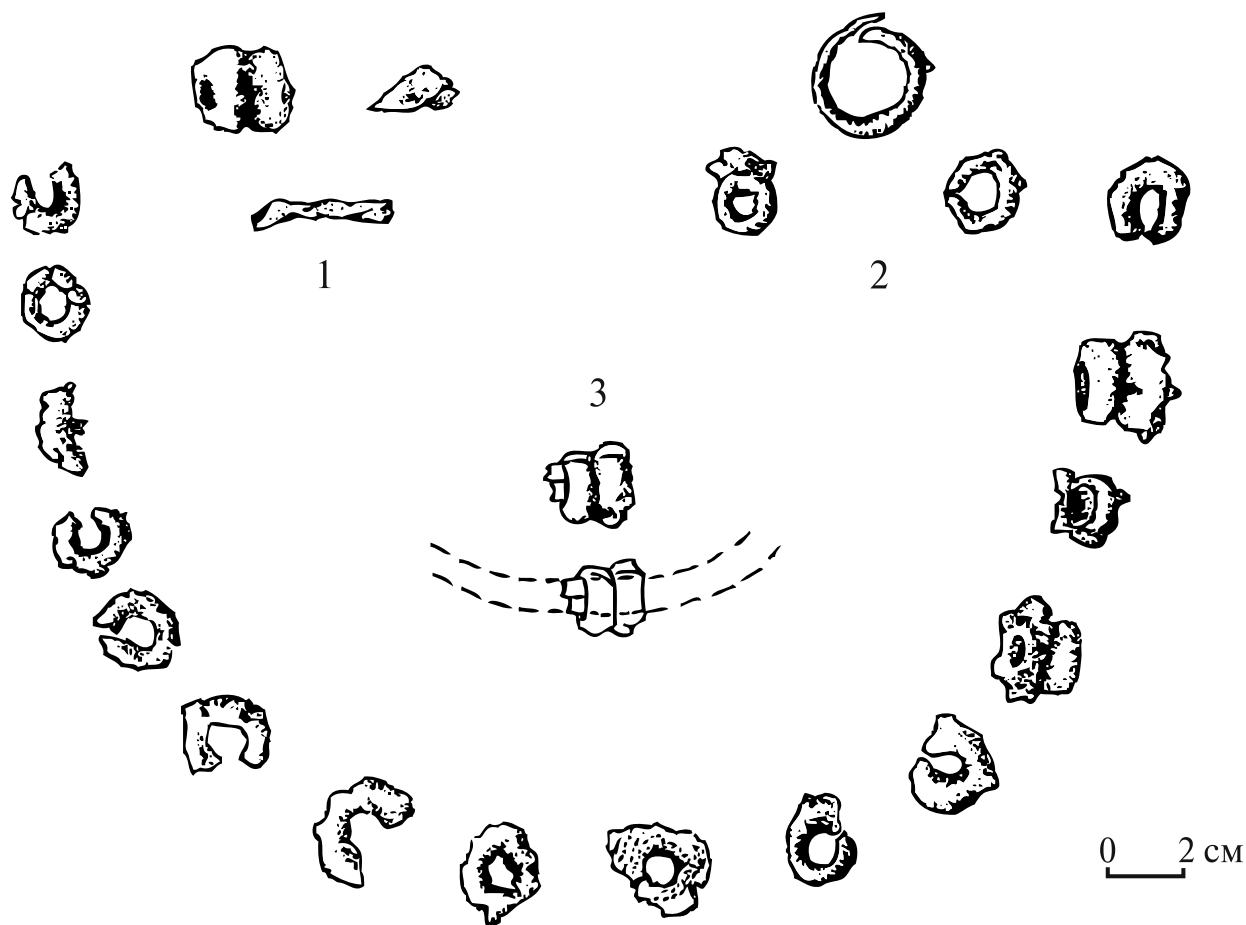

Табл. 54. Могильник Куйган-II. Украшения: бусы, серьги

ем на одном конце (1 экз.), 2) плоские лапчатые с отверстием на одном конце (1 целая, другая — обломок). Найдены в могильнике Таутары.

Обоймы (3 экз.), изготовлены из бронзовых пластинок, предварительно согнутых (могильник Таутары).

Бляшка (1 экз.) из бронзы. Полу-сферической формы с двумя отверстиями по краям (могильник Таутары).

Пронизки (3 экз.), изготовлены из бронзы (1 экз.) и пасты белого цвета

(2 экз.) Пронизки ребристые, пастовые — двойные, бронзовая — много-рядовая (могильник Таутары).

Бусы мелкие (диаметр 3–4 мм) изготовлены из бронзовой проволоки, из сурьмы и стекловидной массы (могильник Таутары).

Кроме того, в могильнике Киик-ты в погребении № 2 обнаружены кусочки шлака, а в погребении № 3 — ножевидная пластина из чёрного кремня.

7.Б подгруппа (могильник Бийликуль). Предметы изготовлены из меди, бронзы, камня и кости (табл. 42).

Горловина сосуда (фрагмент) из листовой меди (толщина 0,3–0,5 мм, диаметр по венчику 20–22 см) — 1 экз. (табл. 42, 6).

Гривна (фрагмент) из откованного медного стержня, покрытого сверху медной фольгой — 1 экз.

Подвеска бронзовая литая, подпрямоугольной формы, с ушком. Украшена чеканным орнаментом в виде двух вписанных прямоугольников — 1 экз. (табл. 42, 7).

Наконечники стрел из меди — 2 экз. Один экз. (табл. 42, 8) — остроконечник, квадратный в сечении, с раскованным и свёрнутым во втулку концом (погр. 1), второй экз. (табл. 42, 9) — в виде стержня, одна половина которого имеет подквадратное сечение и тупой конец, другая — уплощена для крепления к древку (погр. 1).

Каменные изделия — два точила, изготовленные из галек. На одном из них видны риски, конец другого покрыт выбоинами (погр. 2).

Костяные предметы — обнаружено восемь астрагалов МРС (погр. 1).

2.3 Поселения

Поселение Буйен расположено на левом берегу р. Буйен на небольшом мысу, на поверхности которого отмечены каменные основания стен шести одно- и двухкамерных жилищ округлых в плане, площадью 31–70 м².

Раскопом (459 м²) вскрыты остатки четырёх жилищ, примыкающих друг к другу. Три помещения разрушены обрывом реки. Четвёртое жилище двухкамерное, общая площадь 136 м². Жилища слегка заглублены — глубина котлованов 0,35–0,5 м. Основания стен сооружались из крупных валунов, камни наружных стен закреплялись на материке глиняным раствором. К жи-

лищу № 1 пристроен небольшой прямоугольный жертвенник (1 x 1 м), в котором обнаружен костяк МРС. В центральной части помещений отмечено по одной столбовой яме, что указывает на юртообразную конструкцию жилищ. Внутри жилищ имелись наземные очаги двух типов: кострища и каменные из двух плиток, врытых на ребро. Поселение однослойное, мощность культурного слоя 0,25–0,4 м (табл. 20).

Вещевой материал представлен двумя металлическими изделиями: медной иглой и железным коррозированным предметом (наконечник стрелы?); ка-

менными предметами: обломок пряслица, лоцило; костяными орудиями — обломком трепала.

Основную массу находок составляют фрагменты глиняных сосудов (375 фр.). Выделено 3 типа керамики:

1 тип. Толстостенная керамика, орнаментированная налепными валиками, жемчужинами, ногтевыми вдавлениями, пальцевыми защипами, насечками, кривой сеточкой. Способ нанесения орнамента — гладкий штамп, прочерчивание, вдавления, отпечатки верёвочки. Декор располагается по шейке. Венчик часто уплощён и оттянут наружу (табл. 40, 41).

Формовочная масса составлялась в основном по двум рецептам: 1) «глина + дресва гранитная + органика»; 2) «глина + дресва + шамот + органика». Часть сосудов изготовлена с использованием твёрдых шаблонов с матерчатой прокладкой. Донца выдавливались из одного комка глины или выводились спиральным налепом. Доводка изделий производилась на быстро вращавшейся подставке или на круге лёгкого типа. Поверхность заглаживалась рукой и кожей. Изредка использовалось лощение по подсушенной поверхности. Обжигали сосуды в восстановительной атмосфере при температуре +700°C. Позднее некоторые сосуды попали во вторичный огонь.

2 тип. Тонкостенная керамика с выпуклым округлым туловом, орна-

ментированная кривой сеточкой, каннелюрами по шейке (табл. 40, 4, 5). При изготовлении формовочной массы использовалась искусственная примесь 3 типов: 1 — дресва, 2 — шамот, 3 — органика. Все сосуды лепные. Внутренняя поверхность сосудов заглаживалась рукой и мягкой кожей, внешняя обрабатывалась деревянным инструментом и лоцилом. Все сосуды обжигались в восстановительной атмосфере при температуре +700°C.

3 тип. Станковая керамика (табл. 40, 13). Отличается по составу теста от первых двух групп. В тесте этих образцов тонкодисперсная глина составляет около 80%. В качестве искусственных отощителей использовались дресва гранитная и пух камыша. Сосуды изготовлены на гончарном круге быстрого вращения. Внутренняя поверхность заглаживалась рукой, внешняя обрабатывалась деревянным ножом и покрывалась ангобом. Обжиг полный окислительный при температуре более +600°C.

При сравнении результатов структурного анализа керамики чётко выявляется сходство первых двух типов в отношении к исходному сырью, в способах формовки и обработки поверхности, в технике обжига. Различия наблюдаются в рецептах формовочных масс. Очевидно, на данной территории одновременно работали носители разных технологических тра-

диций, разных технологических навыков. Смещение технологических навыков может свидетельствовать о тесных контактах и, возможно, о смешении носителей этих навыков.

Поселение Куйган расположено на правом берегу р. Коксу в 1 км от села Талапты. Поселение занимает высокий мыс, отделенный от могильника Куйган-II руслом сухого ручья. Площадь поселения распахана. Было заложено два разведочных раскопа с целью определения мощности культурного слоя и культурной принадлежности памятника. Культурный слой мощностью 1 м находился на глубине 0,5–1 м от дневной поверхности.

Вещевой материал представлен одним бронзовым ножом, однолезвийным с обособленной рукоятью (табл. 55, 6), обнаруженным под обрывом, и фрагментами керамики. Керамика толстостенная, орнаментированная на лепными валиками с насечками, ногтевыми и каплевидными вдавлениями, «жемчужинами» и др. По своему облику близка к саргаринско-алексеевской керамике из Центрального Казахстана.

ГЛАВА 3

ПЕРИОДИЗАЦИЯ, ХРОНОЛОГИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПАМЯТНИКОВ

Вопросы периодизации, хронологии, культурной принадлежности и генезиса памятников эпохи бронзы Жетысу и юга Казахстана неоднократно поднимались исследователями. Большинство из них относят эти памятники к андроновской культурно-исторической общности (АКИО), выделяя среди них алакульские, фёдоровские и смешанные (таутаринские и семиреченские) комплексы.

Отмечая своеобразие памятников семиреченского типа, археологи по-разному подходят к их культурной интерпретации. Одни считают их алакульскими (А. Абетеков, М.П. Грязнов, А.Г. Максимова), другие — фёдоровскими (П.Н. Кожемяко), третьи — фёдоровско-алакульскими (Г.А. Кушаев). А.Б. Бернштам выделил эти памятники в северо-киргизский вариант эпохи бронзы с двумя

стадиями развития: 1 — синхронная андроновской, 2 — синхронная карасукской, и вычленил комплексы переходного типа к раннему железному веку [Бернштам А.Н., 1949, с. 337–350]. Е.Е. Кузьмина считает, что памятники семиреченского типа следует выделять в особый семиреченский вариант андроновской общности и датировать их эпохой поздней бронзы, начиная с XIII в. до н.э., и последующим временем на основе поздних типов металлических изделий, встречающихся здесь [Кузьмина Е.Е., 1970, с. 44–48; Кузьмина Е.Е., 1988, с. 46–47]. Их генезис она связывает с миграцией алакульских и фёдоровских племён из Центрального Казахстана и последующими процессами интеграции и ассимиляции, которые и привели к сложению семиреченских традиций. Смешанный характер этих традиций, по её мнению, проявился

в биритуальном погребальном обряде, где сочетаются алакульские (ингумация) и фёдоровские (кремация) признаки: в погребальных конструкциях — сосуществование алакульских ящичков и фёдоровских цист, и в керамике — наличие горшков с уступом (алакульские) и с округлым плечиком (фёдоровские).

Исследователи эпохи бронзы Киргизии И. Кожомбердиев и Н.Г. Галочкина выделили памятники с семиреченскими признаками в тяньшанский локальный вариант андроновской культуры, определяя время их бытования также эпохой поздней бронзы (XII–X вв. до н.э.) [Кожомбердиев И., Галочкина Н.Г., 1972, с. 39–41].

Таким образом, почти все исследователи единодушно включают памятники эпохи бронзы рассматриваемого региона в андроновскую культурно-историческую общность. Однако про-

блема определения культурной принадлежности и датировки памятников Жетысу остаётся открытой, так как вопрос о том, к какой же из известных культур андроновского круга относится выделенный ими вариант, остался, всё-таки, нерешённым.

Накопленный к настоящему времени материал обладает достаточным информативным содержанием, что позволяет вновь вернуться к решению этой проблемы, но уже на другой базе и на ином уровне. Тщательный анализ особенностей погребальных конструкций, обряда захоронения, металлических изделий и керамики с поселений и могильников, выявление широкого круга аналогий дают возможность наметить определённые этапы в развитии эпохи бронзы Жетысу. Все заявленные здесь памятники относятся к трём периодам: 1 — средняя бронза, 2 — поздняя и 3 — финальная бронза.

3.1 Средняя бронза

К этому периоду относятся памятники первых двух групп Жетысу: Талапты-I, II, Куйган-II, Каракудук, Мыншункыр-III, IV, Ой-Джайляу, Айдахар, Саты, Узынбулак, Капал, два погребения из Алакульской впадины, а также могильники 7-й группы из Южного Казахстана: Бийликуль, Киикты, Таутары.

Наиболее ранним памятником является могильник Бийликуль из Южного Казахстана. Материал этого могильника находит прямые аналогии в раннеалакульских памятниках андроновской культурно-исторической общности. Сосуды горшковидной формы с уступчиком, отделяющим шейку от тулова, ребро или тонкий валик, про-

ходящий по середине шейки, трёхзональная орнаментация — элементы декора, типичные для раннеалакульских комплексов [Оразбаев А.М., 1958, табл. VI, 8; Зданович Г.Б., 1988, рис. 34, 1, 2, рис. 45, 46; Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966, табл. III, 1, 2, 5, 6; табл. VII, рис. 1–4].

В погребальный инвентарь этого могильника входят два медных наконечника стрел (табл. 42, 8, 9). Один из них в виде остроконечника с кованой втулкой, второй — в виде подквадратного в сечении стержня, один конец которого уплощён. Наконечник с откованной втулкой не имеет прямых аналогий, но по технологии изготовления насада близок к втульчатым наконечникам стрел, найденным на поселениях Мирный-II и Тасты-Бутак, датируемых соответственно XVI–XIV вв. до н.э. и XVI–XV вв. до н.э. [Аванесова Н.А., 1991, рис. 39, 1, рис. 40, 16, 27]. Кованые втулки встречаются на широкой территории и являются признаком наиболее ранней формы. Второй наконечник стрелы, с черенковым насадом, имеет аналогии в материалах могильника Амангельды в Северном Казахстане [Зданович Г.Б., 1988, рис. 28, 17] и в памятниках Средней Азии — Дальверзин и Овадан-Депе [Кузьмина Е.Е., 1966, табл. VI, 34, 35]. Этот тип наконечников, как

справедливо считает Е.Е. Кузьмина, появился в глубокой древности, на что указывает примитивность формы и техники его изготовления.

Таким образом, оба наконечника отличаются простотой формы (отсутствие баллистических усовершенствований), технологии (ковка), химического состава (медь), что позволяет относить их к архаическим формам стрелкового оружия.

Могильник Бийликуль по комплексу вещей, найденных в погребениях, и по приведённым выше аналогиям, следует считать наиболее ранним из исследованных до настоящего времени могильников Южного Казахстана и датировать его серединой II тыс. до н.э.

Другой могильник Южного Казахстана — Киикты — по основным характерным чертам (погребальные сооружения-секции, керамика с уступчатым плечиком) встречает близкие параллели среди позднеалакульских памятников Центрального Казахстана. Погребения в грунтовых ямах с 1–2 плитами вдоль коротких стен, как в Киикты, известны в могильнике Тасты-Бутак-I в Западном Казахстане, откуда происходит и серия аналогичной керамики. В.С. Сорокин относил Тасты-Бутак-I ко второму этапу алакульской культуры, т.е. к XIII–XII вв. до н.э. [Сорокин В.С., 1962, с. 77]. Позднеалакульские памятники на территории

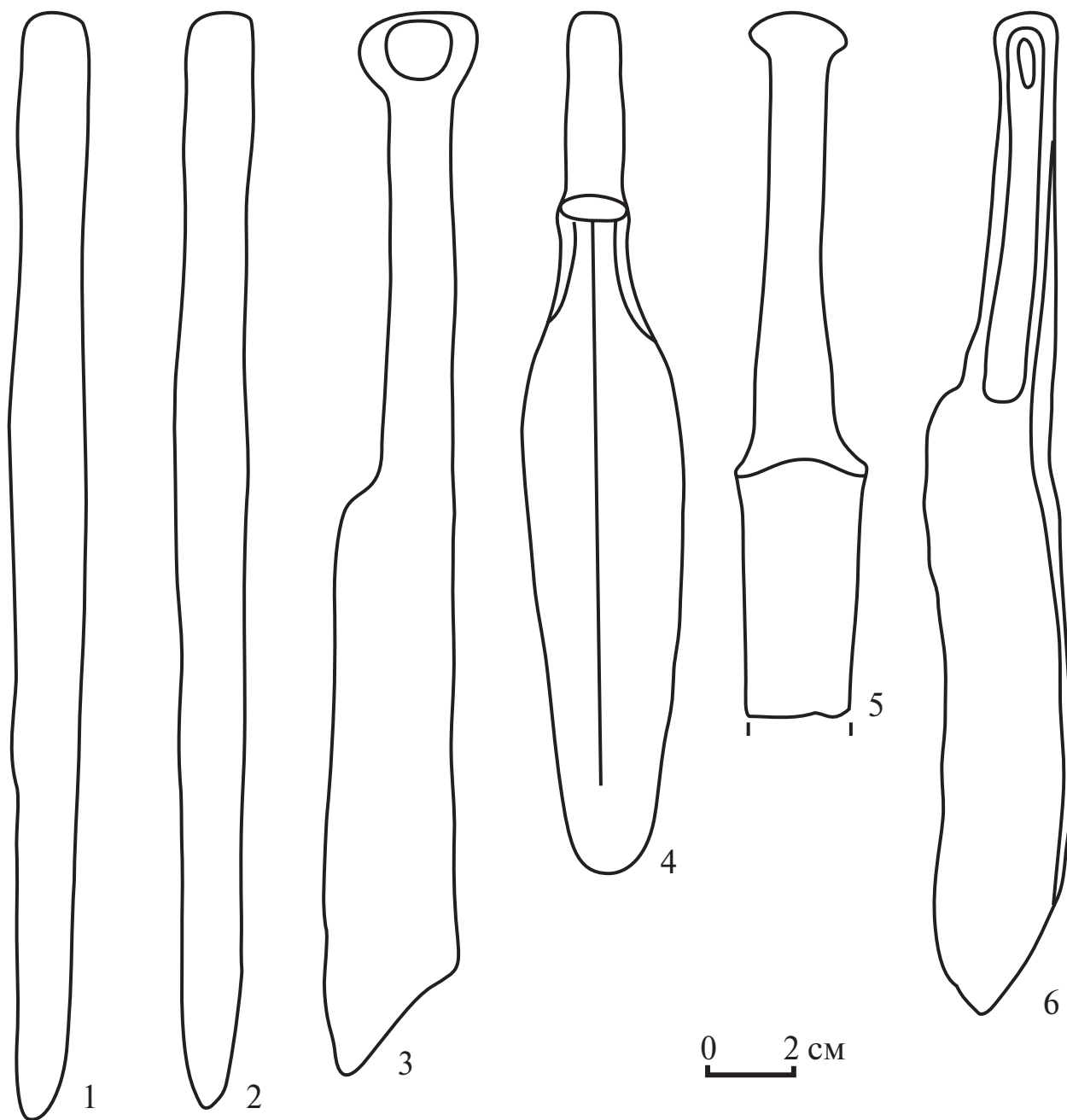

Табл. 55. **Бронзовые ножи.** Случайные находки (фонды ЦГМ РК);
6 – поселение Куйган

Центрального Казахстана А.А. Ткачёв, по стратиграфическим наблюдениям на пос. Майоровка и вещевому материалу, датирует концом XIV–XIII вв. до н.э. [Ткачёв А.А., 1992, с. 20]. Этим же временем ограничивает заключительную стадию алакульской культуры Т.М. Потёмкина.

Таким образом, наиболее вероятная дата могильника Киикты — конец XIV–XIII вв. до н.э., так как в XII в. до н.э. в Центральном Казахстане получают распространение бегазы-дандыбаевская и саргаринско-алексеевская культуры. В этот же период, по-видимому, существовал и могильник Таутары, который отличается наибольшим сходством с могильником Киикты. Для могильника Таутары характерно смешение алакульских и фёдоровских черт, и это также подтверждает нашу датировку, так как именно в конце XIV–XIII вв. до н.э. происходит смешение племён — носителей этих двух разных традиций [Ткачёв А.А., 1992, с. 20].

Из семиреченских памятников самым ранним является могильник Капал, содержащий керамику, аналогичную по технологии изготовления и орнаментации алакульским сосудам, особенно из комплексов Центрального Казахстана [Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966, рис. 43, табл. X, LVIII]. Керамика с подобным деко-

ром встречается и в других районах распространения алакульских племён, например, в Западном Казахстане, Зауралье [Сорокин В.С., 1962, табл. LIII, 71, табл. LIV, 74, 75; Сорокин В.С., 1966, табл. XIV, 7, 13, 17; Стоколос В.С., 1972, рис. 6, 4].

Возраст алакульских памятников разными исследователями определяется в пределах XV–XIII вв. до н.э. [Стоколос В.С., 1972, с. 130; Фёдорова-Давыдова Э.А., 1964, с. 89; Фёдорова-Давыдова Э.А., 1973, с. 133–152; Зданович Г.Б., 1984, с. 29–37, рис. 2; Аванесова Н.А., 1979, с. 23; Потёмкина Т.М., 1985, с. 292].

Данными для изменения или уточнения предлагаемой датировки мы не располагаем — металлические изделия единичны и фрагментарны (обломок кольца и бляшки). Это — единственный памятник такого типа, являющийся свидетельством инфильтрации небольших групп алакульского населения из Центрального Казахстана в Жетысу. Особого внимания заслуживает находка фрагмента керамики тёмно-серого цвета, подобного неорнаментированным сосудам из могильника Каракудук. Фрагмент был обнаружен в одной половине спаренного ящика, в то время как в другой его половине были найдены фрагменты алакульского сосуда (табл. 23, 3), резко отличающегося своей формой, орнаментом и тестом: красновато-коричневого цвета

горшок с высокой шейкой, украшенной небольшими равнобедренными треугольниками, заштрихованными внутри. По венчику треугольники располагаются горизонтальной полосой, ниже из них составлены пирамидки. По тулову идет «П-образный», меандровый узор. Этот факт свидетельствует о тех контактах, которые существовали между пришлым алакульским населением и местными племенами в середине II тыс. до н.э., точнее в третьей его четверти, что является *terminus ante quem* для семиреченских памятников.

Из массы семиреченских могильников выделяется Каракудук. По особенностям своей планиграфии он сходен с могильником Куйган-II, где детские погребения также концентрируются вокруг взрослых. Ящики-цисты с ложным сводом, помимо Каракудука, встречены в могильниках Талапты-I, Тамгалы [Марьяшев А.Н., 1982, с. 10–13, рис. 29], Буйен-I, комплекс 13, а за пределами Жетысу известны такие погребальные камеры только в Даханинском могильнике Ферганы [Литвинский Б.А., 1960, с. 47–52, рис. 6]. Керамический материал очень своеобразен — широкогорлые, приземистые банки, по форме близкие к мискам, неорнаментированные, темно-серого цвета и несколько горшков с уступчатым плечиком. Аналогичные по форме сосуды имеются в могильнике Талапты-I, затем в ке-

гельских могильниках Айдахар и Саты встречены сосуды с небольшим уступом, кроме того, подобные банки и горшки входят в состав керамического материала могильников Кыргызстана: Таш-Тюбе-II [Кожемяко П.Н., 1960, рис. 3, 5, рис. 15, 3), Тегирменсай [Абетеков А., 1963, рис. 36, 6–7], Джазы-Кечу [Галочкина Н.Г., 1977, рис. 3–5, рис. 4–6; Кожомбердиев И., Галочкина Н.Г., 1972, рис. 17, 1, 6].

Горшки с уступчатым плечом явились основанием для А.Г. Максимовой при определении культурной принадлежности могильника Каракудук относить его к алакульскому этапу андроновской культуры (XIV–XI вв. до н.э.) [Максимова А.Г., 1961, с. 66]. Нам думается, что такое определение звучит весьма неубедительно в силу нескольких причин: 1 — отсутствие сходства надмогильных и погребальных конструкций. Такие хаотичные наземные сооружения из обломков камней, уложенных плашмя вокруг погребальной камеры, и, реже, врытых на ребро плит, встречаются помимо Жетысу только в Северном Пакистане в культуре Свата [Müller-Karpe Н., 1983, abb. 6, 7], но никак не в алакульских памятниках. Подобные ящики-цисты также неизвестны в алакульских погребениях, какую-то долю сходства можно отметить с ящиками-цистами из фёдоровских мо-

гильников Енисея, но там стенки со- оружались вертикальные, а не сужа- ющиеся в верхней части: 2 — отсут- ствие сходства в керамике. Неизвестно ни одного алакульского могильника, где бы сосуды в массе своей были не орнаментированы. Наличие уступча- того плечика не может являться опре- деляющим моментом, так как такая форма могла появиться и конвергент- но. Неправомерной, с нашей точки зрения, является практика распро- странения индикатора одной культуры на все остальные; 3 — в могильнике Каракудук обнаружено круглое зер- кало с петлёй, в то время как для алакульских комплексов такие изде- лия не характерны. Бронзовые кру- глые зеркала с петелькой очень редко встречаются, так, 1 экз. имеется в могильнике Бугулы-1, относящемся к нуринским (фёдоровским) памятни- кам Центрального Казахстана [Мар- гулан А.Х., Акишев К.А., Кадырба- ев М.К., Оразбаев А.М., 1966, с. 75, табл. XII, 1], два зеркала найдены в могильнике Муминабад в Узбекиста- не [Аскарлов А., 1969, с. 61, рис. 2, 7; Аскарлов А., 1970, с. 65, рис. 3, 7; Лев Д.Н., 1966, с. 102, рис. 38, 10] и в могильнике Дашт-и-Кози в Таджикистане [Исаков А.И., Потём- кина Т.М., 1989, с. 163–164, рис. 5, 11]. Комплекс вещей из Муми- набада, в который входят наряду с зеркалами горшковидные сосуды с ре-

бром в верхней части тулова, укра- шенные по плечикам равнобедренны- ми заштрихованными треугольниками, выполненными резной техникой, со- держит также желобчатые брасле- ты и серьги с растробом. Оба ав- тора, опубликовавшие этот материал, датировали его различным образом: Д.Н. Лев серединой II тыс. до н.э., А. Аскарлов — не ранее XIII в. до н.э. [Лев Д.Н., 1966, с. 103; Аскарлов А., 1969, с. 62]. Разночтение объ- яняется тем, что первый исследова- тель при датировке опирался на ши- роко распространённую в тот период шкалу периодизации К.В. Сальнико- ва, которая затем неоднократно пере- сматривалась. Сосуды из Муминаба- да близки отдельным типам керамики с Приаральских стоянок Кокча-15 и 15а [Итина М.А., 1977, рис. 16, 4]; оба дома, где найдена эта керами- ка, датированы XV–XIV вв. до н.э. [Итина М.А., 1977, с. 145]. Круглое зеркало с петлёй было также найдено в этом районе на стоянке Байрам- Казган-2 [Итина М.А., 1977, рис. 67, 18], датированной М.А. Итиной XIV–XIII вв. до н.э. [Итина М.А., 1977, с. 145]. Могильник Мумина- бад — синкретический памятник, где сочетаются тазабагъябские и фёдоров- ские черты. Дата могильника Дашт- и-Кози — XIII–XII, XIII–XI вв. до н.э. [Исаков А.И., Потёмкина Т.М., 1989, с. 164].

Происхождение подобных зеркал связывают с развитием круглых вогнутых зеркал, которые появились у степного населения Средней Азии в результате контактов с земледельцами Анау в конце III — начале II тыс. до н.э. Позднее они были заимствованы андроновскими (фёдоровскими) племенам, создавшими новые типы этих изделий [Итина М.А., 1977, с. 134; Кузьмина Е.Е., 1966, с. 68]. На территории Западной Сибири зеркала с петелькой сохраняются и в раннем железном веке [Комарова М.Н., 1952, с. 19, рис. 8, 4; рис. 17, 4, 6, 17, 21; рис. 21, 4, 15, рис. 22, 1, 30, рис. 25, 1–7, 30]. Таким образом, зеркала данного типа появляются в XIV–XIII вв. до н.э. и бытуют длительное время. Однако, на территории Казахстана и Средней Азии уже с XIII в. до н.э. получают распространение квадратные зеркала с петелькой и круглые с выступающей ручкой [Кузьмина Е.Е., 1966, с. 68–69, табл. XIII, 1–6, 8, 9; Оразбаев А.М., 1958, табл. VIII, 17]. Квадратные зеркала появляются и в Западной Сибири в памятниках еловской культуры, датируемой XII–IX вв. до н.э. [Косарев М.Ф., 1981, рис. 59, 27, с. 162].

Следовательно, дата круглых зеркал с петелькой — XIV–XIII вв. до н.э., что и определяет время существования могильника Каракудук.

Из группы семиреченских памятников выделяется и могильник Мыншункыр-III. Надмогильные сооружения имеют аналогии в других памятниках Жетысу: Мыншункыр-IV, Айдахар, Таш-Тюбе-II, Таш-Башат, Беш-Таш, Джазы-Кечу [Кожемяко П.Н., 1960, с. 81–102, рис. 1, 4, 6–8, 10, 12; Галочкина Н.Г., 1977, с. 30–36]. Погребальные конструкции отличаются разнообразием и оригинальностью. Могилы, выложенные небольшими валунами, неизвестны на других территориях, только в могильнике Буйен-13, погребение 2 использованы валуны, но сооружение представляет собой совершенно иной тип, не характерный для Мыншункыр-II. Отдельные близкие типы погребальных камер встречаются в фёдоровских памятниках Центрального, Восточного Казахстана и Западной Сибири — имеются в виду цисты, впущенные в грунтовые ямы, известные в Минусинской котловине, но сооружались они из плоских плит. Кроме того, цисты из плиток представлены в могильниках Северного Пакистана (культура Свата), где также встречаются могильные ямы, по верхнему краю которых уложены валуны в 1–2 ряда [Castaldi E., 1968, tav. IV, fig. 1, 2; tav. V; tav. IX, X].

Другой тип погребальных конструкций — ящики, впущенные в грунтовую яму, — имеются на Енисее, осо-

бенно много их отмечено в могильнике Сухое озеро-I [Максименков Г.А., 1978, с. 9, с. 14–15, табл. V, 5, 6, табл. VI, 3, рис. 1, 5, 6; табл. XXIV, 1, 2, 4–6, с. 24, с. 26; с. 30, табл. XXVI, 2, 3, 5, рис. 5, 5, табл. XXXII, 9, 16; с. 33, табл. XXX, 9]. Другая линия связей указывает на близость с памятниками Северного Пакистана, где встречены такого же типа каменные ящики [Müller-Karpe Н., 1983, abb. 8, 1–11].

Большая часть погребальных камер в Мыншункыр-III ориентированы по линии ВСВ–ЗЮЗ, что опять-таки находит аналогии в памятниках Енисея, особенно в могильниках Сухое озеро-I и IA [Максименков Г.А., 1978, с. 11, 17, 18, 20, 21, 23, 24, 26, 28, 30–34 и др.] и в могильниках Северного Пакистана [Müller-Karpe Н., 1983, abb. 8, 1–11].

Керамика, обнаруженная в могильнике, также сходна с фёдоровскими банками, украшенными в верхней части каннелюрами.

Наиболее важной находкой из всего вещевого инвентаря является золотая серьга с раструбом и с двумя литыми фигурками лошадей. Серьги с раструбом встречаются во многих фёдоровских памятниках Казахстана, Западной Сибири и в могильниках эпохи бронзы Жетысу и Средней Азии [Аванесова Н.А., 1975, с. 67–69, рис. 1, 1–14].

Что касается литых изображений лошадей, то зооморфные фигурки изредка встречаются на рукоятках ножей и кинжалов карасукской культуры [Хлобыстина М.Д., 1962, табл. 2; Членова Н.А., 1972, с. 47, 48, табл. 9; Гришин Ю.С., 1971, табл. 5, 13]. Однако наиболее близкими по форме являются изображения лошадей на ножнах из Сейминского и Ростовкинских могильников и на кинжалах из Каракольского-II клада [Бадер О.Н., 1970, рис. 52; Бадер О.Н., 1971, с. 98–103, рис. 44; Матющенко В.И., Ложникова Г.В., 1969, с. 22; Винник Д.Ф., Кузьмина Е.Е., 1981, с. 48–53, рис. 1]. Происхождению и датировке этих изделий посвящены работы многих авторов. Следует отметить работы Н.А. Членовой [Членова Н.А., 1972, с. 135–139] и М.Ф. Косарева [Косарев М.Ф., 1974, с. 93–94; Косарев М.Ф., 1981, с. 96], В.А. Сафронова [Сафронов В.А., 1966, с. 184–185; Сафронов В.А., 1970] и Е.Е. Кузьминой [Кузьмина Е.Е., 1973, с. 31–39]. Все авторы отмечают близость форм ножей из Сеймы, Ростовки, ножа из Турбинского могильника [Бадер О.Н., 1964, рис. 113] и из Восточного Казахстана (р. Джунба, Калбинский хребет) [Черников С.С., 1960, табл. LXIV, 5]. Находка ножа на р. Джунба подтверждает гипотезы тех исследователей, которые предполагали алтайское про-

исхождение подобных изделий. Мыншункырская серьга расширяет географию находок, включая в их ареал и Восточное Жетысу, и вместе с ножами из клада Каракол-II она отмечает уже второе местонахождение подобных изделий в Жетысу.

Таким образом, Жетысу являлось одним из наиболее вероятных центров производства изделий, украшенных зооморфными фигурками. Тем более, что территория распространения животных (лошадь, архар), изображаемых на ножах и серьге, включает помимо Алтая, Восточного Казахстана, Монголии, в том числе и Жетысу [Цалкин В.И., 1951, с. 258, 262; Цалкин В.И., 1970; Барминцев Ю.Н., 1958]. Образы коня и барана часто встречаются на петроглифах Жетысу и Алтая, здесь же отмечено множество идентичных сюжетов, среди которых имеются и фигурки двух лошадей, стоящих друг за другом, подобные тем, что изображены на сейминском ноже и мыншункурской серёжке. Вполне вероятно, что в эпоху бронзы Алтай, Восточный Казахстан и Жетысу составляли единый регион с присущими ему общими чертами в материальной культуре, идеологии, в основе чего, по-видимому, лежит общность происхождения населения, обитавшего в этих краях. И вместе с тем, семиреченские памятники отличаются явным своеобразием. Памятники, в которых

найжены эти изделия, датируются исследователями по-разному, общепринятой точки зрения не выработано; О.Н. Бадер датировал Турбинский и Сейминский могильники XVI–XIV вв. до н.э. [Бадер О.Н., 1964, с. 163, Бадер О.Н., 1970, с. 143]; Б.Г. Тихонов — XV–XIII вв. до н.э. [Тихонов Б.Г., 1960, с. 26, с. 99], В.А. Сафронов — XIII–XII вв. до н.э. [Сафронов В.А., 1966, с. 184–185], Н.Л. Членова — XI–VIII вв. до н.э. и синхронизировала памятники, содержащие сеймино-турбинские бронзы с карасукскими и карасук-тагарскими памятниками Минусинской котловины и с концом иньской — западно-чжоуской эпохами Китая [Членова Н.Л., 1972, с. 138]. Вопрос о синхронизации сейминско-турбинских бронз с аньянскими весьма спорен, существует обоснованное мнение о том, что некоторые особенности аньянских бронз, безусловно, восходят к сейминско-турбинским образцам и они являются результатом активного воздействия на металлургию Китая бронзолитейных традиций Прикамья и Сибири [Киселёв С.В., 1960, с. 264, с. 265; Косарев М.Ф., 1974, с. 93]. М.Ф. Косарев датирует Сейминский и Ростовский могильники XIV–XIII вв. до н.э., а наиболее вероятной датой Ростовкинского могильника он считает, на основании ряда бронзовых предметов, XII в. до н.э. или рубеж

XIII и XII вв. до н.э. [Косарев М.Ф., 1974, с. 93–94]. Второй Каракольский клад Е.Е. Кузьмина определила в пределах начала I тыс. до н.э. [Винник Д.Ф., Кузьмина Е.Е., 1981, с. 51]. Как видим, изделия с фигурками лошадей и баранов существовали на протяжении всей эпохи бронзы. Форма серёг с раструбом является этнографической особенностью племён, обитавших на территории Северного, Центрального, Восточного Казахстана, Жетысу, Средней Азии и Западной Сибири и атрибутируется как типично фёдоровская. Фёдоровские комплексы принято датировать на основании стратиграфических наблюдений на поселениях, перекрестной датировки изделий и радиоуглеродного анализа — XIV–XIII вв. до н.э. (т.е. последними веками II тыс. до н.э.) [Аванесова Н.А., 1979, с. 21–24; Зданович Г.Б., 1984, с. 29–37, рис. 2; Стоколос В.С., 1972, с. 131; Кузьмина Е.Е., 1973, с. 163; Косарев М.Ф., 1981, с. 131–132].

Тип серёг с раструбом сохранялся долго. Такие серьги встречаются и в памятниках, датируемых I тыс. до н.э. [Киселёв С.В., 1949, с. 47 — 48, табл. VIII, 2, Комарова М.Н., 1952, с. 22, рис. 8, 5, 6; Ермолаева А.С., 1986, рис. 1, 8]. Мыншункырская серьга с кованым нешироким раструбом, вероятно, является одной из ранних форм. Датировка её — XIV–

XII вв. до н.э., что подтверждается стилистической близостью изображения фигурок лошадей на серьге и ноже из Сейминского могильника и формой раструба серьги. Этими хронологическими рамками ограничивается время функционирования могильника Мыншункыр-III и близкого ему могильника Мыншункыр-IV.

Могильники, расположенные по р. Коксу, составляют группу памятников наиболее тяготеющих друг к другу, при этом каждый из них имеет свои характерные особенности.

Так, погребальные камеры могильника Талапты-I близки ящикам-цистам с ложным сводом могильников Каракудук, Буйен-I, Дахана (Фергана). Эта конструкция встречается только в Жетысу и в Фергане, где она появляется в эпоху бронзы. В несколько изменённой форме такие камеры сохраняются в некоторых районах вплоть до средневековья (курумы). Неглубокие цисты из камней в 2–3 слоя известны в могильниках Куйган-II, Талапты-I и, в какой-то степени, им близки погребальные камеры другого семиреченского могильника — Джазы-Кечу [Галочкина Н.Г., 1977, с. 32].

Могильник Куйган-II отличается разнообразием погребальных конструкций. Планиграфия объекта № 8 (детские погребения группируются вокруг взрослых) аналогична располо-

жению детских могил в Каракудуке. Почти все типы могильных сооружений, отмеченные нами как особенные, встречаются в фёдоровских могильниках Восточного Казахстана: Сарыколь-2, курган 12, Усть-Буконь, курган 9 и Канай, могила 7, погребение 1 [Черников С.С., 1960, сс. 16, 17, 32, табл. V, 1, 2] и Енисей: Сухое озеро-I, Пристань-I, Новая Черная-II, III, Каменка-II, Новосёлово, Соленоозерная-I [Максименков Г.А., 1978, табл. IV, 1, 3, 5, 6, табл. V, 1, 4, табл. VI, 1-3, 7, табл. VII, 6, табл. XIII, 2, 4, табл. XIV, 2 и другие таблицы].

В могильнике Талапты-II преобладают грунтовые ямы. Аналогии грунтовой яме с выкладкой из камней на дне известны в Раннем Тулхарском могильнике бишкентской культуры в Южном Таджикистане. Кроме того, именно в этом могильнике отмечены захоронения с золой и древесными углями вокруг черепов, как и в могилах Талапты-II [Мандельштам А.М., 1968, рис. 19, 21]. Ямы со спуском, где обнаружены такие выкладки (тип А) А.М. Мандельштам датировал XIII–IX вв. до н.э. [Мандельштам А.М., 1968, с. 92, 99]. А. Аскарлов на основании широких аналогий датировал комплекс Молали 1350–1000 гг. до н.э. и пришёл к выводу, что он полностью синхронен Раннетулхарскому могильнику [Аскарлов А., 1977, с. 101–105].

Керамический материал в основном представлен неорнаментированными сосудами, характерными для памятников Жетысу [Галочкина Н.Г., 1977, рис. 3, 4; Кожемяко П.Н., 1960, рис. 3, 1, 2, рис. 14, 1-3, рис. 15, 1, 2; Кожомбердиев И., Галочкина Н.Г., 1972, рис. 16]. Несколько сосудов из могильников Талапты-I и Куйган-II, орнаментированные треугольниками, каплевидными вдавлениями, каннелюрами аналогичны фёдоровской керамике из восточных районов её распространения. Но их отличает небрежность нанесения декора и общее впечатление архаичности этой посуды.

Металлический инвентарь небогат — крупные бронзовые бусы, серьги, свернутые из проволоки (могильник Куйган-II), серьги, изготовленные на органической основе, обёрнутой тонким бронзовым листом или золотой и бронзовой фольгой (могильник Талапты-II). Бусы крупного диаметра являются этнографической особенностью семиреченских племён эпохи бронзы.

Височные кольца из круглой в сечении проволоки были широко распространены в памятниках эпохи позднего энеолита и бронзового века на территории Средней Азии [Кузьмина Е.Е., 1966, с. 72–73, табл. XIV: 19, 34, 58, 65, 68]. Такие украшения известны среди материалов Ран-

нетулхарского, Раннеаруктауского могильников [Мандельштам А.М., 1968, табл. VIII, 8, табл. XXII, 6–9] и позднего Джаркутана [Аскарлов А., 1977, табл. LXVII, 8, 9, с. 103]. Эти изделия не могут служить в качестве основного датирующего материала в виду их широкого хронологического распространения.

Серьги с приёмником-раструбом, подобные одной из серёг из могильника Талапты-II, известны в атакусских (алакульских) памятниках Центрального Казахстана [Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966, табл. XIII, 1; Рыков П.С., 1935, рис. 41], и в алакульско-фёдоровских могильниках Западного [Сорокин В.С., 1962, табл. XXXVII, 3, 4; Кузьмина Е.Е., 1969, рис. 49] и Южного Казахстана (мог. Таутары). Второй серьге из могильника Талапты-II, покрытой поверх золотого листа бронзовым, прямые аналогии не известны. Широкое распространение имели серьги с двойным покрытием в памятниках степной бронзы, но обычно золотая фольга накладывалась поверх бронзового листа. Вероятно, в изготовлении серьги из Талапты-II отразилась особенность этнографического порядка.

Круг аналогий, привлечённых нами, позволяет датировать эти три могильника XIV–XIII вв. до н.э. Причём могильники Талапты-I и Куйган-II

более близки хронологически друг другу, они, вероятно, возникли несколько раньше, об этом свидетельствуют неустойчивость способа захоронения, ориентировка погребений, разнообразие конструкций. Такая неустойчивость отражает наличие смешанного субстрата, оставившего эти памятники. Могильник Талапты-II отличается более стабильными характеристиками. Временной разрыв между возникновением могильников был, по-видимому, невелик.

Могильники Айдахар, Узынбулак, Саты и погребение 2 из Алакольской впадины сближает однотипность погребальных конструкций — деревянные рамы из брёвен на дне могильной ямы.

Надмогильные сооружения, подобные айдахаровским, имеются в могильниках Мыншункыр-III, IV, а также в Кыргызстане: могильники Таш-Тюбе-II, Таш-Башат, Беш-Таш, Джазы-Кечу [Жожемяко П.Н., 1960, с. 81–102, рис. 1, 4, 6–8, 10–12; Галочкина Н.Г., 1977, с. 30–36]. Надмогильные конструкции типа оград из Узынбулака и оград могильника Саты сходны с оградами Талапты-II и отдельными сооружениями могильника Куйган-II.

На территории Жетысу в других могилах эпохи бронзы такие бревенчатые рамы не известны. Подобные погребальные камеры встречены в

Центральном Казахстане — в могильнике Былкылдак-I, ограды 1, 2, 4 и 8, могильнике Былкылдак-II, ограда 5 [Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966, с. 105–106, рис. 36, с. 67]. В Западном Казахстане захоронения в бревенчатых рамах, обложенных камнями, имеются в могильнике Урал-Сай [Сорокин В.С., 1966, с. 47–48]. Однако основную массу аналогий дают фёдоровские памятники Минусинской котловины [Максименков Г.А., 1978, сс. 9, 20, 27, 38, 40, 43, 44, рис. 5, 4, рис. 8, 1, 2, табл. XXII, 1, табл. XXIV, 7, табл. XXVI, 1, табл. XII, 2, 3; Комарова М.Н., 1961, табл. II, 6, 7, табл. III, 5, 11, 12, 17, табл. VII, 11, 12, табл. VIII, 5, 6; Рахимов С., 1965, с. 61–70, рис. 1] и Верхней Оби [Косарев М.Ф., 1981, с. 116–118]. В Минусинской котловине в погребениях с бревенчатыми рамами встречаются вертикально установленные столбы над перекрытием сруба, аналогичные тем, что установлены в могиле 3 могильника Айдахар [Максименков Г.А., 1978, с. 42–44].

Керамика из этих могильников типична для эпохи бронзы Жетысу — неорнаментированные сосуды со слабым уступом на плечике и с округлым плечиком хорошо известны по раскопкам могильников Каракудук, Талапты-1, Таш-Тюбе, Таш-Башат

[Кожемяко П.Н., 1960, рис. 14, 2, рис. 15, 4], Джазы-Кечу [Галочкина Н.Г., 1977, рис. 3], Тегирмен-Сай [Абетеков А., 1963, рис. 36, 67]. Форма и отсутствие орнамента сближают эти сосуды с центрально-казахстанскими из памятников переходного периода от средней к поздней бронзе (XIII–XI вв. до н.э.) — могильники Беласар-Б и Балакулболды-III [Маргулан А.Х., 1979, рис. 14, 3, рис. 29].

Украшения: бронзовые бусы из круглой проволоки, обоймы, согнутые из пластин, фрагменты желобчатых браслетов, круглые бляшки с двумя отверстиями, пастовые ребристые пронизки, сердоликовая бусина, серьга из проволоки (могильник Айдахар), пастовые пронизки (Алакольская впадина, погр. 2), конические круглые бляшки, серьги с раструбом, бронзовые бусы (Алакольская впадина, погр. 1).

Эти украшения, в основном, принадлежат классическим типам украшений андроновской культурной общности, имеют широкое географическое и хронологическое распространение. В могильниках Жетысу почти весь набор этих украшений имеется в материалах могильника Таш-Тюбе-II [Кожемяко П.Н., 1960, рис. 5, 9]. В могильнике Таш-Башат встречены браслеты и обоймы [Кожемяко П.Н., 1960, рис. 13, 2–5], обоймы — в

погребении у совхоза Пригородный [Кожемяко П.Н., 1960, рис. 18, 2], желобчатые браслеты в могильнике Арпа [Бернштам А.Н., 1952, рис. 7, 3], где также найдены пастовые ребристые пронизки [Бернштам А.Н., 1952, рис. 7, 4], в могильнике Муминабад вместе с серьгами с раструбом [Аскарлов А., 1970, рис. 3, 2, 3, 11, 12; Лев Д.Н., 1966, рис. 38, 1, 4–7] и с зеркалом с петелькой; в могильнике Ходжи-Ягона вместе с круглыми бляшками с двумя отверстиями [Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А., 1962, табл. 55, 6, 7; Литвинский Б.А., 1960, с. 51]; в Кайраккумах на поселениях 12 и 16 [Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А., 1962, с. 223], в Аруктауском могильнике [Мандельштам А.М., 1968, табл. XXII, 3–5]; в могильнике Кокча [Итина М.А., 1961, с. 76, 77, рис. 24–26] и в других. На территории Казахстана желобчатые браслеты, обоймы, бляшки наиболее полно представлены в Алексеевском могильнике [Кривцова-Гракова О.А., 1948, рис. 35, 5, 7, 8; рис. 36, 4, 5, 8]. Конусовидные круглые бляшки встречены в могильнике Акмола [Кадырбаев М.К., 1969, табл. III, 10–12] и Малый Койтас, где найдены вместе с серьгой с раструбом [Грязнов М.П., 1927, рис. 25, 8, 7], относящейся к фёдоровской культуре. Сердоликовые бусы имеются в могильниках Урал-Сай в

Западном Казахстане [Сорокин В.С., 1966, с. 47–48, табл. XXXII, 29], в могильнике Заманбаба в Узбекистане [Гулямов Я.Г., 1956, с. 152; Аскарлов А., 1962, рис. 2, 6].

Происхождение этих украшений Е.Е. Кузьмина связывает с Ираном и Передней Азией, откуда посредством контактов степных племен Средней Азии они попали в андроновскую среду [Кузьмина Е.Е., 1966, с. 69–71, 76].

Дата этой группы могильников устанавливается по аналогии с фёдоровскими памятниками, с которыми отмечается наибольшая близость в конструкции погребальных камер и типах украшений.

Таким образом, можно выделить наиболее характерные черты для памятников так называемого семиреченского типа: для погребальных комплексов наиболее типичны ограды из крупных необработанных скальных блоков, валунов или хаотичные сооружения из обломков камней; в высокогорных районах часто встречаются коридорообразные ограды. Для внутримогильных конструкций использовались камень и дерево. Каменные конструкции отличаются разнообразием. Известно 27 различных типов погребальных сооружений, из которых большую часть составляют многочисленные варианты каменных ящиков (67,5%). Часто встречаются ящички-цисты с ложным сводом, подобные

курумам, затем ящики, впущенные в грунтовые ямы, а также цисты. Материалом для обкладки стен камер служили плиты и валуны.

В высокогорных районах более широко использовалось дерево. Дно могильной ямы по периметру обкладывалось брёвнами (сруб в один венец) и перекрывалось плахами. Пространство между срубом и стенками ямы закладывалось камнями. Такие конструкции обычно сочетаются с коридорообразными оградами.

Применялось два способа обращения с умершими — ингумация и кремация. Ингумация составляет 95%, умерших укладывали скорченно, как правило, на левый бок (97,2%).

Сосуды отличаются своеобразием. Лепным способом изготавливали банки, горшки и широкогорлые приземистые миски (типа пиал). Горшки обычно имеют резко расширяющееся к горловине тулово с плавной профилировкой или уступом при переходе к шейке. Часто встречаются горшки на поддоне. Керамика тёмно-серого цвета и в массе своей не украшена.

Металлические изделия в погребениях попадаются очень редко — это немногочисленные украшения (серьги в виде кольца из бронзовой проволоки, серьги с растробом, бусы, обоймы и т.д.).

Особенностью погребального обряда является отсутствие костей жерт-

венных животных в могильных ямах.

Как видим, памятники семиреченского типа по своим основным культуроопределяющим признакам отличаются самобытностью и не вписываются в рамки алакульской или фёдоровской культуры. На наш взгляд, ошибочным является тезис о генезисе семиреченских традиций в результате процесса микширования пришлых алакульских и фёдоровских племён и дальнейшей селективной преемственности отдельных признаков. Наличие того или иного признака (биритуализм, керамика с уступом или с плавной профилировкой) нельзя трактовать только как итог заимствования, игнорируя конвергентный, спонтанный путь сложения стереотипов.

Происхождение памятников семиреченского типа связано с развитием предшествующих автохтонных культур эпохи неолита и энеолита. Коллекции со стоянок этого времени Аксай-I—III, Узынбулак содержат фрагменты только неорнаментированной керамики. Определённым аргументом в пользу версии о самостоятельном пути сложения семиреченских традиций является существование таких памятников, как могильник Капал, где встречена керамика алакульского и семиреченского типа. Такая взаимовстречаемость различных типов керамики ставит под сомнение точку зрения Е.Е. Кузьминой на происхождение памятников се-

миреченского типа, так как к моменту продвижения алакульских племен уже существовали комплексы с характерными семиреченскими традициями.

Внимательное изучение памятников семиреченского типа показывает, что выделение их в отдельный вариант андроновской общности далеко не бесспорно. Правомерно возникает сомнение в объективности оценки таксономического уровня этих комплексов. Памятники семиреченского типа

по всем своим основным культурным индикаторам наиболее полно отвечают определению археологической культуры, разработанному современной теоретической археологией.

Более объективным, на наш взгляд, является выделение памятников семиреченского типа в самостоятельную семиреченскую культуру в составе андроновской культурно-исторической общности.

3.2 Поздняя бронза

К памятникам поздней бронзы относятся могильники Бигаш, Аксай и Саганды, составляющие единый круг памятников с общими формами надмогильных сооружений и погребальных конструкций, а также могильники Жыланды-I—III и Теренозек.

Все типы надмогильных и внутримогильных сооружений находят полное сходство с памятниками Центрального Казахстана предбегазинского и бегазы-дандыбаевского времени. Так, ограды из крупных, плохо обработанных плит гранита, составляющие прямоугольник, внутри которых размещаются один или несколько ящиков, часто встречаются на многих предбегазинских (раннебегазинских) памятниках: Беласар, Балакулболды-III [Маргулан А.Х., 1979, рис. 13,

15–17, рис. 28] и другие; квадратные ограды с большими квадратными ящиками, как на Аксае, известны в комплексах Айдарлы, Бугулы-II и Сангру-I [Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966, рис. 93, 94, 96; Маргулан А.Х., 1979, рис. 88]; круглые концентрические ограды входят в состав комплексов: Балакулболды-II, III [Маргулан А.Х., 1979, рис. 26, 30], детские ящики из Аксае близки по форме ящикам из Сангру-I [Маргулан А.Х., 1979, рис. 92]. Особого внимания заслуживают курганы-ограды, отмеченные на могильниках Бигаш, Аксай и Жыланды. Насыпь этих сооружений возведена из земли и камней, в центре её возвышается большой ящик. К сожалению, курга-

ны-ограды, раскопанные в Бигаше и Жыланды, оказались ограблены, вещевой материал отсутствует. Этот тип сооружений встречается в Центральном Казахстане, где они характерны для переходного периода от позднего андрона к бегазы-дандыбаевскому времени, т.е. для раннебегазинского [Маргулан А.Х., 1979, рис. 21, 22, с. 58].

Керамический материал из Саганды (сосуды с округлым туловом, небольшим плоским дном, орнаментированные по шейке каннелюрами) близок сосудам могильников Беласар и Егизек-II [Маргулан А.Х., 1979, рис. 11, 33], относящимся также к предбегазинскому времени (XII–XI вв. до н.э.). Определённое сходство отмечено и с керамикой карасукской [Членова Н.Л., 1972, табл. 15, рис. 5, 8; табл. 17, рис. 53; Зяблин Л.П., 1977, рис. 6, 1–9] и ирменской культур [Косарев М.Ф., 1981, рис. 69, 16; Молодин В.И., 1985, рис. 60, 12, рис. 61, 7, 16].

Бляшка полусферической формы с петелькой (фалар) из Саганды находит широкий круг аналогий, как в памятниках поздней бронзы, так и в памятниках ранних кочевников всего обширного пояса евразийских степей. В Средней Азии эти изделия найдены в комплексах поздней бронзы: Кайраккумы, Дальверзин, Яз-Депе, Анау-III, клад Бричмулла, где дати-

руются концом II - началом I тыс. до н.э. [Кузьмина Е.Е., 1966, с. 69–70, табл. XIV, рис. 2, 5, 11, 12; Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А., 1962, с. 230].

Параллели с более южными комплексами подтверждают эту датировку — такие бляшки встречены в «некрополе В» Тепе-Сиалка и в первом слое Тепе-Гияна [Ghirshman R., 1939, tab. IX, 592, LVI, 592, 821; Contentau S., Ghirshman R., 1935, tab. 8, 3, 12]. Полную аналогию им представляют бляшки из памятников карасукской культуры, типология которых тщательно разработана Э.А. Новгородовой [Новгородова Э.А., 1963, с. 634, табл. 6, 87–93]. Независимо от того, использовались они в качестве элементов одежды или конской узды, дифференцирующим моментом следует считать размеры петли на оборотной стороне бляшки. Бляшки с более массивной петлёй типичны для уздечных наборов. Такие фалары изображены на нащечных ремнях лошадей, на золотом гребне и обивке горита из Солохи, на серебряном умбоне из Аму-Дарьинского клада, на обивке ножен меча из Чертомлыка. Этот тип изделий появляется в эпоху поздней бронзы и продолжает существовать в последующий период.

Приведенный круг аналогий позволяет датировать памятники данной группы XIII–IX (VIII) вв. до н.э.

Внутри этой группы выделяются более ранние памятники: Бигаш, Аксай, где отмечены надмогильные сооружения типа кургана-ограды, датируемые по аналогиям с центрально-казахстанскими XIII–XI вв. до н.э. Более поздним является могильник Саганды, который по комплексу находок и по отсутствию курганов-оград датируется началом I тыс. до н.э. (X–IX вв. до н.э.).

Могильники Жыланды-I–III и Теренозек по всем основным признакам (типы надмогильных и погребальных сооружений, керамика) относятся к типичным фёдоровским памятникам. Сосуды могильников Жыланды-I–III — горшки с плавной профилировкой тулова, четыре из них орнаментированы. Орнамент, как правило, располагается в верхней части и покрывает шейку и часть тулова. Декор не отличается пышностью и разнообразием — это заштрихованные треугольники, зигзаг, каннелюры по шейке. Сосуд из могильника Жыланды-II украшен зигзагами со свисающими вниз «ресничками». Техника нанесения узора — прочерченные линии, гладкий штамп и гребёнка. Тулово одного из сосудов покрыто тремя рядами остроугольников, направленных вершинами вверх, внутреннее пространство которых заполнено круглыми вдавлениями. Кроме того, следует отметить еще один со-

суд, отличающийся от других — это чёрного (тёмно-серого) цвета с лощеной поверхностью, тонкостенный сосуд, украшенный по плечу тремя прочерченными линиями и обращёнными вниз небольшими треугольниками. Этот сосуд очень близок по своей форме карасукским и бегазыдандыбаевским сосудам. В могильнике Жыланды-I был обнаружен сосуд с узким горлом и округлым туловом. Подобные сосуды характерны для памятников ранних кочевников. На близость с ранними кочевниками указывает и тип погребального сооружения из ограды 13 могильника Жыланды-III. Такие ящики, впущенные в грунтовые ямы большой глубины, часто встречаются в погребениях ранних кочевников Жетысу [Агеева Е.И., 1961]. Эти аналогии позволяют говорить о том, что фёдоровские памятники в Жетысу доживают до начала раннего железного века. Вероятная дата рассматриваемых могильников — конец II — начало I тыс. до н.э.

3.3 Финальная бронза

Эту группу составляют могильники Арасан, Буйен-1, Буйен-13 и поселения Буйен и Ащибулак, расположенные в бассейне р. Буйен.

Могильники данной группы отличаются своеобразием конструкций и типов захоронений. Лишь для могильника Буйен-1, комплекс 13, отмечены отдельные черты сходства с могильниками семиреченской культуры.

Так, в могильниках Мыншункыр-III и IV ограды также представляют собой систему пристроенных друг к другу сооружений. А в могильниках Талапты-I и Куйган-II имеются цисты с ложным сводом, подобные тем, которые раскопаны в комплексе 13 (погр. 7, 8).

Этому комплексу по своей планировке близок курган 3 могильника Аксу-Аюлы-II из Центрального Казахстана раннебегазинского времени (XIII–XI вв. до н.э.) [Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966, с. 169, рис. 80].

По форме надмогильных сооружений наибольшее сходство отмечается с могильником Джазы-Кечу в Кыргызстане, где имеются такие же ограды с пристройками, часть из которых являются ритуальными сооружениями. Время существования Джазы-Кечу — конец II–начало I тыс. до н.э.

[Галочкина Н.Г., 1977, с. 30–32, с. 36, рис. 1].

Погребальным сооружениям могильников Арасан и Буйен-13 наиболее близки наземные и внутренние могильные сооружения могильника Вуадиль из Ферганской долины. В могильнике Вуадиль надмогильные выкладки также сооружались из галек и обломков пород. Из четырёх типов выкладок, выделенных исследователями этого могильника, три типа (А, Б, В) встречены и в могильниках Арасан и Буйен-13 [Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г., 1957, рис. 1, 1; Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г., 1956, с. 86, рис. 37, тип А, Б, В]. Ящики из сланцевых плит, раскопанные в Арасане, аналогичны ящикам из Вуадилья [Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г., 1956, с. 86; Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г., 1957, рис. 2]. Трапециевидные ящики, подобные арасанским, известны в памятниках раннебегазинского времени Центрального Казахстана [Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966, с. 161] и в карасукских могильниках Южной Сибири [Зяблин Л.П., 1977, рис. 12–19, 21]. Узкие прямоугольные ящики (ящик № 8 в могильнике Арасан), впущенные в глубокие грунтовые ямы, более характерны для погребений ранних кочевников Жеты-

су [Акишев К.А., Акишев А.К., Нурмуханбетов Б.Н., 1981, табл. 2–4; Агеева Е.И., 1961, с. 33, 87] и Центрального Казахстана [Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966, с. 343, 345, рис. 37, 4].

Ряд общих признаков сближает буйенские памятники с Ранним Тулхарским могильником Южного Таджикистана. Например, каменные выкладки над грунтовой ямой в могильнике Буйен-1 и Буйен-13 идентичны выкладкам над могилой № 37 Раннего Тулхара. Кроме того, на дне указанной могилы имелась подсыпка из белого песка, так же как и в комплексе 13 могильника Буйен-1 [Мандельштам А.М., 1968, с. 32, рис. 21]. Этот комплекс сближает с тулхарским наличие свастикообразных выкладок на дне могильных ям и захоронение черепов [Мандельштам А.М., с. 42–45, рис. 38, 29, с. 25–26, рис. 17]. Устройство грунтовой ямы со спуском в могильнике Буйен-13 (погр. 2) аналогично могилам варианта Г из Раннего Тулхара [Мандельштам А.М., 1968, с. 56]. В обоих могильниках встречено сходное положение погребённой женщины — ничком с согнутыми конечностями [Мандельштам А.М., 1969, с. 41–42, 54, рис. 26] — и отмечается наличие древесного угля в погребениях. Погребениям № 1 и № 9 могильника Буйен-13

отчасти близки погребения на древнем горизонте Аруктауского могильника, расположенного в той же Бишкентской долине, что и Ранний Тулхарский могильник [Мандельштам А.М., 1968, рис. 32]. Аналогии каменным жертвенникам могильника Буйен-13 известны в Центральном Казахстане [Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966, с. 155–159, рис. 71, 72].

Положение погребённого на спине с согнутыми руками и ногами, помимо могильника Арасан (погр. № 1), хорошо известно в сакских могильниках Памира [Литвинский Б.А., 1972, рис. 51, 52, 58].

Факт захоронения черепов хорошо известен по археологическим данным различных районов и культур. Так, в Западной Сибири следы подобного обряда отмечаются уже в эпоху неолита, а широкое распространение этот тип захоронений получает в энеолите и в эпоху бронзы [Матющенко В.И., 1973, с. 89–90; Вадецкая Э.Б., 1980, с. 105–110; Молодин В.И., 1985, рис. 40, 7, рис. 41, 2, 3, 6]. Встречаются аналогичные погребения и в древнеямных памятниках Поволжья [Мерперт Н.Я., 1974, с. 53–54] и в энеолитических погребениях Притоболья [Потёмкина Т.М., 1985, с. 151–153]. В Средней Азии этот обряд зафиксирован помимо Раннетулхарского могильника в Дальверзине и

Чусте [Заднепровский Ю.А., 1962, с. 20–24, табл. I, с. 99], в могильнике Балянд-Киик [Бабаев А., 1988, с. 76]. Следы подобного обряда отмечены также у бактрийцев и парфян [Литвинский Б.А., 1983, с. 118]. Различные формы почитания черепа засвидетельствованы у многих народов земного шара, на это указывают многочисленные этнографические источники. Следовательно, они не могут служить в качестве культурных или хронологических индикаторов, а должны привлекаться для реконструкции мировоззрения древних племён.

Погребения собак, подобные тем, что раскопаны в могильнике Буйен-1, комплекс 13, также широко известны. Из близлежащих аналогий следует отметить захоронения собак в алакульском могильнике Черняки-1 [Стоколос В.С., 1972, с. 39] и в кротовском могильнике Сопка-2 [Молодин В.И., 1985, с. 76]. Следует отметить, что обычай захоронения собак широкое распространение получил в эпоху бронзы в андроновской и срубной культурных традициях [Михайлов Ю.И., 1992, с. 110–116; Мерперт Н.Я., 1958, с. 90; Березанская С.С., 1990, с. 88–89]. Культ собаки продолжал существовать и в последующее время.

Из немногочисленных украшений, найденных в погребениях данной группы могильников, только два предмета могут быть привлечены с

целью установления их датировки: бляшка с петелькой (могильник Буйен-1, комплекс 13) и спиралевидная серьга (Буйен-13). Остальные украшения из металла сильно окислены и об их первоначальной форме трудно судить.

Бляшки с петелькой известны в комплексах поздней бронзы и ранних кочевников. Аналогии им уже приводились выше.

Спиралевидные (витые) серьги неизвестны в других памятниках эпохи бронзы степного пояса. Подобные украшения из бронзы, серебра и золота более характерны для ранних кочевников Жетысу и других районов [Агеева Е.И., 1961, с. 22, 23, 31, 34; Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Мозоловский Б.Н., 1977, с. 160, рис. 3, 25].

Керамика, обнаруженная на этих трёх могильниках, делится на 4 группы: 1 — сосуды семиреченского типа (могильник Буйен-1, комплекс 13, погребения 7,8 и восточного сегмента); 2 — сосуды бегазы-дандыбаевского типа (Буйен-13, погребения 9,11; могильник Арасан, погребения 1,4); 3 — сосуды саргаринско-алексеевского типа (Буйен-13, погребения 1–7,10 и жертвенники); 4 — расписной сосуд ферганского типа (могильник Буйен-13, комплекс 13, погребение 2).

Сосуды 1-й группы названы семиреченскими, так как основные аналогии

им имеются в комплексах могильников Каракудук, Куйган-II, Талапты-I, II и других. Отличаются тёмно-серой окраской поверхности, кубковидной и банкообразной формой, не орнаментированы.

Сосуды 2-й группы — бегазы-дандыбаевского типа — выделяются из общей массы своими характерными чертами: тонкостенные, часто с лощёной поверхностью, выпуклое, округлое тулово, орнаментированы каннелюрами по горловине, прочерченной сеточкой, пальцевыми защипами, фестонами треугольников и «жемчужинами». Наиболее близкие аналогии эти формы и элементы декора находят среди основных форм керамики бегазы-дандыбаевских [Маргулан А.Х., 1979, рис. 23, рис. 63, 1, 2, 4, рис. 174, 2, 11], карасукских и раннетагарских [Членова Н.А., 1972, табл. 18, 37, табл. 49, 9, 27, табл. 51, 13, 25; Зяблин Л.П., 1977, рис. 5, 1-9, 16], ирменских [Молодин В.И., 1985, рис. 50, 15, 20, 21, рис. 60, 5, 12, 13, рис. 61, 7, 16] памятников Казахстана и Южной Сибири. Орнамент в виде «жемчужин» часто встречается на сосудах ранних кочевников евразийских степей.

Аналогичные сосуды входят в состав керамических комплексов Каиндинских и Джаильминских стоянок Северного Кыргызстана. Эту керамику А.Н. Бернштам отнес к карасукскому

этапу (1200–800 гг. до н. э.), выделив её в отдельный II тип [Бернштам А.Н., 1950, с. 103, табл. XXX, 2, 4, табл. XXXI, 3, 4].

Следует отметить, что форма буйенских сосудов, особенно это касается керамики могильника Буйен-13, отличается одной характерной чертой — при выпуклом, шаровидном тулове они имеют резко сужающуюся книзу, удлинённую придонную часть, таким образом, здесь проявляется сочетание черт семиреченской и бегазы-дандыбаевской керамики.

Третью группу составляют сосуды толстостенные с бедно орнаментированной или вовсе неорнаментированной поверхностью. Шейка часто короткая, с утолщенным венчиком в виде воротничка. Элементы орнамента не отличаются богатством — сеточка, овальные вдавления. Эта керамика находит прямые аналогии среди саргаринско-алексеевской посуды и достаточно характерна для степной бронзы Казахстана, точнее для её позднего этапа. Неорнаментированные сосуды близки по форме керамике из могильника Айдарлы — памятника раннебегазинского времени [Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966, табл. XVIII, XIX] и бегазы-дандыбаевского памятника Сангру-I [Маргулан А.Х., 1979, рис. 99]. Аналогичные формы имеются в могильнике Вуадиль Ферганской до-

лины [Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г., 1956, рис. 39, 2; Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г., 1957, рис. 3, 11].

Расписной сосуд с геометрическим узором в виде треугольников, опущенных вершинами вниз, сходен с керамикой чувстской культуры, отличаясь лишь цветовой гаммой [Заднепровский Ю.А., 1962, рис. 17, табл. XVII: 37; Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А., 1962, табл. 110]. Сопоставление этого сосуда из комплекса 13 могильника Буйен-1 с керамикой из Яз-Депе-I указывает на близость мотивов росписи и цвета. Роспись производилась красновато-коричневой или коричневой краской варьирующих оттенков по охристой или кремовой поверхности [Массон М.Е., 1959, с. 36]. Некоторые аналогии эта керамика находит и в других комплексах периода Анау-IV А (периода варварской оккупации) на Юге Туркмении, где в это время вновь появляются сосуды с геометрическим расписным орнаментом [Pumpelly R., 1908, tab. 35–79].

Наблюдается также некоторое сходство с керамикой некрополя в Тепе-Сиалк на территории Ирана [Chirshman R., 1939, с. 29] и отдельными образцами расписной посуды Синьцзяна периода Машань [Киселёв С.В., 1960, с. 251–253]. Однако сходство это относительное, так

как отличаются формы сосудов и орнаментальные композиции.

Весь круг приведенных выше аналогий укладывается в рамках конца II – начала I тыс. до н.э. Наиболее раннюю дату даёт Ранний Тулхарский могильник – XIII–IX вв. до н.э. [Мандельштам А.М., 1968, с. 92, 99] или XIX–X вв. до н.э. [Аскарлов А., 1977, с. 101–105] и памятники раннебегазинского времени – XIII–XI вв. до н.э. [Маргулан А.Х., 1979, с. 25, 58]. Позднюю дату дают Сиалк В – X–IX вв. до н.э. [Ghirshman R., 1939] и Яз-Депе I – 900–650 гг. до н.э. [Массон М.Е., 1959, с. 70], а также аналогии с материалами памятников ранних кочевников.

Столь обширный диапазон аналогий не случаен, он обусловлен синкретическим характером буйенских памятников, которые появились в результате процессов взаимодействия местных семиреченских и пришлых центрально-казахстанских племён в конце эпохи бронзы, а также связью буйенского населения с племенами Средней Азии, Алтая и Южной Сибири. Близость с Ранним Тулхаром объясняется, по-видимому, тем общим компонентом, который вошёл в состав буйенских племен Жетысу и бишкентского населения Южного Таджикистана. Учитывая наличие в Жетысу памятников бегазыдандыбаевского типа, и то, что для сложения новой культуры понадобился

какой-то более или менее продолжительный период, буйенские памятники следует датировать X–IX (VIII) вв. до н.э. Одним из доказательств правильности предлагаемой датировки является присутствие общих элементов (погребальные конструкции, поза погребённого, мотивы орнамента и отдельные формы сосудов, спиралевидные серьги), связывающих эту группу могильников с комплексами раннего железного века.

К переходному периоду от эпохи бронзы к раннему железному веку (IX–VIII вв. до н.э.) относится курган Буйен-II (Арасан). Захоронения в грунтовых ямах под насыпями из валунов характерны для могильников ранних кочевников Жетысу и других регионов. Единственное, что возможно отличает данное погребение — это небольшие размеры насыпи. Дата установлена на основании выявленных параллелей двум бронзовым браслетам с четырьмя волютами, найденных в погребении. Эти украшения являются уникальными, так как это первая находка подобного рода в восточном регионе Великого пояса степей. В памятниках степной бронзы до сих пор встречались браслеты только с двумя волютами. Ближайшие аналогии им известны только в комплексах фракийского гальштата, относящегося к позднему предскифскому периоду Карпато-Балканского регио-

на. Так, подобные по форме браслеты имеются в составе Михайловского клада (Западная Украина), датированного VIII–VII вв. до н.э. [Граков, 1977, с. 186, рис. 133, 1, 2], а также в коллекции вещей из могильника Фириетяз (Румыния) VIII в. до н.э. [Фёдоров Г.Б., Полевой А.А., 1975, с. 95, рис. 16].

Наиболее ранним из буйенских могильников, как представляется, является могильник Буйен-1, комплекс 13, где ещё достаточно чётко проявляются элементы, присущие семиреченским памятникам, как в планировке и конструкции погребальных сооружений, так и в формах керамики.

Поселения, расположенные по р. Буйен в тесной близости с могильником Буйен-13, дают материал, идентичный материалу могильника. На поселении Буйен раскопаны округлые в плане жилища, близкие по форме жилищам с поселений Чаглинка/Шагалалы (Северный Казахстан: Оразбаев А.М., 1970, рис. 2) и Атасу-1 (Центральный Казахстан: Маргулан А.Х., 1979, рис. 128, 130; Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж., 1992, с. 25–47, рис. 19), относящимся к финальному этапу поздней бронзы — началу I тыс. до н.э.

Металлические изделия — медная игла и железный сильно корродированный предмет (наконечник стрелы?), обнаруженные на этом поселении, к со-

жалению, не могут быть использованы для датировки в виду их невыразительности. Основную массу находок составляют фрагменты керамики. Большая их часть принадлежала неорнаментированным сосудам. Немногочисленные элементы орнамента (каплевидные вдавления, «ёлочка», сеточка, «жемчужины» и др.) находят полную аналогию в саргаринско-алексеевских комплексах [Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966, табл. XXII, XXVI, XXVIII, XXXIV; Маргулан А.Х., 1979, рис. 123, 125, 129, 133, 144 и др.; Оразбаев А.М., 1958, табл. XII, 3, 8–13; Кривцова-Гракова О.А., 1948, рис. 25, 2, 3, рис. 55, 11, 12, рис. 56, 10, 12, 14 и др.]. Наибольшая близость отмечается с керамикой поселений поздней бронзы Центрального Казахстана: Атасу-1, Кент, Мыржик и других, для которых характерны сосуды саргаринско-алексеевского и бегазы-дандыбаевского типов. Они соответствуют двум первым типам керамики, выделенных нами на семиреченских поселениях. Буйенская посуда имеет и некоторое отличие: чаще встречаются в качестве украшений «жемчужины» и остроугольные валики под самым венчиком сосуда, а также венчики с бортиками и воротничками, что сближает эту керамику с посудой донгальского типа Центрального Казахстана, датированной VIII — началом VII вв. до н.э. [Ломан В.Г., 1987,

с. 115–129, рис. 1–8; Варфоломеев В.В., 1987, с. 62, 66, рис. 5]. Кроме того, фрагменты с такими же признаками встречаются при раскопках восточно-казахстанских поселений трушниковского этапа, выделенного С.С. Черниковым и датированного IX–VIII, а возможно, и VII вв. до н.э. [Черников С.С., 1960, с. 102–103, табл. XXX, 7, 10; Ермолаева А.С., 1986, с. 158, рис. 2, 1–7, с. 359]. Прослеживается определённое сходство выделенной керамики с нурской керамикой Нижнего Поволжья, относящейся к переходному периоду от эпохи бронзы к раннему железному веку [Агапов С.А., Васильев И.Б., 1976, с. 121, рис. 15, 16]. Отдельные черты сближают поселенческие керамические комплексы Буйен и Ащибулак с кайрак-кумской керамикой Ферганы. В качестве таковых следует выделить общую форму сосудов и венчиков. В состав кайраккумских коллекций керамики также входят сосуды с выпуклым туловом, короткой шейкой с уплощенным или скошенным и оттянутым наружу венчиком [Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А., 1962, табл. 60, группы I–IV, табл. 81–82, 96, 97, 103].

Сходные по форме и орнаментации сосуды встречены на Каиндинских и Джаильминских стоянках Кыргызстана [Бернштам А.Н., 1950, табл. XXIX–XXXII].

Датировка буйенских поселений по более широкой хронологической шкале укладывается в рамках XIII/XII–VIII вв. до н.э., т.е. конец II — начало I тыс. до н.э. Однако, учитывая некоторые диагностирующие детали (юртообразная форма жилищ, наличие железного предмета на дне жилища № 2 поселения Буйен, значительное количество сосудов, украшенных «жемчужинами», остроугольными валиками), время бытования данных поселений следует ограничить концом эпохи бронзы, точнее X–VIII вв. до н.э.

Изучение памятников буйенского микрорайона позволяет констатировать тот факт, что в конце эпохи бронзы, начиная с X в. до н.э., здесь происходят интеграционные процессы, в результате которых инокультурные традиции (саргаринско-алексеевские, бегазы-дандыбаевские, карасукские, ирменские) трансформируются и утрачивают характер инноваций. Взаимодействие их с местными семиреченскими традициями привело к формированию новых культурных стереотипов, впитавших в себя все компоненты. Многокомпонентность новой сложившейся традиции нашла отражение в варибельности погребальных конструкций, обряда захоронения, типов керамики и технологии её изготовления. В формировании облика возникшего культурного феномена ре-

шающую роль сыграла не спонтанная трансформация предшествующей культурной традиции, а внешние импульсы, предопределившие её ярко выраженную субстратность.

Буйенские памятники финальной бронзы Жетысу характеризуются устойчивым сочетанием ряда признаков: 1 — ограды округлой или сегментовидной формы из валунов в 1–3 ряда и сплошные надмогильные выкладки; 2 — грунтовые ямы с заплечиками и со спуском; ящики из плит и цисты из валунов; 3 — ориентировка В–З и ЮВ–СЗ; 4 — захоронения по способу ингумации; 5 — сосуды (горшки двух типов: а — толстостенные бедно орнаментированные. Декор в виде каплевидных, ногтевых вдавлений, пальцевых защипов, сеточки, расположен по шейке. Венчик часто уплощён и оттянут наружу или украшен наlepным валиком. Большая часть сосудов не орнаментирована; б — тонкостенные с выпуклым, округлым туловом и небольшим плоским дном. Орнамент — каннелюры, косые сеточки, «жемчужины», налeпы — расположен на шейке); б — жилища округлой формы.

Сочетание этих специфических признаков даёт твёрдое основание для выделения буйенских памятников в особую буйенскую археологическую культуру финального этапа бронзы Жетысу и датирования их X–VIII вв. до н.э.

3.4 Типология и датировка случайных находок (металлические изделия)

Металлические изделия являются одним из наиболее мобильных и решающих хронологических показателей, поэтому особое значение в археологических исследованиях имеет сравнительно-типологический анализ различных категорий инвентаря. Систематизация, картографирование и выявление круга аналогий этих изделий позволяет определить основное направление культурно-исторического развития исследуемого региона и наметить отдельные хронологические этапы этого процесса.

В данной работе учтены вещи, входящие в состав четырёх кладов с территории Жетысу (Алексеевский, Турксибский, Каменский, Андреевский) и случайные разрозненные находки, хранящиеся в фондах ЦГМ РК. Всего учтено 49 изделий. Предметы с общим набором признаков составили конечные типологические разряды (КТР), выделено 27 таких разрядов.

Категория 1. *Вислообушные топоры*, представлены 2 типами.

1 тип. Вислообушный топор с шестигранным сечением клина 1 экз. (длина 21 см, диаметр втулки 7 см) (табл. 56, 12).

Картографирование этих топоров выявило их основной ареал Южный Урал [Тихонов Б.Г., 1960, с. 62, табл. XVII, 5б, 12; Аванесова Н.А.,

1991, с. 14, рис. 10, 8, 14, 15, 17], Восточный Казахстан [Аванесова Н.А., 1991, рис. 12, 38, 43, 47], Алтай [Аванесова Н.А., 1991, рис. 13, 53–55].

В.Г. Тихонов относил эти топоры к южноуральскому типу и связывал их происхождение с андроновскими племенами среднего течения р. Урал или срубными племенами Башкирии и левобережья Волги [Тихонов Б.Г., 1960, с. 62]. Время появления топоров этого типа, с его точки зрения, следует относить к середине II тыс. до н.э., а существование — ко второй половине II тыс. до н.э. Верхняя дата установлена по уральскимкладам — Новообракаевскому и Майоровскому, в составе которых были обнаружены подобные топоры в комплексе со срубными серпами и другими вещами, относящимися к последней четверти II тыс. до н.э. [Тихонов Б.Г., 1960, с. 62–63]. Н.А. Аванесова выделила эти топоры в тип Б и датировала их XIV–XII вв. до н.э. на основании совместной встречаемости этих изделий с фёдоровской керамикой [Аванесова Н.А., 1991, с. 14]. Происхождение топоров данного типа, вероятно, связано с фёдоровскими племенами.

2 тип. Вислообушные топоры — 3 экз. (длина — 22,3–28 см, ширина лезвия — 5,2–5,4 см) (Алек-

сеевский, Турксибский, Андреевский клады — табл. 57, 3; 59, 7; 60, 1). Относятся к классической форме топоров с гребнем, с крупной эллипсовидной втулкой и с небольшими выступами на спинке обуха. На двух топорах (Алексеевский, Андреевский) имеется рельефный литой орнамент, расположенный на щеках втулок.

Топоры подобного типа известны и в других районах Жетысу: в составе кладов Кыргызстана — Сукулукского [Зимма Б.М., 1948, рис. 1, 3], Иссык-Кульского [Кузьмина Е.Е., 1966, табл. II, 1], Шамшинского [Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е., 1980, рис. 5, 1], случайные единичные находки в районе оз. Иссык-Куль [Аванесова Н.А., 1978, рис. 26, 26а], у с. Ново-Павловка и Ивановское [Бернштам А.Н., 1950, с. 106, табл. XXXIV, 8, табл. XXXV, 7]. Литейная форма такого топора была найдена в Фергане на поселении № 6 в Кайрак-кумах вместе с керамикой поздней бронзы [Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А., 1962, с. 212–214, табл. 36]. Известны они также в Северном [Черников С.С., 1954, рис. 22, 7; Аванесова Н.А., 1978, рис. 33] и Восточном Казахстане [Аванесова Н.А., 1978, рис. 37, 39, 40, 42–44, 46; Максимова А.Г., 1959, табл. XXIII, 21 рис. 22], на Алтае [Радлов В.В., 1896, рис. 5; Гришин Ю.С., 1971, с. 23, табл. 12,

2; Грязнов М.П., 1956, с. 20, рис. 5, 1, Косарев М.Ф., 1974, рис. 34, 16; Аванесова Н.А., 1978, рис. 47–49, 53], на Енисее [Аванесова Н.А., 1978, рис. 56–58] и одна случайная находка литейной формы из Сибири [Гришин Ю.С., 1971, табл. 12, 10]. На западе встречено два экземпляра близких по форме топоров: случайная находка с Южного Урала (Оренбургская область) и в составе клада у с. Автуры (Северный Кавказ) [Аванесова Н.А., 1978, рис. 16, табл. VI]. Кроме того, изображен один подобный топор без точного местонахождения [Аванесова Н.А., 1978, рис. 64].

Эта форма орудий первоначально была выделена в отдельную группу ещё А.М. Таллыгренем как азиатско-туркестанский тип [Tallgren A.M., 1911, s. 64–65] и В.А. Городцовым как среднеазиатский тип [Городцов В.А., 1915, с. 155–156]. Позднее М.П. Грязнов, выделив казахстанский очаг бронзовой культуры, отнёс топоры с гребнем к раннему этапу андроновской культуры, считая, что они характерны не только для Казахстана, но и для Сибири [Грязнов М.П., 1930, с. 158, фиг. 6, 1]. В дальнейшем и другие исследователи не раз возвращались к этому типу орудий, уточняя хронологические и географические рамки их распространения. Так, А.Н. Бернштам датировал Алексеевский клад, в составе

которого имеется вислообушный топор с гребнем, рубежом II—I тыс. до н.э. [Бернштам А.Н., 1948, с. 3]. В отличие от него, К.А. Акишев и Г.А. Кушаев датировали казахстанские семиреченские клады сакским временем на том основании, что среди предметов, входящих в эти комплексы, находят отдельные вещи (сосуды), характерные для раннего железного века [Акишев К.А., Кушаев Г.А., 1963, с. 107–108]. С.С. Черников относил эти орудия к специфичным восточно-казахстанским формам, бытовавшим на канайском этапе, т.е. в XVI–XII вв. до н.э. [Черников С.С., 1960, с. 78]. Создавая типологическую схему для орудий эпохи бронзы Сибири, Ю.С. Гришин пришёл к выводу, что вислообушные топоры появляются там в середине II тыс. до н.э. и существуют до скифо-тагарского времени [Гришин Ю.С., 1971, с. 23–24]. Появление их в Верхнем Приобье и Нарымском крае М.Ф. Косарев связывает с южным, степным импортом в среду еловских племен в XIII (XII)–X вв. до н.э. [Косарев М.Ф., 1974, с. 11–12]. Большое значение имеют работы Е.Е. Кузьминой [Кузьмина Е.Е., 1961, с. 103–110; Кузьмина Е.Е., 1965, с. 106–110; Кузьмина Е.Е., 1966; Кузьмина Е.Е., 1968, с. 13–16; Кузьмина Е.Е., 1970, с. 44–48; Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е., 1988, с. 140–152], Н.А. Аванесов

вой [Аванесова Н.А., 1978; Аванесова Н.А., 1991) и А.Д. Дегтярёвой [Дегтярёва А.Д., 1986, с. 90–96; Дегтярёва А.Д., 1985], внесшие ясность в изучение этого вопроса. На основе взаимовстречаемости различных типов орудий, входящих в семиреченские клады, с аналогичными изделиями из других датирующих комплексов, путём перекрёстной датировки эти исследователи пришли к выводу, что клады Жетысу, а, следовательно, и вислообушные топоры с гребнем, датируются XII–IX (VIII) вв. до н.э. Топоры с гребнем выделены в группу орудий, характерных для казахстанско-киргизской провинции, юго-западной периферией которой, по мнению Е.Е. Кузьминой, являются чувствские поселения Ферганы [Кузьмина Е.Е., 1966, с. 96, 98].

Картографирование вислообушных топоров с гребнем позволяет считать их характерными орудиями эпохи поздней бронзы Жетысу и более восточных районов (Восточный Казахстан, Алтай и Енисей). Основная масса орудий происходит именно из этого региона. Непосредственной исходной формой для развития этого типа топоров, вероятно, послужили топоры с валиками на втулке, известные в фёдоровских памятниках и встречающиеся в тех же географических пределах.

Категория 2. *Втульчатые долота*, представлены 2 типами: 1 — же-

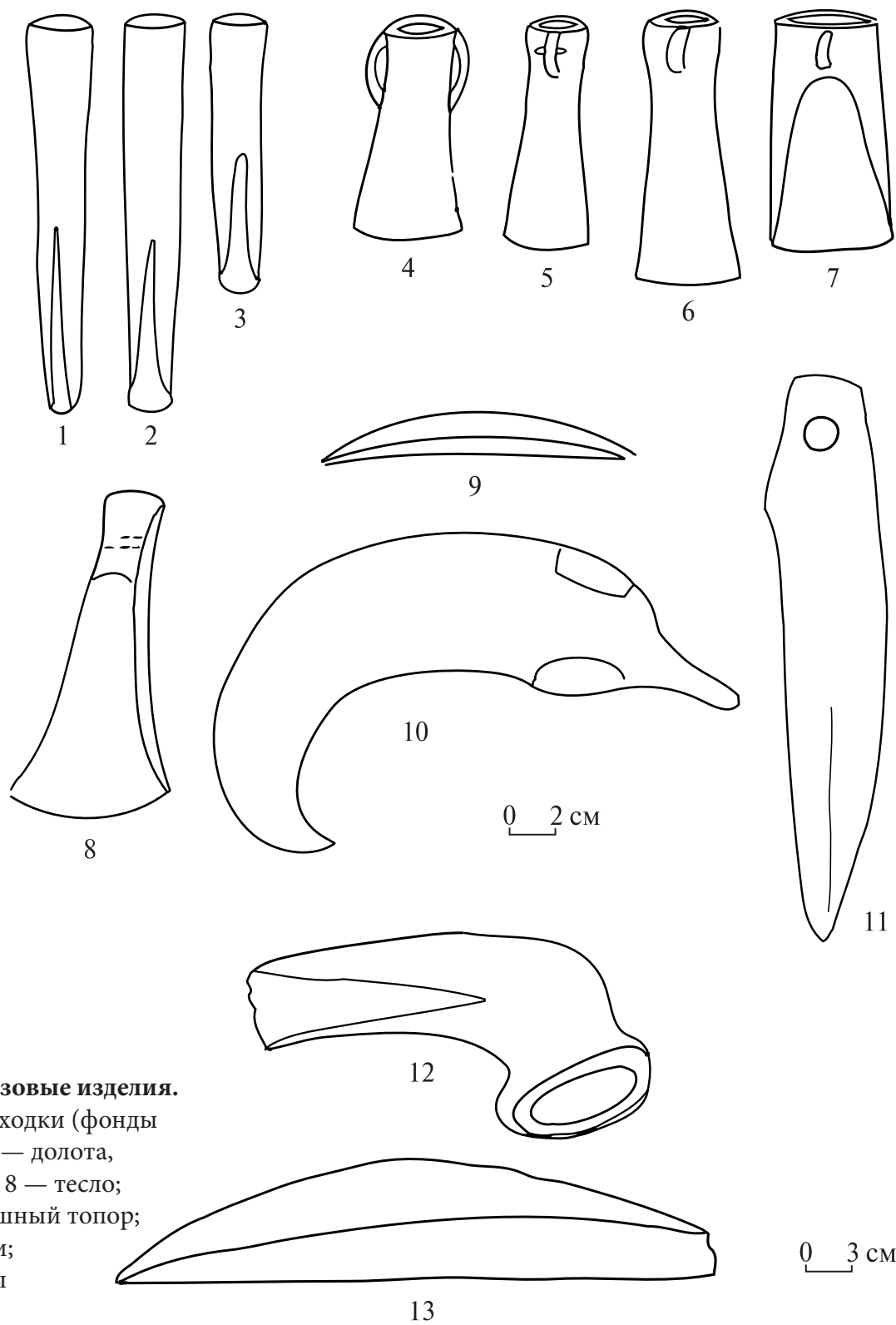

Табл. 56. Бронзовые изделия.

Случайные находки (фонды

ЦГМ РК): 1-3 — долота,

4-7 — кельты; 8 — тесло;

9 — вислообушный топор;

10, 13 — кирки;

11, 12 — серпы

лобчатые долота, 2 — клиновидные долота.

1 тип. Втульчатые желобчатые долота — 8 экз. (длина 130–160 мм, диаметр втулки — 20–29 мм) (1 экз. — Алексеевский, 2 экз. — Каменский, 2 экз. — Андреевский клады, 3 экз. — случайные находки (бывш. Талды-Курганская обл.), инв. № 27Р (а) (КП 14298, № 7Р (а) (КП 11173, № 7Р (а) (табл. 56, 1–3; 58, 1, 2; 59, 1, 2, 5).

Одно долото из Андреевского клада отличается меньшими размерами и отсутствием валика вокруг отверстий втулки. Эта форма орудий имеет очень широкое географическое распространение, она характерна для постсейминского хронологического горизонта Евразийской металлургической провинции, т.е. для всей общности культур валиковой керамики (КВК по Е.Н. Черныху) [Черных Е.Н., 1983, с. 90, 93–95, рис. 9, 17, 33, 43, 54; Черных Е.Н., 1984, с. 250].

Ближайшие аналоги известны в других комплексах Жетысу: Сукулукском [Зимма Б.М., 1948, рис. 8], у с. Садовое [Кибиров А., Кожемяко П.Н., 1956, рис. 6], Шамшинском [Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е., 1983, рис. 6, 2], кладах в Восточном [Черников С.С., 1960, табл. XIII, 2, 3, табл. XVI, 2, 4] и Северном Казахстане [Оразбаев А.М., 1958, табл. X, II; Черных Е.Н., 1983, рис. 9,

2, 3; Евдокимов В.В., 1983, рис. 4, 10, Зданович Г.Б., 1988, табл. 10, Г, 17]. Долота, происходящие из северных районов Казахстана, встречаются вместе с керамикой саргаринско-алексеевского типа, входящей в круг общности КВК и характерной для эпохи поздней бронзы.

Особенно многочисленны находки подобного типа орудий в Поднепровье, где они появляются в период действия ингуло-красномайского очага, дата которого установлена по аналогичным формам из кладов этапа бронзы «Д» и Гальштата А Трансильвании и румынской Молдовы в пределах XIII–XII вв. до н.э. [Черных Е.Н., 1976, с. 109–110, с. 153–154]. Именно с влиянием деятельности этого очага (распространение группы литейщиков и образцов северопричерноморской обработки) связано появление Сосново-мазинского клада с его своеобразным набором типов орудий, изготовленных из балкано-карпатского металла [Черных Е.Н., 1976, с. 183–184]. Дата Сосновой Мазы установлена в пределах XIII–XI вв. до н.э. Так, Н.Я. Мерперт, опираясь на луристанские бронзы и на изделия клада из Трои VIIA, датировал клад XIII–XII вв. до н.э. [Мерперт Н.Я., 1966, с. 132–134]. В.А. Сафронов путём привлечения других аналогий установил дату клада из Сосновой Мазы в пределах XII–XI вв. до н.э. [Сафронов В.А., 1966, с. 188]. Е.Н. Черных

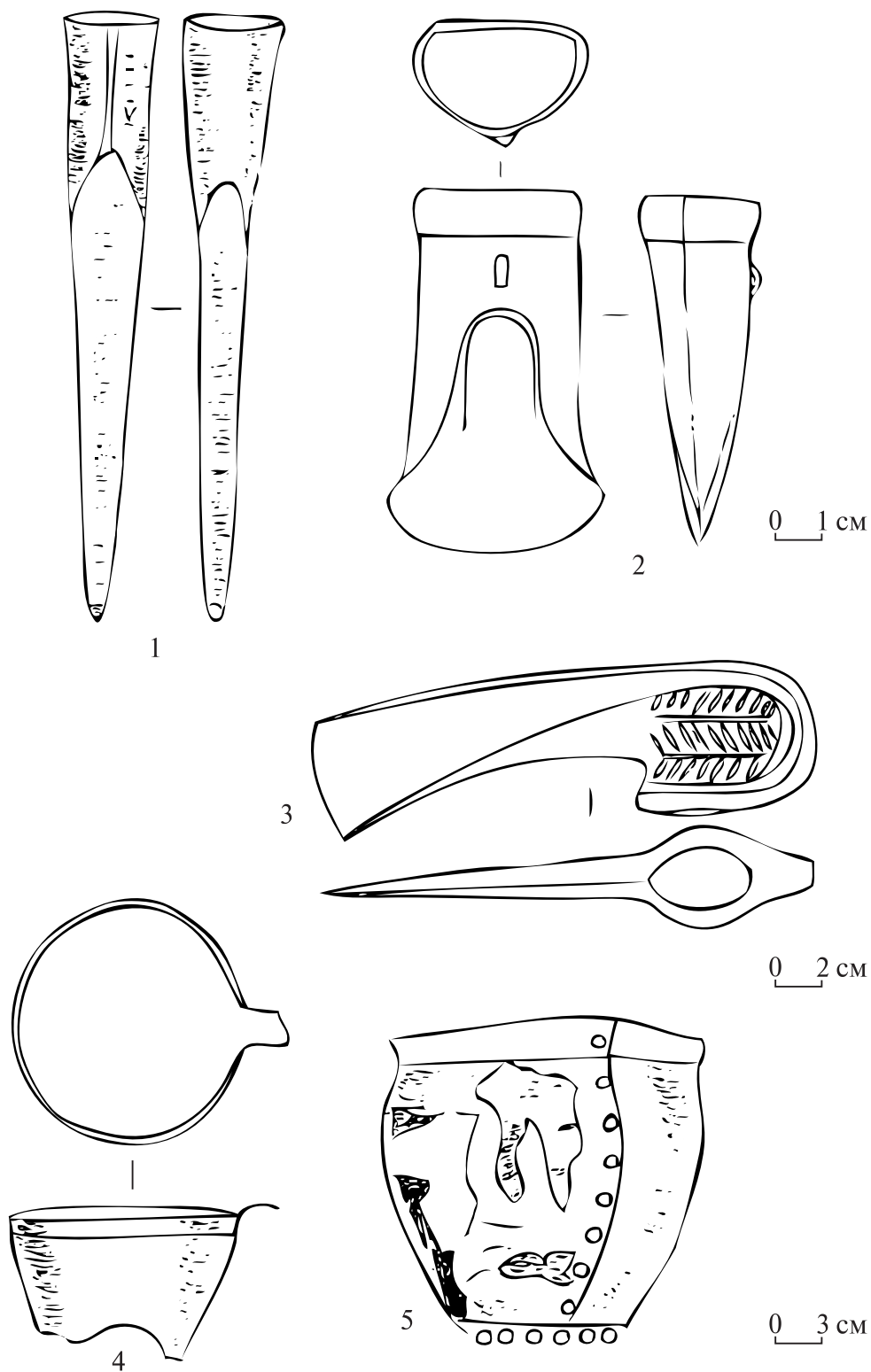

Табл. 57. Андреевский клад. Бронзовые изделия

синхронизировал этот клад с комплексами поздней подгруппы ингуло-красномайяцкого очага и определил время его существования в пределах XIII–XII вв. до н.э., а точнее XII в. до н.э. [Черных Е.Н., 1976, с. 153–154]. Следует отметить, что клад Сосновая Маза — уникальное явление и стоит особняком по своим основным характеристикам среди подобных комплексов Волго-Уралья. Появление и распространение аналогичных форм в восточных регионах следует связывать с несколько более поздним временем. Поэтому попытки некоторых исследователей датировать комплексы и целые этапы в хронологических рамках Сосновой Мазы, на основании аналогий, выглядят неправомерными [см.: Евдокимов В.В., 1983, с. 41–42]. Дату Сосновой Мазы (XIII–XII вв. до н.э.) следует расценивать как время одного из первых западных импульсов, который принял форму мощного воздействия на последующем этапе эпохи поздней бронзы. Эту дату (XII в. до н.э.) можно считать нижней границей для кладов поздней бронзы, имеющих аналогичные предметы. Однако необходимо учитывать, что большой набор изделий (долота желобчатые, копьевидные, серпы-косари и др.) являются индифферентными, имеют широкий географический и хронологический диапазон, поэтому дата каждого комплекса должна устанавливаться по наиболее поздним вещам.

Время существования долот этого типа для восточных районов — XII–X вв. до н.э. Эта дата подтверждается и находками литейных форм желобчатых долот более архаичного облика в составе Ростовкинского могильника [Матющенко В.И., 1969, табл. 9], относящегося к XIII в. до н.э. или к рубежу XIII–XII вв. до н.э. [Косарев М.Ф., 1974, с. 93–94], а так же на поселении Липовая Курья черкаскульской культуры, датированном XIII–XI вв. до н.э. [Хлобыстин Л.П., 1976, с. 51, рис. 15, 1, 2].

Факт сосуществования долот с валиком вокруг втулки и без него в одном комплексе (Андреевский клад), свидетельствует о том, что наличие или отсутствие валика не имеет диагностического значения при определении даты этих орудий, а указывает на их функциональные различия. Вероятно, долота меньших размеров без валикового утолщения использовались для более тонких работ.

2 тип. Втульчатое клиновидное долото — 1 экз. (Турксибский клад) — длина 13 см, диаметр втулки — 2 см (табл. 60, 6).

Эта форма орудий не столь многочисленна как желобчатые долота, но территория их распространения также широка. Исследователи включают их в группу изделий, характерных для всей территории Евразийской металлургической провинции [Кузьмина Е.Е.,

1965, с. 108; Дегтярёва А.Д., 1985, с. 91].

Подобные долота известны и вкладах Кыргызстана: у с. Садовое [Кибиров А., Кожемяко П.Н., 1966, рис. 9], Каракол [Кузьмина Е.Е., 1966, табл. III, 2], Шамшинском [Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е., 1982, рис. 6, 3], 1 экз. найден в Фергане на поселении чувтской культуры Дальверзин [Заднепровский Ю.А., 1962, табл. XXII, 5]. Встречаются аналогичные орудия труда в разных районах Казахстана: Центральном — случайная находка на р. Нуре [Максимова А.Г., б.г., № 3211] и два изделия опубликованы А.Х. Маргуланом без указания местонахождения [Маргулан А.Х., 1972, рис. 1, 1, 4]; Северном — на пос. Бес-Тюбе и Челкар/Шалкар найдены вместе с валиковой керамикой [Черников С.С., 1954, рис. 23, 3; Оразбаев А.М., 1958, табл. IX, 3, табл. X, 9]; Восточном [Черников С.С., 1960, табл. LXIII, 1; Арсланова Ф.Х., 1980, рис. 2; Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС, 1987, рис. 43, 10]. Ареал клиновидных долот охватывает и Западную Сибирь: в Омской области подобные орудия входят в состав Баландинскогоклада [Мошинская В.И., 1957, рис. 61, 2], могильника Ростовка [Матющенко В.И., 1969, табл. 16, 12] и в Минусинской котловине [Гришин Ю.С., 1971, с. 23, табл. 11–12]. Одно та-

кое долото найдено на Южном Урале в Оренбургской области [Сальников К.В., 1967, рис. 23, 8].

На территории срубной культуры клиновидные долота с замкнутой втулкой встречаются реже, там более известны долота с незамкнутой втулкой [Черных Е.Н., 1976, с. 110, табл. XXXI, 5, 11–13].

Аналогичные формы известны в западноевропейских комплексах стадии Гальштатт (XII–IX вв. до н.э. по Г. Мюллер-Карпе) [Müller-Karpe H., 1959, abb. 64, abb. 128, 3, 133, 1, abb. 141, 15, abb. 168, 5].

Дата клиновидных долот устанавливается по комплексам, в которых они найдены, в рамках XII–IX вв. до н.э.

Категория 3. *Стамеска втульчатая*, с узким прямым лезвием и прямоугольной втулкой (длина 13,2 см, длина рабочей части 5,8 см, размер втулки 1,7 x 2,0 см) — 1 экз. (Андреевский клад — табл. 58, 7). Относится к группе малораспространённых орудий. Сходно по форме с втульчатými копьевидными долотами, но принципиально отличается от них своим функциональным назначением. Основанием для такого вывода послужила форма орудия, некоторая вогнутость его рабочей части и характер следов сработанности (особенно заметных на его тыльной стороне), полученных в результате использования его для обработки поверхности дерева.

Категория 4. *Зубило* (длина 12,1 см, длина рабочей части 9,4 см, ширина боковых граней 0,5–1,8–2,0 см) — 1 экз. (Андреевский клад — табл. 58, 10). При его литье был допущен брак, так как мастер не вставил сердечник во втулку и залил её металлом. Орудие близко по форме другим категориям втульчатых орудий с прямым лезвием, но отличается от них формой рабочего края — короткого, резко скошенного к низу.

Категория 5. *Кернер втульчатый (пробойник)*, клиновидный четырёхгранный (длина 12,2 см, диаметр втулки 2,0 см) — 1 экз. (Андреевский клад — табл. 57, 1). Близок по форме копьевидным втульчатым долотам, отличается от них закруглённым рабочим концом. Следы сработанности указывают, что данное орудие использовали для пробивания круглых отверстий.

Все три орудия (стамеска, зубило, кернер) датируются по аналогиям с втульчатыми копьевидными и прямолезвийными долотами в пределах XII–IX вв. до н.э.

Категория 6. *Тёсла*, делятся на 3 типа: 1 — втульчатые, 2 — с уступом на тыльной стороне, 3 — плоские.

1 тип. Тёсла втульчатые — 2 экз. (длина 12,7–17 см; диаметр втулки — 2,2–2,8 см) (Андреевский клад — табл. 58, 3, 4).

Орудия шестигранные в сечении, с расширяющимся плоским лезвием,

на котором с одной стороны имеются продольные следы сработанности, свидетельствующие об использовании этих орудий для обработки поверхности.

Эта форма изделий является мало-распространённой. Подобные изделия встречаются в Жетысу в кладе у с. Садовое (2 экз.) [Кибилов А., Кожемяко П.Н., 1956, рис. 7, 8]. Одно тесло, случайно найденное в г. Фрунзе (ныне г. Бишкек), можно лишь условно отнести к этому типу [Кузьмина, 1966, табл. III, 6]. Они близки по форме втульчатым долотам с прямым лезвием (тип 20 по Е.Н. Черныху), известным в Северном Казахстане — поселение Алексеевское [Кривцова-Гракова О.А., 1948, рис. 20, 2] и далее на запад — в Нижнем Поднепровье (1 экз.) в кладе Курячи Лозы (1 экз.), литейные формы из Красномаяцкого клада (1 экз.) и с поселения Островец культуры Ноа (1 экз.) [Черных Е.Н., 1976, с. 109, табл. XXXI, рис. 4]. Оба клада отнесены Е.Н. Черныхом к ингуло-красномаяцкому металлургическому очагу, действовавшему в XIII–XII вв. до н.э. [Черных Е.Н., 1976, с. 233].

Все семиреchenские клады Е.Е. Кузьмина датировала в широких пределах — XII–IX (VIII) вв. до н.э. [Кузьмина Е.Е., 1965], однако, есть основания полагать, что клады были сделаны в разное время. Обратимся к кладу, найденному у с. Садовое, на который ссылаемся выше, в его

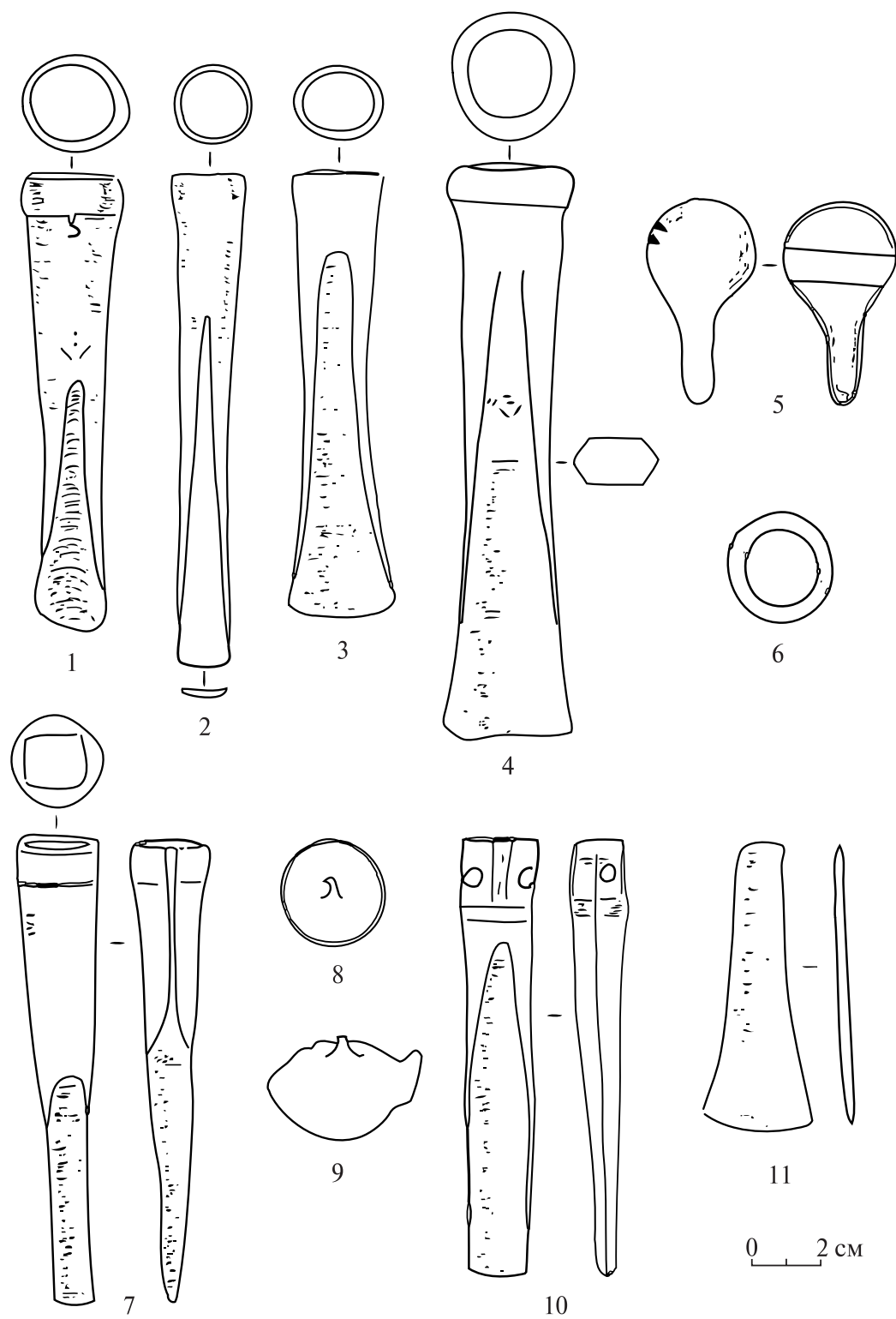

Табл. 58. Андреевский клад. Бронзовые изделия

состав помимо втульчатых тёсел, долот, тесла с уступом и других вещей входят кельтообразный молоток и зеркала. Кельтообразный молоток близок по форме кельтам западно-сибирского и ананьинского типов [Сальников К.В., 1965, рис. 2, 4, 10, 11, 14], датируемых началом I тыс. до н.э. Зеркала с выступающей ручкой известны на поселении Дальверзин, где были найдены литейные формы для их отливки и форма для трёхдырчатого псаля [Заднепровский Ю.А., 1962, табл. XX, 3–5]. Решающее значение для определения их времени имеет сопоставление с аналогичными зеркалами и псалями из некрополя «В» тепе Сиалка в Иране, датируемого X–IX вв. до н.э. [Ghirshman R., 1939, pl. XXIX-B, pl. LVI]. Трёхдырчатые псаля из могильника Сиалк «В» И.Н. Медведская на основании широких аналогий датировала серединой VIII в. до н.э. [Медведская И.Н., 1983, рис. 77). Сходные по форме псаля входят в состав комплекса Биже/Быжы, время которого определяется второй половиной VIII — началом VII вв. до н.э. [Акишев К.А., Акишев А. К., 1978, с. 63, рис. 2].

Таким образом, датировку клада у с. Садовое и, вероятно, Сукулукского следует снизить и ограничить первыми веками I тыс. до н.э. (X–VIII вв. до н.э.). К этому же периоду относится и Андреевский клад, где обнаружены

сходные втульчатые тёсла, бляшка со штырьком, круглые кольца, относящиеся к вещам, редко встречающимся в подобных кладах.

2 тип. Тёсла с уступом — 3 экз. (длина 20,4 см; 12,5 см; 13 см; ширина лезвия 5,2 см, 5,4 см, 5,3 см) (Алексеевский клад, Каменское плато, случайная находка (бывш. Талды-Курганская обл.) (табл. 56, 8; 59, 6).

Основная масса аналогичных изделий происходит с территории Кыргызстана: клады у с. Садовое [Кибиров И., Кожемяко П.Н., 1956, рис. 1], Сукулукский [Бернштам А.Н., 1941, табл. I], Каракольский [Кузьмина Е.Е., 1968, рис. 4, 3], Шамшинский [Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е., 1982, рис. 6, 1], литейная форма из с. Александровского [Бернштам А.Н., 1950, с. 98, 106, табл. XXXVIII]. Известны они и в Восточном Казахстане [Черников С.С., 1960, табл. XXXVI, 7; LXVII, 5; LXIV, 9], и на поселениях Северного Казахстана в районе г. Степняка [Черников С.С., 1954, рис. 23, 4; Левитский Л.П., 1941, рис. 6, 1; Оразбаев А.М., 1958, табл. XI, рис. 9, 11], на пос. Петровка-II [Зданович С.Я., 1974, с. 320; Черных Е.Н., 1983, рис. 9, 46], и на пос. Алексеевское [Евдокимов В.В., 1983, рис. 4, 6].

Единичные экземпляры встречены в сопредельных районах, из них наиболее важна находка такого орудия в закрытом комплексе, обнаруженном в

Омской области — клад Баландино [Мошинская В.И., 1957, рис. 61, 5]. Сибирские тёсла с уступом Ю.С. Гришин считает казахстанскими по происхождению [Гришин Ю.С., 1971, с. 23]. Впервые же определил их принадлежность к казахстанскому очагу бронзовой культуры М.П. Грязнов, однако при этом ошибочно датировав предкарасукским андроновским этапом [Грязнов М.П., 1930, с. 162]. С.С. Черников связывал происхождение этих орудий с Восточным Казахстаном [Черников С.С., 1960, с. 83]. Однако, картографирование тёсел с уступом, предпринятое Е.Е. Кузьминой, свидетельствует, что они характерны не только для Восточного, но также и для Северного Казахстана и Жетысу [Кузьмина Е.Е., 1965, с. 106–110; Кузьмина Е.Е., 1966, с. 19–20; Кузьмина Е.Е., 1968, с. 14–15; Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е., 1982, с. 13], составляющих вместе с Алтаем и степной Ферганой единую казахстанскую металлургическую провинцию. К аналогичному заключению пришла в своих работах и А.Д. Дегтярёва, выделившая тёсла с уступом во II-ю группу изделий, специфичных для поздней бронзы Казахстана и Киргизии [Дегтярёва А.Д., 1985а, с. 91; Дегтярёва А.Д., 1985б, с. 10].

Для датировки этого типа орудий определяющее значение имеют находки тёсел на поселениях (Мало-Крас-

ноярка, Петровка-II и Алексеевское) вместе с валиковой керамикой поздней бронзы саргаринско-алексеевского типа [Черников С.С., 1960, с. 2–83; Зданович С.Я., 1974, с. 20; Евдокимов В.В., 1983, с. 41] или керамикой 2-й группы по С.С. Черникову. Таким образом, дата тёсел с уступом устанавливается по комплексам, из которых они происходят, в пределах XII–IX (VIII) вв. до н.э.

3 тип. Тесло плоское — 1 экз. (длина 9,5 см, ширина лезвия 3,3 см) (Андреевский клад — табл. 58, 11). Относится к раннему типу тёсел, достаточно известным по петровским [Зданович Г.Б., 1988, рис. 30: 2; Евдокимов В.В., 1983, с. 38], раннесрубным [Кривцова-Гракова О.А., 1955, с. 147, рис. 13, 2, 3, 4; Черных Е.Н., 1970, рис. 52, 10–14], новосвободненским и привольненским комплексам Северного Казахстана, Поволжья и Северного Кавказа [Иессен А.А., 1950, с. 199, табл. II, 1; III, 1]. К востоку от Урала плоские тёсла немногочисленны, помимо указанных экземпляров с поселения Семиозерное-II и могильника Кенес, известны две случайные находки из района р. Майкопчегай [Черников С.С., 1949, с. 67, табл. VIII, 2] и г. Ташкента [Кузьмина Е.Е., 1966, с. 16–17, табл. III, 12], одно тесло найдено на поселении финальной бронзы Центрального Казахстана — пос. Кент [Варфоломеев В.В., 1988, рис. 3, 3] вместе с

керамикой саргаринско-алексеевского и бегазы-дандыбаевского типа, а также с прорезным наконечником копья и круглыми бляшками со штырьками.

Наличие плоских тёсел в поздних комплексах эпохи бронзы — пример переживания «архетипов» и совместного бытования их с позднейшими вариациями, в данном случае, с тёслами с уступом. Следует отметить, что плоские тёсла в памятниках поздней бронзы встречаются редко, известно только одно подобное орудие из состава молдавского клада Мындрешты, где наряду с формами, характерными для ингуло-красномяцкого очага, встречаются и более поздние кардашинские формы, датируемые XI–IX вв. до н.э. [Черных Е.Н., 1976, с. 184–185, 187, 190, табл. III, 8; Дергачёв В.А., 1975, с. 13, рис. 3, 16]. Отдельные экземпляры плоских тёсел известны в бывшей Югославии [Arandjelovic-Garasanin D., 1954, табл. IV, 1] и в Румынии в гальштатском кладе из Сусень [Filimon A., 1984, p. 346, fig. 14, 16]. Как видим, плоские тёсла имели широкий географический и хронологический диапазон и, следовательно, не могут привлекаться в качестве датирующих форм при определении того или иного комплекса.

Тесло из Андреевского клада является первой находкой подобного типа в Жетысу.

Категория 7. Кельты, представлены тремя типами:

1 тип. Кельт ассиметричный с арочной фаской и с лобным крючком без пещерки (длина 9 см, ширина лезвия 4,5 см, ширина втулки 4 см) — 2 экз. (Андреевский клад (бывш. Талды-Курганская обл.)), инв. № 6Р(а) КП 1173 арх. — табл. 56, 7; 57, 2).

На территории Казахстана и Средней Азии такого типа кельты встречаются редко. Один экземпляр происходит из Восточного Казахстана — случайная находка на р. Майкопчегай [Черников С.С., 1960, табл. LXVII, 7].

Различные модификации кельтов с лобным ушком известны в эпоху поздней бронзы на огромной территории от Забайкалья до Карпат. По наибольшей концентрации этих находок выделяются два региона: Минусинская котловина [Гришин Ю.С., 1971, с. 22; Сальников К.В., 1965, с. 163, рис. 7, 9; Грязнов М.П., 1940, табл. VIII, 4, 5] и Волго-Уралье [Тихонов Б.Г., 1960, с. 46; Халиков А.Х., 1969, с. 282, 309]. Из минусинских экземпляров более близки андреевскому кельту маленькие клиновидные кельты-тёсла (тип V по М.П. Грязнову), отнесённые М.П. Грязновым к минусинскому культурному этапу VII–III вв. до н.э. [Грязнов М.П., 1940, с. 262–264]. Исследуя кельты Зауралья и Южно-

го Урала, К.В. Сальников пришёл к выводу, что кельты с лобным ушком появляются на грани II—I тыс. до н.э. и бытуют у многих позднебронзовых племен: андроновских, карасукских, приказанских [Сальников К.В., 1965, с. 163, рис. 1, 79]. Действительно, у приказанских племён ранние формы этих изделий появляются на атабаевском этапе в последней четверти II тыс. до н.э. и, несколько видоизмененные, существуют до предананьинского времени [Халиков А.Х., 1969, с. 231–282, с. 309–310].

Опосредствованные аналогии этому типу имеются на Украине, в кладах Князьгригорьевский и Курячи Лозы, литейная форма из Краснояцкого комплекса — типы К-28, 30 по Е.Н. Черныху [Черных Е.Н., 1976, с. 76–77, табл. V, 9]. Эти комплексы Е.Н. Черных относит к ингуло-краснояцкому очагу металлообработки, функционировавшему в XIII–XII вв. до н.э. [Черных Е.Н., 1976, с. 153–154, 178–185].

Появляются рассматриваемые кельты в эпоху поздней бронзы и продолжают существовать в раннем железном веке.

2 тип. Кельты с одним лобным ушком с овальной втулкой без фаски ((длина 9–10,5 см, ширина лезвия 3–4 см, ширина втулки 2,5–3,2 см) — 2 экз. (бывш. Талды-Курганская обл.), инв. № 6Р (в) 408,

арх.2; № 6 Р(б) 1178 — табл. 56: 5, 6).

Эти кельты сопоставимы с кельтами из молдавского клада Мындрешт, который Е.Н. Черных относит к ингуло-краснояцкому очагу XIII–XII вв. до н.э. [Черных Е.Н., 1976, с. 76–77, табл. III, 1, 2].

Близкий по форме кельт происходит из Минусинской котловины Южной Сибири и отнесён М.П. Грязновым к V типу маленьких клиновидных кельтов-тёсел, характерных для минусинского культурного этапа VII–III вв. до н.э. [Грязнов М.П., 1940, табл. VIII, 8].

Аналогичный кельт известен из Узбекистана, кишлак Баксун [Кузьмина Е.Е., 1966, табл. IV, 5].

Наибольшая близость отмечается с кельтами, происходящими из памятников раннего железного века низовьев Сырдарии и опубликованными О.А. Вишневской [Вишневская О.А., 1973, табл. VII, 15; табл. IX, 20; табл. XVII, 14; табл. XXI, 3]. Совместная находка уйгаракских кельтов со стремявидными удилами позволила отнести их к VI в. до н.э. [Вишневская О.А., 1973, с. 72–73].

Таким образом, приведённые выше аналогии позволяют говорить о том, что такие кельты появляются на позднем этапе бронзового века в культурах валиковой керамики и широкое распространение получают в раннем

железном веке, особенно в Казахстане, Средней Азии и Южной Сибири.

3 тип. Кельт двушковый с овальной втулкой и резко расширяющимся книзу лезвием (длина 8 см, ширина лезвия — 4 см, ширина втулки — 3,5 см), 1 экз. (бывш. Талды-Курганская обл.), инв. № 6 Р(г) 1177 — табл. 56, 4).

Определённое сходство можно отметить с кельтом из VII-й Лебединской стоянки, которую А.Х. Халиков относит к атабаевскому этапу приказанской культуры, датируемому последней четвертью II тыс. до н.э. [Халиков А.Х., 1969, с. 281–282, рис. 57, 8]. В основном подобные изделия встречаются в двух регионах — это территория приказанской культуры (Волго-Камье) и Поднепровье [Халиков А.Х., 1969, с. 281, 282; Черных Е.Н., 1976, рис. 38 — тип К-66]. Один такой кельт найден в Центральном Казахстане на поселении Акмустафа в слое, относящемся к поздней бронзе [Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж., 1992, рис. 35, 4]. Картографирование кельтов с двумя ушками свидетельствует о существовании этой формы семиреченскими металлургами, которые её несколько видоизменили. У представленного здесь экземпляра отсутствует валик вокруг втулки и лезвие резко расширяется книзу, что придает ему определённое своеобразие.

Категория 8. *Серпы и серповидные орудия.*

1 тип. Серпы-косари с широким лезвием, изогнутой спинкой и отверстием для крепления — 4 экз., в т.ч. один обломок (Турксибский, Алексеевский клады — табл. 59, 4; 60, 2–4). На одном изделии из Турксиба имеется орнамент в виде желобков (длина 23,9–27,0 см, ширина 6,8–8,0 см)

В литературе такие изделия известны как секачи сосново-мазинского типа, имевшие широкое распространение в эпоху поздней бронзы от Поволжья до Сибири [Черных Е.Н., 1970, рис. 55, 11, 15; Гришин Ю.С., 1971, с. 17, табл. 9, 1; Членова Н.А., 1955, рис. 3, 5; Черных Е.Н., 1983, с. 90–93, рис. 9, 37, 48, 49, 60–62]. Е.Н. Черных относит их к общим видам металлических орудий, характерным для общности культур валиковой керамики [Черных Е.Н., 1983, с. 90–93].

Из ближайших аналогий следует указать на подобные орудия из Киргизии [Кузьмина Е.Е., 1966, табл. XI, 18, 20, 22, 24; Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е., 1982, рис. 5, 2–4; Бернштам А.Н., 1950; табл. XXXVI, 1–3, 5]. Определяющее значение для датировки этих изделий имеет нахождение их в комплексах с керамикой саргаринско-алексеевского типа на поселениях Алексеевское [Кривцова-Гракова О.А., 1948, рис. 27, 3], Новоникольское-I [Черных Е.Н., 1983, рис. 9, 49; Зданович Г.Б.,

1975, с. 9–10], Петровка-II [Черных Е.Н., 1983, рис. 9, 48; Зданович С.Я., 1974, с. 320], Саргары [Зданович С.Я., 1979, 12], Язево [Потёмкина Т.М., 1985, рис. 108, 239], Кент [Варфоломеев В.В., 1988, рис. 3, 1]. Принадлежность серпов-косарей к эпохе поздней бронзы (XII–IX вв. до н.э.) подтверждается и совместной встречаемостью их в комплексах с другими типами орудий, датированными концом II — началом I тыс. до н.э.

2 тип. Серп (табл. 56, 10) с боковыми закраинами и выступающим черешком (длина 18 см, ширина 6 см) — 1 экз. (около с. Узынагаш, инв. № 5Р КII (2275)).

Ареал этих серпов ограничивается в основном Жетысу, они входят в состав кладов Сукулук-II [Кожемяко П.Н., 1960, с. 105–107, рис. 19] и Исык-Кульский [Кузьмина Е.Е., 1961, с. 103–110], а также известна случайная находка из Южного Казахстана [Кузьмина Е.Е., 1966, с. 56–57]. Своеобразный облик этих орудий не раз отмечался исследователями, что позволило их выделить как специфичные изделия семиреченского очага металлообработки. Прототипом для данной формы серпов явились серпы с боковыми закраинами, но без черешка, происходящие из фёдоровских комплексов Восточного Казахстана [Кузьмина Е.Е., 1967,

рис. 1, 3–7; Арсланова Ф.Х., 1974, рис. 1].

Время бытования 2-го типа серпов определяется по ряду хорошо датированных кладов Жетысу XII–IX (VIII) вв. до н.э. [Кузьмина Е.Е., 1965, с. 106–110].

3 тип. Серповидное орудие (табл. 56, 11) с прямым, сужающимся книзу лезвием, отделённым боковым выступом от рукояточной части с круглым отверстием (длина 22 см, ширина лезвия 4 см, ширина рукояти 3 см) — 1 экз. (бывш. Талды-Курганская обл.), инв. № 5. Прямые аналогии этому орудю неизвестны. Представляет собой специфичную семиреченскую форму, являющуюся, вероятно, модификацией серпов-косарей, характерных для общности культур валиковой керамики.

Дата существования серповидных орудий 3-го типа устанавливается, с большой долей допуска, по указанным выше параллелям с серпами-косарями в пределах поздней бронзы — XII–IX вв. до н.э.

Категория 9. Состоит из трёх групп:

1 группа. Ножи однолезвийные (5 экз.) делятся на два типа по особенностям верхней части: 1 — бесчеренковые и 2 — рукояточные.

1 тип. Ножи однолезвийные, бесчеренковые, пластинчатые (длина 24,5 см, ширина 1,6 см) — 2 экз.,

найденные около г. Текели (табл. 55, 1, 2).

Это одна из простейших форм ножей, выработанная на ранней стадии эпохи бронзы и продолжавшая существовать в последующие периоды. Наиболее древние экземпляры происходят из памятников ранней бронзы петровской культуры Южного Урала и Северного Казахстана: Петровка-II [Зданович Г.Б., 1983, рис. 3, 15], Кизерское, Кулевчи-II [Аванесова Н.А., 1991, рис. 30, 1, 2, рис. 31, 1, 2]. Ножи этого типа, относящиеся к поздней бронзе, были опубликованы М.П. Грязновым, который считал их орудиями казахстанского типа [Грязнов М.П., 1930, с. 162, фиг. 3, рис. 8–10]. Следует отметить, что подобные ножи встречаются и в памятниках эпохи поздней бронзы Западной Сибири: Томский могильник [Комарова М.Н., 1952, с. 18, рис. 8, 11, 15], Малые Копены-3 [Зяблин Л.П., 1977, рис. 9, 3].

2 тип. Ножи однолезвийные с обособленной рукоятью (длина 23–24,7 см, длина лезвия 12,8–15,2 см, ширина лезвия 2,7–3,4 см) — 3 экз. (Турксибский клад; пос. Куйган; около г. Текели — табл. 55, 3, 6; 60, 7).

Оформление рукоятей у этих экземпляров различное — у турксибского ножа рукоять украшена овальными параллельными вдавлениями и имеет круглое отверстие (табл. 60, 7), нож из Куйгана имеет продольный жело-

бок на рукояти и прорезь (табл. 55, 6), рукоять у ножа из Текели имеет кольцевое навершие (табл. 55, 3). Несмотря на эти особенности, близость их общей формы достаточно очевидна, что позволяет относить их к одному типу.

Основная масса (более 16 экз.) подобных ножей происходит из восточных и северных районов Казахстана [Оразбаев А.М., 1958, табл. X, рис. 4, 7; Черников С.С., 1954, рис. 22, 1, 4; Кривцова-Гракова О.А., 1948, рис. 27, 1; Грязнов М.П., 1930, фиг. 3, 5, 7; Зданович Г.Б., 1973, рис. 4, 2; Черников С.С., 1960, табл. XXIII, 4; Максимова А.Г., 1959, табл. XXIII, 4; Арсланова Ф.Х., 1980, рис. 1, 5]. По характерным особенностям рукояти среди казахстанских ножей выделяется несколько подтипов: 1 — с одним отверстием на рукояти, 2 — с двумя отверстиями, 3 — с желобком на рукояти, 4 — с желобком и отверстием, 5 — с прорезью, 6 — с кольцевым навершием. Такое разнообразие форм и массовость находок свидетельствует об их казахстанском происхождении, где этот тип ножей постоянно модифицировался.

Единичные экземпляры подобных ножей известны на поселениях поздней бронзы Центрального Казахстана: Кент [Варфоломеев В.В., 1988, рис. 3, 2], Атасу [Маргулан А.Х., 1979, приложение, табл. 1, 18, 19],

Каркаралы-II [Маргулан А.Х., 1979, приложение, табл. 1, 7]. Два подобных ножа происходят из Кыргызстана — клад у с. Садовое [Кибиров А., Кожемяко П.Н., 1956, рис. 10] и случайная находка из района оз. Иссык-Куль [Кузьмина Е.Е., 1966, табл. X, 19]. Отдельные находки были сделаны в Зауралье — пос. Камышное-II [Потёмкина Т.М., 1985, рис. 33, 3] и Западной Сибири [Косарев М.Ф., 1981, рис. 59, 2, 3; Грязнов М.П., 1956, рис. 7, 27, 28], в памятниках поздней бронзы.

Дата ножей с обособленной рукоятью устанавливается по их находкам в комплексах с валиковой керамикой саргаринско-алексеевского типа в пределах XII–IX (VIII) вв. до н.э. Эта дата скорректирована по результатам взаимовстречаемости данных ножей с другими орудиями из кладов Жетысу. Ножи с кольчатым навершием, вероятно, несколько более поздняя форма, которая была создана в конце эпохи бронзы и продолжала существовать в раннем железном веке.

2 группа. Ножи-копья, характеризуются наличием обоюдоострого клинка листовидной формы. Представлены двумя типами.

1 тип. Нож-копье черенковое, с валиком-нервюрой по листовидному клинку, черенок и кончик клинка обломаны — 1 экз. (Турксибский клад — табл. 60, 5).

Известны наконечники копий подобной формы в кладах Кыргызстана — Сукулукском (2 экз.) [Бернштам А.Н., 1950, табл. 1] и Шамшинском (1 экз.) [Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е., 1982, рис. 6, 5]. Оба клада датированы Е.Е. Кузьминой в пределах XII–IX (VIII) вв. до н.э. [Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е., 1982, с. 17; Кузьмина Е.Е., 1965, с. 108]. Однако, есть основания, как уже указывалось выше, считать клады Сукулукский и у с. Садовое более поздними и датировать их X–IX (VIII) вв. до н.э.

К подобному типу могут быть отнесены также изделия из Сабанчевского клада [Мерперт Н.Я., 1965, рис. 2, 3, 4], правда, с достаточной степенью условности. Н.Я. Мерперт датирует этот клад IX в. до н.э. [Мерперт Н.Я., 1965, с. 154]. К предананьинскому хронологическому горизонту относит его Е.Н. Черных, т.е. к XII–VIII вв. до н.э. [Черных Е.Н., 1970, с. 101–103, табл. Г]. Опосредствованные аналогии ему известны также в Поднепровье в памятниках эпохи поздней бронзы (сабастиновское поселение Волошское, Завадовка, Соловцовский условный комплекс и др.), относящихся к завадово-лобойковскому очагу, действовавшему в XII–IX вв. до н.э. (тип Н-12 по Е.Н. Черныху) [Черных Е.Н., 1976, с. 115, 155–156, 190–195, табл. XXXIV, 25, 26, 28]. Приведённые аналогии позволя-

ют относить этот тип ножа-копья к XII–IX (VIII) вв. до н.э.

2 тип. Нож-копье с кольцевым упором у основания рукояти и ребром по листовидному клинку (длина 19 см, длина клинка 14,5 см, ширина 3,6 см — табл. 55, 4) — 1 экз. (место нахождения неизвестно, инв. № 23 Р (КП 11195)).

Ареал этих изделий, характерных для общности культур валиковой керамики [Черных Е.Н., 1988, с. 92, рис. 9, 6, 18, 19, 29 и др.], охватывает территорию от Поднепровья до Енисея. Основная масса находок происходит из Поднепровья, где они датируются XIII–IX вв. до н.э. [Черных Е.Н., 1976, с. 120–121, с. 154–156, 226, табл. XXXVI, 2–5, 7, 8, 11–13, 17]. В Казахстане они встречаются, в основном, в материалах саргаринско-алексеевских памятников. Соотношение их с каким-либо одним очагом металлообработки представляется затруднительным, так как эта форма ножей-копий относится к индифферентным типам. Вероятно, подобные формы появились в Казахстане конвергентным путём в результате эволюции ножей срубно-андроновского типа, черенковых с листовидным лезвием.

3 группа. Кинжалы цельнолитые, представлены одним типом: кинжал с намечающимися шипами и кнопочным навершием на рукояти (табл. 55, 5) — 1 экз. (обломок) (место

нахождения неизвестно, инв. № 21 Р (КП 1250)).

Наибольшим сходством с этим экземпляром отличается кинжал изклада Палацы (Восточный Казахстан) [Черников С.С., 1960, с. 205, табл. X, 1]. Время бытования подобных изделий уверенно определяется по серии вещей из этого комплекса, где кинжал обнаружен вместе с двумя кельтами со сквозной втулкой, браслетом со спирально-коническими концами и кайлом. Кельты безушковые со сквозной втулкой, по мнению большинства исследователей, характерны для поздней бронзы Урала [Тихонов Б.Г., 1960, с. 47, 49, табл. X, 6; Сальников К.В., 1965, рис. 2, 1; Черных Е.Н., 1970, рис. 48, 28, 29, 36–38], Алтая [Гришин Ю.С., 1971, с. 22] и Сибири [Киселев С.В., 1949, с. 68, табл. XI, 15; Гришин Ю.С., 1971, табл. 11, 5] и имеют карасукское происхождение [Грязнов М.П., 1941, с. 2; Киселёв С.В., 1949, с. 68–70].

Браслеты со спирально-коническими концами типичны для фёдоровских комплексов. Традиция их изготовления сохраняется и в эпоху поздней бронзы [Аванесова Н.А., 1991, с. 69–70, рис. 54, 19–21, 23 и др.]. Таким образом, кинжалы этого типа появляются в эпоху поздней бронзы. Все исследователи единодушно предполагают их карасукское происхождение. По мнению

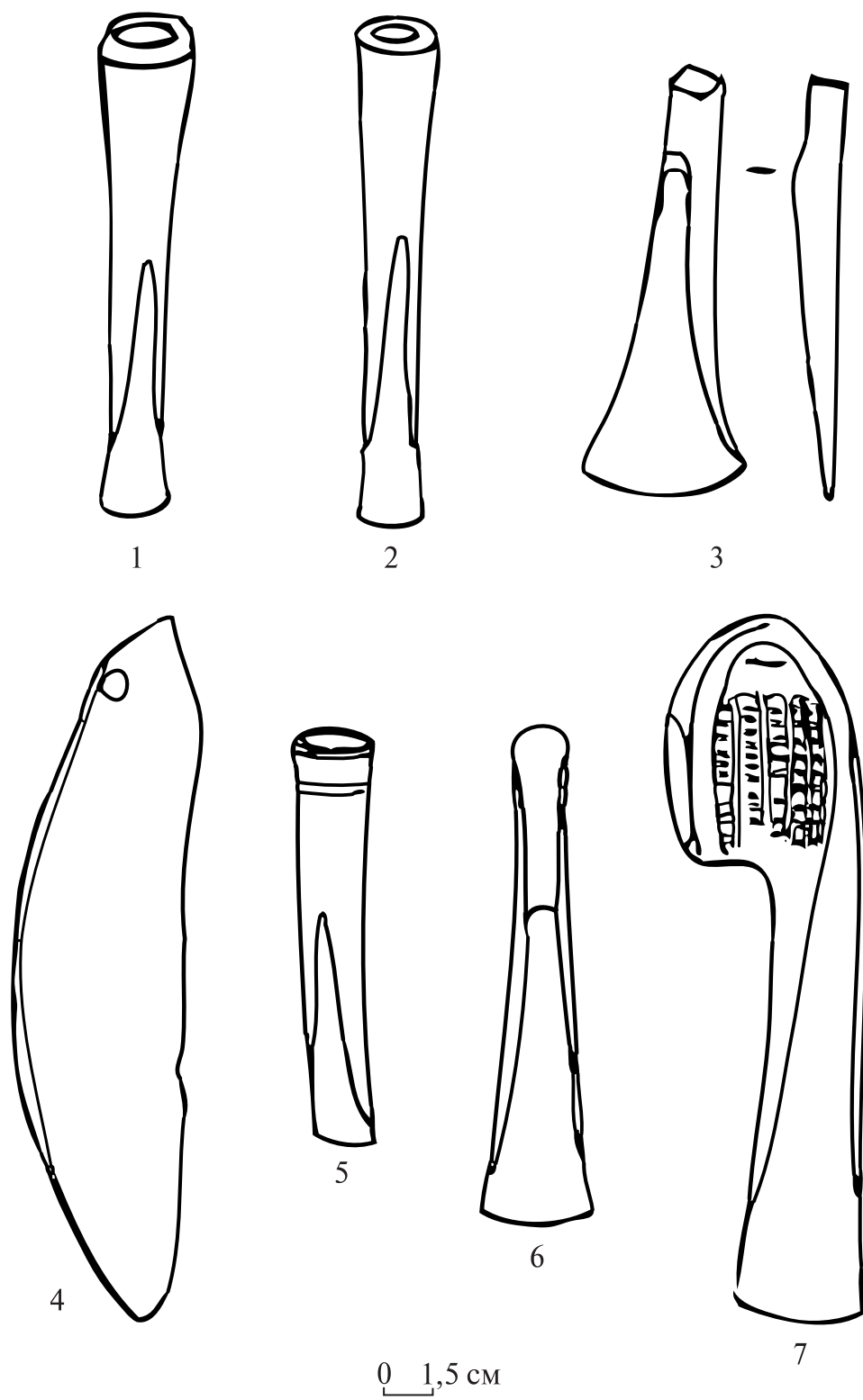

Табл. 59. Бронзовые изделия. 1-3 — клад Каменское плато; 4-7 — Алексеевский клад

Н.А. Членовой, развитие кинжалов этого типа происходит по линии исчезновения прорези на рукояти и сужения клинка. Появление наиболее ранних форм она относит к XI–VIII вв. до н.э., а наиболее выработанных — к VIII–VII вв. до н.э. [Членова Н.А., 1976, с. 20–21, 45–47]. С.С. Черников восточно-казахстанские экземпляры относит к 4-му этапу андроновской культуры — IX–VIII вв. до н.э. [Черников С.С., 1960, с. 84, 103].

Следовательно, время существования этих кинжалов можно ограничить концом эпохи поздней бронзы и началом раннего железного века. Вероятная дата — X–VIII вв. до н.э.

Категория 10. *Орудия горного дела.*

К этой категории относятся двусторонние кирки, относящиеся к одному типу.

Кирки — это брусок с заострёнными концами, выпуклой спинкой и ромбическим сечением — 2 экз. (длина 13 см, 36 см, ширина грани 2–2,5 см — табл. 56, 9, 13) (бывш. Талды-Курганская обл.), инв. № 4Р (Б) (2275, № 4Р (а)).

Ареал кирок совпадает с местами древних горных выработок, разработок залежей цветных металлов (меди, олова, золота) в Восточном, Северном и Центральном Казахстане [Черников С.С., 1960, табл. XIV, 1,

табл. XVI, 7, 9; Грязнов М.П., 1960, фиг. 3, рис. 15, 16; Лев Д.Н., 1935, рис. 25; Левитский Л.П., 1941, рис. 6, 2]. Известны единичные находки этих орудий и в Средней Азии на территории Ферганской долины [Спришевский В.И., 1974, рис. 29] и на Урале [Тихонов Б.Г., 1960, табл. 1960, табл. XIII, 6]. Концентрация кирок в районах горных разработок, а также факт обнаружения кирки в подземной древней выработке в Баян-Аульском районе [Лев Д.Н., 1935, с. 25] и позволяет нам относить их к категории орудий горного дела. Сформировался этот тип орудий на территории Казахстана.

Время существования двусторонних кирок определяется по их находкам на поселениях Степняк и Шалкар в Северном Казахстане вместе с керамикой саргаринско-алексеевского типа [Черников С.С., 1949, с. 48] — XII–IX вв. до н.э. Именно в этот период началось активное освоение семиреchenской рудной базы.

Категория 11. *Бронзовые сосуды.*

Представлена эта категория бронзовым клёпаным котлом и цедилкой.

1 тип. Бронзовый клёпаный котел — 1 экз. (Андреевский клад, плохой сохранности — табл. 57, 5). Изготовлен из одного листа бронзы толщиной 1 мм, свёрнутого в виде сосуда. Место соединения краёв закреплено заклёпками, этим же спосо-

бом крепилось дно (диаметр горловины 23 см, высота сосуда 23 см). Это первая и пока единственная находка клёпаных котлов к востоку от Урала.

Бронзовые котлы известны в Поволжье в позднесрубное время [Кривцова-Гракова О.А., 1955, с. 39, рис. 10, 9], на Кавказе в памятниках кобанской культуры они встречаются особенно часто [Крупнов Е.И., 1952, табл. V; Крупнов Е.И., 1960, с. 128–130, табл. XIX, 5; Нечитайло А.Л., 1967, с. 71; Виноградов В.Б., Дударев С.А., 1977, с. 276–279, рис. 1, 2]. Однако котёл из Андреевского клада имеет существенные отличия как в форме (отсутствуют ручки), так и в технологии изготовления (тулово сосуда состоит из одной широкой полосы металла, склёпанной с одного бока). Происхождение клёпаных котлов степного пояса Европейской части СССР принято связывать с племенами срубной культуры. В своё время О.А. Кривцова-Гракова на целой серии примеров показала преемственную связь бронзовых киммерийских котлов (синхронных, а частично и предшествующих) с керамическими сосудами с наlepным валиком по горловине [Кривцова-Гракова О.А., 1948, с. 158; Кривцова-Гракова О.А., 1949, с. 79]. По поводу датировки этих котлов высказываются различные точки зрения. Так, А.И. Тереножкин вначале относил клёпаные котлы

к белозерской ступени срубной культуры и датировал их XII–IX вв. до н.э. [Тереножкин А.И., 1976, с. 16], но после раскопок кургана у станицы Суворовской А.Л. Нечитайло пришла к выводу, что они появляются в середине II тыс. до н.э. [Нечитайло А.Л., 1967, с. 163–164]. В.С. Бочкарев, разрабатывая вопросы типологии котлов, часть из них отнёс к VIII–VII вв. до н.э. [Бочкарев В.С., 1972, с. 63–68].

Что касается происхождения котла из Андреевского клада, то у нас нет оснований связывать его со срубными племенами, так как его форма и техника изготовления отличаются своеобразием, а состав металла свидетельствует о его местном, семиреченском происхождении. Дата этого изделия, как и всего Андреевского клада, ограничивается X–IX (VIII) вв. до н.э.

2 тип. Бронзовый сосуд с ручкой (цедилка) — 1 экз. (диаметр венчика 10,2 см, высота сохранившейся части 6 см) (Андреевский клад — табл. 57, 4).

Сосуд плохой сохранности — отсутствует нижняя часть и обломана ручка. Наиболее близкий по форме сосуд происходит из восточно-казахстанского могильника Измайловка [Ермолаева А.С., 1986, рис. 4], относящегося к переходному периоду от эпохи бронзы к раннему железу.

Экземпляр из Андреевского клада является единственным в комплексах Жетысу. Дата его устанавливается по другим изделиям, входящим в состав клада, и по аналогии с могильником Измайловка — в пределах X–IX вв. до н.э.

Категория 12. *Предметы конской упряжи.*

1 тип. Пряжка ложечковидная (грушевидная) с перемычкой на внутренней вогнутой стороне — 1 экз. (длина 6 см, диаметр 3,2 см) (Андреевский клад — табл. 58, 5).

Прямая аналогия данному предмету известна по материалам поселения Кент из Центрального Казахстана, где такая же пряжка обнаружена в комплексе с бляшками со штырьками, бронзовым кольцом и однолезвийным ножом с обособленной рукоятью [Варфоломеев В.В., 1988, рис. 3, 2, рис. 4, 3, 7, 10–13]. Элементы конской упряжи (пряжка, бляшки, кольцо) из этого поселения датированы началом I тыс. до н.э. [Варфоломеев В.В., 1988, с. 36]. В состав Андреевского клада входит такой же набор предметов, что позволяет относить его к тому же хронологическому отрезку.

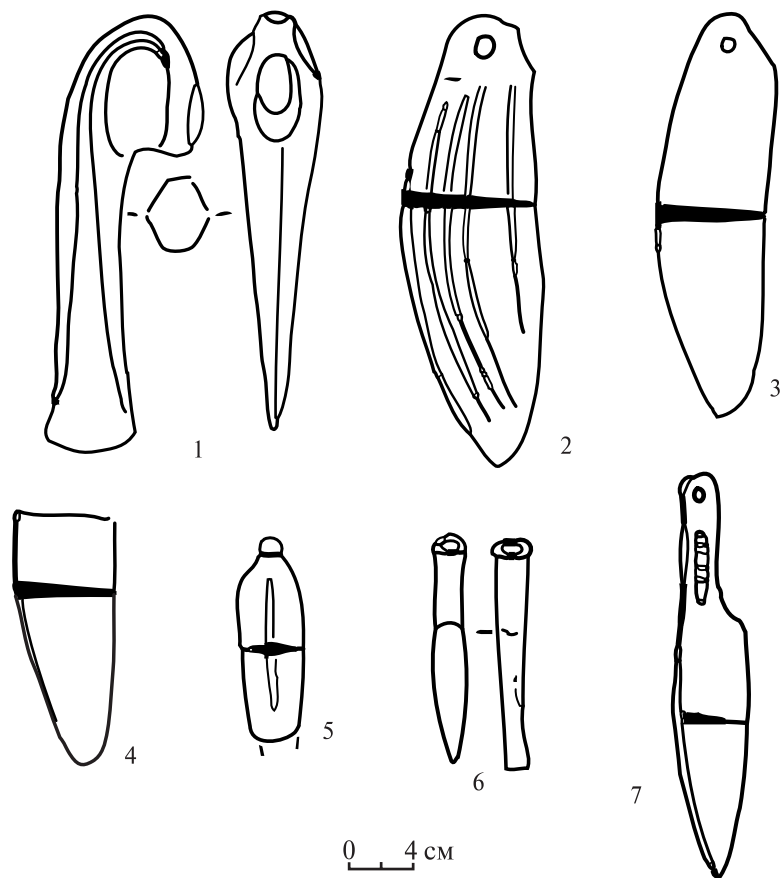

Табл. 60. Турксибский клад. Бронзовые изделия

Правомерность этой даты подтверждают аналогии пряжке из поселения Каргат-6 в Барабинской степи, датированного по ирменским комплексам IX–VIII вв. до н.э. [Молодин В.И., 1985, с. 129, рис. 65, 6, с. 142]. Время существования Андреевского клада, вероятно, можно связать с продвижением племён из Центрального Казахстана на территорию Жетысу в конце эпохи бронзы.

2 тип. Пуговицевидные бляшки со штырьками на вогнутой стороне — 2 экз. (диаметр 3,1–4,8 см), Андреевский клад (табл. 58, 8, 9).

Аналогичные бляшки входят в состав вещей с поселения Кент [Варфоломеев В.В., 1988, рис. 4, 10–13], клада у с. Садовое [Кибиров А., Кожемяко П.Н., 1956, рис. 12]. Несколько таких предметов найдено в окрестностях Асу-Булака в Восточном Казахстане [Арсланова Ф.Х., 1983, рис. 1, 31, 32]. Они датированы в хронологических рамках IX–VIII вв. или VIII–VII вв. до н.э. [Арсланова Ф.Х., 1983, с. 124]. Наибольшее распространение эти изделия получили в последующее время и более характерны для памятников раннего железного века евразийских степей.

3 тип. Кольцо бронзовое — 1 экз. (диаметр 2,7 см), Андреевский клад (табл. 58, 6).

Подобные кольца имеются в кладах Кыргызстана: у с. Садовое [Кибиров А., Кожемяко П.Н., 1956, рис. 12], Шамшинский [Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е., 1982, рис. 7, 5, 6]. Известны они и на поселениях Центрального Казахстана: Кент [Варфоломеев В.В., 1988, рис. 4, 7] и Шортанды-Булак [Маргулан А.Х., 1979, рис. 161, 13].

Как видим, кольца подобного типа не встречаются в памятниках средней бронзы, все аналогии обнаруже-

ны в комплексах позднего периода Центрального Казахстана и Жетысу. Вероятно, также как и бляшки, они входили в набор конской узда.

Картографирование бронзовых изделий позволило определить ареал, уточнить районы их наибольшей концентрации, выяснить культурную принадлежность и время существования. В результате все изделия распределяются по трём группам:

1. Предметы, имеющие широкий географический диапазон: ножи однолезвийные без выделенной рукояти (1 тип), ножи-копья без упора (1 тип) и с кольцевым упором (2 тип), плоские тёсла, втульчатые долота и тёсла, серпы-косари соосново-мазинского типа, кельты одно- и двухушковые, бронзовый клёпанный котёл.

Предметы этой группы в основном связаны с общностью культур валиковой керамики (ОКВК) и на территории Казахстана встречаются в саргаринско-алексеевских комплексах эпохи поздней бронзы. Однако часть из этих вещей относится к сквозным типам (в географическом, хронологическом и культурном плане) — это плоские тёсла, ножи однолезвийные без рукояти, ножи-копья без упора.

2. Предметы, характерные для восточной зоны Евразийской металлургической провинции (Казахстан, Средняя Азия, Алтай, Южная и Западная

Сибирь): вислообушные топоры, теса с уступом, ножи однолезвийные с обособленной рукоятью, кинжалы с намечающимися шипами и кнопочным навершием, цедилка, выпукло-вогнутые бляшки, элементы конской узды (бляшки со стержнем, ложечковидные пряжки, кольца).

Датировка и генезис этих изделий различны. Большая часть из них связана своим происхождением с деятельностью казахстанского металлургического центра и датируется поздней бронзой. Некоторые из них появляются в конце эпохи бронзы и продолжают бытовать в раннем железном веке — это элементы конской сбруи (кольца, бляшки со стерженьками и петельками, ложечковидные пряжки), цедилки.

3. Предметы, характерные для семиреченского очага: серпы с закраинами и черешком, серпы с боковым выступом и отверстием, втульчатое зубило, кернер. Все эти изделия являются продуктом творчества местных металлургов.

Типологический анализ свидетельствует о существовании мощного казахстанского горно-металлургического центра, отдельные очаги которого были тесно связаны между собой, что привело к выработке специфичных общеказахстанских форм. В рамках этого центра действовал и семиреченский металлургический очаг, включавший Юго-Восточный Казахстан и

Кыргызстан. Выявленный круг аналогий позволяет говорить о сложном процессе становления семиреченского очага. Первоначальный импульс, вероятно, был связан с возникновением сейминско-турбинского очага металлообработки, исходной базой для которого являлся регион Алтая и Жетысу. С сейминско-турбинскими традициями связано происхождение отдельных типов предметов (кельтовлопатов, втульчатых долот) и способ украшения изделий литыми фигурками лошадей.

Дальнейшая деятельность местного очага была обусловлена влиянием фёдоровской металлообработки. Вероятно, именно с фёдоровскими горняками и металлургами связано активное освоение семиреченской рудной базы. Воздействие фёдоровской культуры проявилось особенно в эпоху поздней бронзы, когда получили распространение традиционные формы, присущие фёдоровским племенам Восточного Казахстана, Алтая и Южной Сибири — это вислообушные топоры с валиком вокруг втулки, серпы с закраинами, ножи с перекрестием, серьги с раструбом. В результате модификации этих форм местными мастерами появились семиреченские типы изделий.

Восточная линия воздействия оказалась также в проникновении отдельных карасукских стереотипов — ножей

с кольцевым навершием, кинжалов с намечающимися шипами на перекрестии, маленьких клиновидных кельтов.

Новый этап в развитии семиреченского очага связан с освоением предгорных и горных районов Жетысу племенами — носителями валиковой керамики. Распространение общих типов орудий на огромном пространстве от Дуная до Енисея в эпоху поздней бронзы обусловлено не деятельностью отдельных групп металлургов ремесленников, а более глобальными процессами миграции племён культур валиковой керамики. Эти племена, вступая в контакт с местным населением, смешивались с ним, что, в конечном счете, привело к появлению различных вариантов культуры валиковой керамики, которые мы наблюдаем на всем протяжении Евразийских степей. На территорию Жетысу в эпоху поздней бронзы начинается продвижение населения из Центрального Казахстана — носителей валиковой (саргаринско-алексеевского типа) и бегазинской керамики. В этот период семиреченский очаг достигает своего расцвета, о чём свидетельствует большое количество кладов и разнообразие предметов, входящих в них.

В последние годы все семиреченские клады датируются XII—IX вв. до н.э. Однако, остается открытой проблема более узкой датировки кла-

дов в этих временных пределах. На более молодой возраст Андреевского клада указывает наличие тех категорий предметов, которые появляются на финальном этапе эпохи бронзы и существуют в раннем железном веке (элементы конской узды, бляшки со стержнем, цедилки), что позволяет датировать его X—IX (VIII) вв. до н.э. Время других кладов устанавливалось различными исследователями в разных пределах. Клад «Каменское плато» А. Джусупов датировал X—VIII вв. до н.э. [Джусупов А., 1956, с. 361—263]. К.А. Акишев и Г.А. Кушаев все казахстанские семиреченские клады поместили среди памятников культуры саков, основанием для такой датировки явились сосуды сако-усуньского типа, найденные рядом с бронзовыми орудиями [Акишев К.А., Кушаев Г.А., 1963, с. 107—108]. Е.Е. Кузьмина и А.Д. Дегтярёва датировку этих кладов установили только по бронзовым орудиям, вероятно, полагая сомнительным совместное нахождение их с сосудами. Действительно, эти типы изделий появляются в эпоху поздней бронзы, но как долго они существуют, трудно установить. Среди них имеются орудия, которые, почти не изменяясь, продолжают существовать на протяжении многих веков, например, долота, тёсла и др., т.е. относятся к сквозным типам. Модии-

фикация таких орудий ограничена их функциональными задачами. Исходя из этого постулата, можно допустить омоложение Турксибского и Алексеевского кладов.

До недавнего времени считалось, что бронзолитейное производство в Жетысу основывалось только на привозном сырье, поступавшем из Центрального и Восточного Казахстана, и исключалась вероятность использования местной рудной базы.

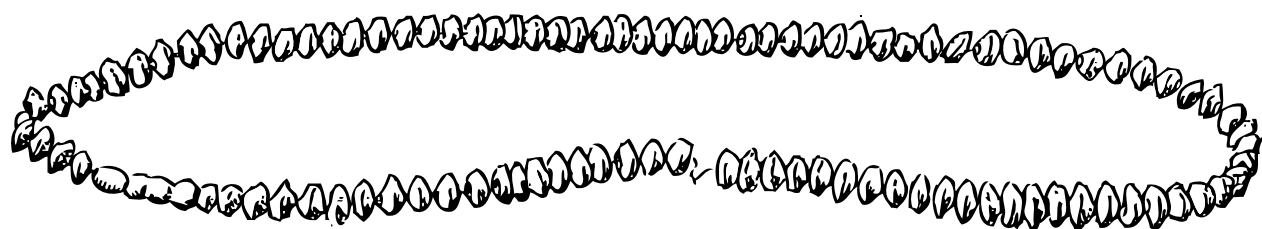
Тем не менее, на территории Жетысу имеется значительное количество небольших рудопроявлений, которые хотя и отличаются малыми масштабами, но характеризуются высокими концентрациями медной минерализации. На многих из этих объектов встречаются следы древней разработки. Наиболее сильно медная минерализация проявляется в юго-западной части Жетысу. Здесь, в районе горного массива Кендыктас, примыкающего с запада к хребту Илейского Алатау, сосредоточено несколько крупных месторождений (Чатыркуль/Шатырколь, Кендыктас/Киндыктас). На всех этих месторождениях имеются древние разработки.

Следы древних горных работ отмечены в Шу-Илейских горах на месторождениях Карасай и Копалинское. Центром добычи меди в древности также являлась долина р. Шу [Массон М.Е., 1930, с. 35].

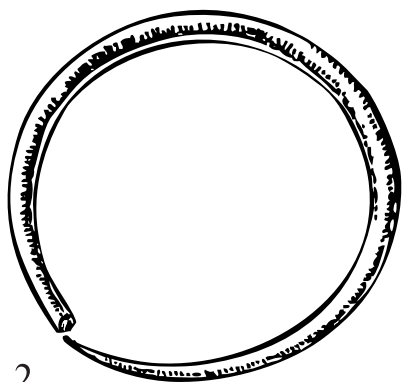
Древние рудники исследованы на территории Кыргызского хребта: Джалгыз-Арча, Минг-Джилга, Акташ [Каленов А.Д., 1935]. Древние горные инструменты найдены в Таласской долине и в окрестностях оз. Иссык-Куль, где были открыты и древние выработки [Сургай В.Т., 1951].

В Илейском Алатау известны следы древних выработок на Каскеленском месторождении. Здесь также отмечено несколько мест со следами плавки медной руды: верховья реки Тургень, горы Согаты.

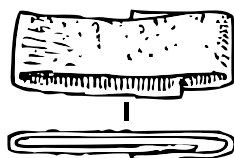
В районе хребта Кетмень меднорудных месторождений не встречается. Здесь развито, в основном, свинцово-цинковое оруденение, которое служило объектом разработок в глубокой древности, о чём свидетельствуют выработки в районе с. Узынбулак [Археологическая карта Казахстана, 1960, № 4587]. Однако на свинцовых месторождениях зачастую имеются участки с довольно богатой медной минерализацией. Они и являлись объектом добычи в древности. К подобным месторождениям относятся Туук и Комурчи. Древние разработки на медь производились в окрестностях поселений Чингильды, Узынбулак, Кегень в верховьях рек Кенбулак, Темирлик и Тууксу [Гордецкий В.Д., 1924; Археологическая карта Казахстана, 1960, № 4567, 4590, 4591]. Около с. Узынбулак

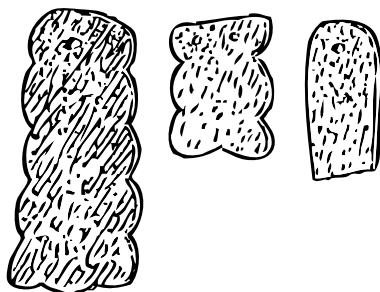
1

2

3

4

5

6 7 8

9

0 2 см

Табл. 61. Могильник Таутары. Украшения

производилась не только добыча меди и свинца, но и выплавка металла, на что указывают находки шлаков в этих местах.

В Жетысуском Алатау известно много проявлений меди. Зафиксированы древние выработки на медь в урочище Достор, в районе пос. Коксу, где были обнаружены также орудия горного дела (мотыги, кирки), в урочище Баян-Журек в районе с. Капал [Археологическая карта Казахстана, 1960, № 2972, 3101]. Большое количество находок медного шлака вблизи русел рек, например, в низовьях р. Каратал, позволяет говорить о широком использовании водных путей для поставки руды и металла.

К возможным внешним источникам медной руды в Жетысу можно отнести крупное Саянское медно-молибденовое месторождение, расположенное на северном побережье оз. Балхаш, а также район хребта Тарбагатай. Здесь в низовьях рек Аягуз, Каракол, Ай имеются многочисленные древние выработки на медь. Помимо меди, в древности добывались и другие металлы. Так, в Жетысуском Алатау и в районе хребта Кетмень есть немало выработок на свинец (на месторождениях Текели, Коксу, Яблоноевое). В междуречье Талас-Арысь, в верховьях р. Каир-Шакты имеются выработки на золото [Мушкетов Д.И., 1928; Пацевич Г.И., б.г.]

Долгое время считалось, что Жетысу полностью лишено запасов олова, которое в древности доставляли сюда отчасти с Калбинских месторождений Восточного Казахстана, а также из Средней Азии. Однако в последние годы на северо-востоке Кыргызстана в районе Сары-Джаза и Чаткала был обнаружен целый комплекс оловорудных месторождений со следами древних горных работ [Дегтярева А.Д., 1985а, с. 90–96].

Аналогичное по минералистическому составу и масштабам месторождение имеется и в районе с. Нарынкол. На геологической карте этого месторождения отмечено около 100 древних шахт и карьеров.

Таким образом, можно утверждать, что на территории Жетысу существовал самостоятельный металлургический очаг, включающий весь цикл производства бронзы, от добычи руды и выплавки металла до изготовления различных изделий.

ГЛАВА 4

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС: ВОСТОЧНО-ЕВРАЗИЙСКИЙ АРЕАЛ И СЕМИРЕЧЕНСКИЙ ОЧАГ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ, ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В КУЛЬТУРЕ

4.1 Центры андроновской культуры и её периферийные очаги

Археологические источники, полученные в результате масштабных раскопок, представляют собой надёжную основу для моделирования культурно-исторического процесса, протекавшего в эпоху бронзы в регионе Южного Казахстана и Жетысу. Создание достоверной реконструктивной схемы требует объяснительного соблюдения следующего условия: рассмотрение локальных процессов на широком историческом и территориальном фоне, с учётом основных тенденций развития синхронных родственных культур. В результате моделирования должны быть выяснены: 1) истоки, факторы и механизмы становления культур эпохи

бронзы Южного Казахстана и Жетысу; 2) направленность и степень комплиментарности их связей; 3) определено их место в системе синстадиальных культур степной Евразии.

В эпоху бронзы в восточно-евразийской аридной зоне определяющую роль играли скотоводческо-земледельческие племена, составляющие андроновскую культурно-историческую общность (АКИО), объединявшую алакульскую и фёдоровскую культуры, которая сменяется на поздних этапах общностью культур валиковой керамики (ОКВК).

Андроновская культурно-историческая общность (АКИО) занимала территорию от Урала на западе до

Енисей на востоке, от предтаёжной Западной Сибири на севере до горных систем Тянь-Шаня и Памира на юге. Памятники культур, составляющих общность, неравномерно распространены по всей территории. Так, в западном регионе основную часть выявленных памятников составляют алакульские комплексы и только в лесостепной зоне Зауралья и Северного Казахстана встречаются фёдоровские древности. В восточном регионе, напротив, главным образом известны фёдоровские памятники. В остальных регионах (северный, центральный, южный) существовали памятники обеих культур и комплексы со смешанными чертами.

Такая специфика в локализации памятников отражает более глубокие закономерности, так как на территории АКИО существовали обособленные природно-исторические области, внутреннее развитие которых было детерминировано особенностями экологического порядка и культурогенеза. В рамках АКИО выделяется три основных центра: 1 — западный, 2 — центральный и 3 — восточный.

Западный центр охватывает территорию от Урала до Торгайской впадины. Он базировался на крупных меднорудных месторождениях, расположенных в южных районах Уральской горно-металлургической области (УГМО) [Сальников К.В., 1949;

Гришин Ю.С., Тихонов Б.Г., 1960, с. 122; Агапов С.А., 1990, с. 9].

Это была зона активных контактов с населением Поволжья и Приуралья. Под воздействием этих связей, особенно с абашевскими и полтавкинскими племенами, и на местной постсуртандинской и постботайской основе происходило формирование петровско-синташтинских культурных традиций.

Носители этих традиций создали яркий феномен степной протоцивилизации бронзового века, определивший дальнейшее развитие культуры в аридной зоне Евразии и на сопредельных территориях. Именно с племенами петровско-синташтинского культурно-исторического пласта многие исследователи связывают историю древних индоиранцев.

Петровско-синташтинские поселения имели уже чётко выраженный урбанизированный характер с развитой системой фортификации, цитаделью и центральной площадью, сложной системой водостоков и отстойников. Строго продуманная архитектура была продиктована полифункциональностью поселений, которые являлись культурно-хозяйственными и идеологическими центрами.

Это были центры производства и распространения металлических изделий. Население вело комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство, но самым важным направлением в их

хозяйственно-культурном типе (ХКТ) было освоение мощной местной рудной базы. Среди артефактов очень большой процент составляют изделия из бронзы, орудия металлообработки и остатки металлургического производства.

Местное население явилось прямым наследником своих предшественников, совершивших важнейший шаг в истории человечества — проведение доместикации лошади. Навыки коневодства, как полагают некоторые учёные, подготовили степные племена к восприятию хозяйства производящего типа (земледелие, разведение крупного и мелкого рогатого скота) [Зданович Г.Б., 1989, с. 188]. Основу стада составлял крупный и мелкий рогатый скот, однако социальная значимость лошади была гораздо выше. Лошадь служила, главным образом, верховым и транспортным животным, и её использование в военном деле давало огромные преимущества.

Земледелие было орошаемым, лиманного типа, так, например, в окрестностях поселения Аркаим (Южный Урал) сохранились поля, к которым можно подвести воду из реки, используя старые русла. Кроме того, в радиусе 5–6 км от «города» располагалось 2–3 небольших поселения, составляющих своеобразную сельскохозяйственную округу [Зданович Г.Б., 1989, с. 185].

Развитая система идеологических представлений, присущая племенам петровско-синташтинского круга, нашла отражение в сложной обрядовой практике, что проявилось и в планировке поселений и в создании особых храмово-погребальных комплексов (Большой Синташтинский курган, могильники Улюбай, Берлик и др.). Под земляными курганами в больших грунтовых погребальных камерах, стенки которых часто имеют деревянные или глинобитные конструкции, находят остатки боевых колесниц (или их детали), сопровождающиеся захоронениями коней и костями жертвенных животных (лошадей, крупного и мелкого рогатого скота).

Для памятников этого круга характерна и своеобразная керамическая посуда — горшки с ребром на тулове, сформованные на матерчатом шаблоне. Сосуды украшены геометрическим орнаментом, нанесённым по прямой сетке, наклепными валиками и шишечками.

Расцвет культуры и появление урбанизированных поселений петровско-синташтинского типа стали возможными в результате вовлечения урало-казахстанского региона в гигантский круг культур от Эгеи, Малой Азии до Сарыарки [Зданович Г.Б., 1989, с. 188–189]. Время существования этих комплексов определяется по металлическим изделиям и костяным псалям,

аналогии которым имеются в Трое-VI и в памятниках конца среднеэладского-раннемикенского периодов материковой Греции — XVII—XVI вв. до н.э.

Преемницей петровских традиций явилась алакульская культура. Синташтинские традиции не получили дальнейшего развития в этом регионе и, объясняя это, некоторые исследователи отождествляют «синташтинцев» с протоиндийцами, которые в XVI в. до н.э. покинули свою родину и ушли в Переднюю Азию, а затем в Индию [Зданович Г.Б., 1989, с. 189]. Алакульская культура формируется, в основном, в западном регионе АКЮ, захватывая северные районы Казахстана, бассейны рек Тобола и Ишима. Ареал алакульских племен значительно расширяется. Памятники этого типа известны широко в Центральном Казахстане и южных регионах — в Южном Казахстане (могильники Бийликуль и Киикты), в Жетысу (могильник Капал, поселение у Беловодской крепости). Отдельные сосуды с алакульскими признаками встречены в Узбекистане (могильник Муминабад, погребение у с. Ореховского, стоянка Пайкенд) [Кузьмина Е.Е., Мокрынин В.П., 1985, рис. 1; Аскарлов А., 1970, рис. 3, 1, Оболдуева Т.Г., 1955, рис. 62, 2; Аскарлов А., 1964, с. 33]. В последние годы отдельные алакульские памятники открыты на правом берегу Иртыша.

Центральный — занимал территорию Казахского мелкосопочника и базировался на крупнейших месторождениях полиметаллов Джекказгана/Жезказгана, Саяка, Атасу, Аякжар-таса [Сатпаев К.И., 1929; Валукинский Н.В., 1948; Жилинский Г.Б., 1959]. Он играл важнейшую роль в становлении и развитии АКЮ, о чём свидетельствует насыщенность этой территории разнообразными памятниками. Здесь можно встретить комплексы всех хронологических этапов, начиная с ранней бронзы и кончая памятниками переходного к раннему железному веку этапа, так называемого донгальского типа [Ломан В.Г., 1987]. Это была зона интенсивных контактов алакульских (атасуских) и фёдоровских (нуринских) племен, приведших к консолидации андроновской общности.

Природно-географические, ландшафтные, климатические и другие условия Казахского мелкосопочника были наиболее благоприятны для ведения оседлого комплексного хозяйства, в котором органически сочетались пастушеское скотоводство и племенное земледелие «ручьёвого» типа. Этим объясняется топография поселений эпохи бронзы, их приуроченность к берегам небольших степных рек.

Ведущей отраслью экономики здесь была добыча руды и её обработка, на что указывают масштабы древне-

го горного дела, существование специализированных поселений металлургов (поселение Атасу-1) и следов металлообработки почти на всех многочисленных поселениях. Продукция, изготавливаемая местными металлургами, использовалась не только в пределах Центрального Казахстана, но и экспортировалась в смежные и отдалённые районы евразийских степей. Андроновские мастера разработали сложную технологию обработки руды и изготовления различных орудий труда, оружия и украшений. Была создана рецептура специальных сплавов и приёмов обработки металла — отливка в одно, двух- и трёхстворчатых формах, горячая и холоднаяковка, тиснение, в зависимости от функционального назначения изделия. Наличие такой мощной металлургической базы обеспечило расцвет культур эпохи бронзы в этом центре и силу его влияния на сопредельные регионы. В сфере его воздействия находились северные и южные районы Казахстана, а также отдельные районы Средней Азии, куда металл из Центрального Казахстана попадал вместе с мигрирующими степными племенами. При этом, вышеназванные районы Казахстана следует расценивать как ближайшую периферию данного очага, где северный регион отличался большей самостоятельностью, вероятно, здесь сказалось открытие и ис-

пользование местной рудной базы в районе Имантау, Степняка.

Южный Казахстан, лишённый своих рудных источников, находился в полной зависимости от Центрального очага и представлял собой его окраину. Процессы, происходившие здесь, были идентичны центральноказахстанским. Южные районы были включены в ареал андроновской культурно-исторической общности на ранних этапах её развития. Освоение их началось в раннеалакульское время, т.е. в середине II тыс. до н.э., а, возможно, и раньше, с XVII—XVI вв. до н.э., что документируется появлением таких памятников как Бийликуль (Жамбылская обл.). Помимо алакульского населения в освоении этих районов участвовали и носители фёдоровских традиций, оставившие, как свидетельство своего пребывания здесь, могильник Карасиыр-II (Кызылординская обл.). В погребальных ящиках этого могильника были обнаружены керамические сосуды, по форме и декору (плавная профилировка, косые треугольники, меандры) типичные для фёдоровской культуры. Южный Казахстан был зоной интенсивного взаимодействия алакульских и фёдоровских племен, в результате процессов интеграции и ассимиляции здесь сформировались комплексы со смешанными признаками — типа могильника Таутары. Е.Е. Кузьмина вы-

делила подобные памятники в локальный таутаринский вариант и, как все смешанные типы, датировала XIV–XII вв. до н.э. и более поздним временем [Кузьмина Е.Е., 1988, с. 43, 46].

К концу эпохи бронзы стало более чётко проявляться своеобразие этого региона, отразившееся в полной мере в появлении таких погребальных комплексов, как Тагискен. Отмеченное культурное своеобразие было обусловлено, в определённой мере, тем, что Южный Казахстан являлся контактной зоной между степными племенами и населением земледельческих оазисов Средней Азии, зоной контактов разных культур и разных влияний. В эпоху поздней бронзы влияние земледельческой цивилизации возросло, что проявилось в появлении изделий южных ремесленных центров в маргинальной зоне и в глубинных степных районах. Особенно широко экспортировалась посуда, изготовленная среднеазиатскими гончарами.

Восточный центр включает Восточный Казахстан, Алтай и Южную Сибирь. Рудной базой для него явились многочисленные месторождения меди и касситерита Саяно-Алтайской горно-металлургической области. Использовались окисленные и сульфидные руды Прииртышской, Зыряновской, Риддер-Сокольной групп месторождений и оловорудные залежи Калбинского и Нарымского хребтов

[Черников С.С., 1949; Дегтярёва А.Д., 1985, с. 20; Агапов С.А., 1990, с. 9, 14].

Это была территория сплошного расселения фёдоровских племен. Алакульские памятники здесь практически отсутствуют. Предметом особых дискуссий является проблема локализации прародины фёдоровской культуры. Истоки фёдоровских традиций одни исследователи видели в лесном Зауралье в среде носителей коптяковских и аятских традиций (М.Ф. Косарев, Т.М. Потёмкина), другие — в Центральном (Е.Е. Кузьмина) или Восточном Казахстане (Г.А. Максименков, А.А. Ткачев). Так, М.Ф. Косарев считает, что фёдоровская культура сформировалась в XV в. до н.э. в Зауралье, а в XIII в. до н.э. началась миграция фёдоровцев в Западную и Южную Сибирь [Косарев М.Ф., 1974, с. 157]. В.С. Стоколос, наоборот, предполагал, что в XIII в. до н.э. началось движение фёдоровцев в противоположном направлении — из Сибири в Зауралье [Стоколос В.С., 1972]. Однако, сибирские андроноведы категорически отрицают версию Сибири как места формирования фёдоровских традиций, так как не находят для них местных истоков (В.И. Матющенко, В.И. Молодин, Г.А. Максименков). Е.Е. Кузьмина считает, что фёдоровская культура сформировалась на основе центрально-казахстанского эне-

олита в XV в. до н.э. и позднее, под давлением алакульцев, начавших продвижение с Запада в Центральный Казахстан, фёдоровцы частично мигрировали на Восток — в Восточный Казахстан и далее в Приобье и Минусинскую котловину [Кузьмина Е.Е., 1988, с. 44, 46]. А.А. Ткачев, на основе анализа и систематизации массового материала по эпохе развитой бронзы Центрального Казахстана, пришёл к выводу, что истоки фёдоровской культуры следует искать в Восточном Казахстане, где существует генетическая преемственность между традициями усть-буконьского (переходного от энеолита к андрону) и канайского (раннефёдоровского) [Ткачев А.А., 1990, с. 121] этапов. Эта гипотеза на сегодняшний день является более обоснованной.

Восточный центр имел определяющее влияние на процессы, которые происходили в Жетысу. Особую роль в этом сыграли сходство природно-экологических условий, близость хозяйственно-культурных традиций и использование единых очагов металлургии и металлообработки, расположенных на Рудном Алтае. Становление семиреченского очага металлургии произошло позднее — в конце эпохи бронзы, в связи с освоением этого региона носителями культуры валиковой керамики (КВК). Жетысу отнюдь не являлось пустующим районом, в эпоху

бронзы здесь обитали немногочисленные автохтонные племена — носители своеобразных культурных традиций, нашедших отражение в памятниках, оставленных ими. Местные культурные комплексы не имеют тех классических черт, которые так характерны для известных центров АКИО. Вероятно, в сложении специфического облика семиреченских памятников и в целом культуры эпохи бронзы этого региона особое значение имело своеобразие экологических условий. Ландшафт предгорий и межгорных долин, отличающийся сильно пересечённым рельефом, создавал определённую среду для изолированного, замедленного развития местного населения в целом и его отдельных групп. Эти же причины детерминировали консервацию культурных и экономических традиций. Культура бронзы Жетысу не отличается яркостью проявления и мощностью влияния на соседние территории, поэтому выделять его в особый центр АКИО нет оснований, но говорить о существовании в этом регионе андроновского очага вполне правомерно.

4.2 Динамика культурно-исторических процессов. Пути миграций и освоение предгорной зоны

Социально-экономическое и культурное развитие эпохи бронзы Жетысу и Южного Казахстана было обусловлено, главным образом, тремя факторами:

1 — экологический фактор. Изменение природно-экологических условий оказывало мощное воздействие на культурно-исторические процессы, вызывало трансформацию ХКТ, миграцию населения и влияло на демографическую ситуацию в регионе.

2 — внешние этнокультурные воздействия. В эпоху бронзы этот фактор связан, в основном, с влиянием культур Алтая, Южной Сибири, Восточного и Центрального Казахстана.

3 — внутреннее экономическое развитие, которое придавало специфические черты культурным традициям.

Следует отметить, что историко-культурные процессы в Жетысу и Южном Казахстане не были идентичными. Несмотря на территориальную близость этих двух регионов, они не представляли собой единого целого ни в природно-географическом, ни в историческом плане. Каждый из них в эпоху бронзы прошел свой путь развития. Наблюдаемые различия объясняются рядом причин: 1 — это два региона с собственными, значительно отличающимися, комплексами экологических, гидрологических, почвен-

ных и ландшафтных характеристик; 2 — общая тенденция и ориентация культурных и территориальных связей. Южный Казахстан, территориально примыкающий к полупустынной зоне Сарыарки, является как бы естественным её продолжением и более тяготеет именно к этому ареалу и к земледельческим оазисам Средней Азии. Жетысу, отделённое своеобразным природно-ландшафтным барьером — Шу-Таласским водоразделом, Кордайским плато — от Южного Казахстана, имело до эпохи поздней бронзы иную доминанту в направленности культурных связей. Здесь большее значение имели коммуникации с Восточным центром, с предгорными и горными районами Алтая, и, если развитие эпохи бронзы в Южном Казахстане не отличается особой спецификой от центрально-казахстанских процессов, то реконструкция культурно-исторической ситуации в Жетысу требует глубокого и тщательного анализа.

Историко-культурные процессы развивались здесь отнюдь не в условиях полной изоляции, а в обстановке постоянного взаимодействия с носителями других культур, в поликультурной среде. Этот процесс не был равномерным, в нём можно отметить резкие ускорения, когда карта древних культур быстро менялась в результате

миграции иного населения. Динамика миграций не совпадала со скоростью культурного взаимодействия разных групп населения, которая определя-

лась различными причинами, например, эколого-географического, мировоззренческого характера, различиями в хозяйственно-культурных типах.

4.2.1 Период развитой бронзы

В этот период в Жетысу обитали племена, оставившие памятники алакульского и семиреченского типа. Взаимоотношения населения Жетысу и степного ареала Центрального Казахстана начали складываться уже в середине II тыс. до н.э. Алакульскую керамику в это время можно обнаружить на Тянь-Шане (поселение у Беловодской крепости в Кыргызстане) и в предгорьях Жетысуского Алатау (могильник Капал). Условия залегания этой посуды позволяют предполагать существование мирных контактов, возможно, в форме брачных отношений между пришлыми алакульцами и местным населением. Об этом свидетельствует нахождение алакульской и семиреченской керамики в смежных ящиках могильника Капал. Продвижение было, по-видимому, беспрепятственным и носило характер инфильтрации отдельных небольших групп алакульского населения. Они не оказали какого-либо формирующего влияния на общее развитие местной культуры и на ход историко-культурного процесса в целом. На этом раннем этапе связи с Центральным Казахстаном не были определяющими и носили

эпизодический характер, проявившийся в территориальных контактах и в дисперсии единичных сегментирующих групп алакульцев. Продвижение носителей алакульских традиций, вероятно, было вызвано, главным образом, климатическим фактором — наступлением ксеротерма в суббореальный период (5000–3000 лет тому назад) [Зданович Г.Б., 1973, с. 113–127; Потёмкина Т.М., 1983, с. 14]. Крайний ксеротерм по археологическим данным падает на XIV–XIII вв. до н.э. В этот период, как полагают исследователи, начинается активная миграция андроновцев, в которой широкое участие приняли фёдоровские племена. Фёдоровцы продвигаются на восток и занимают Минусинскую котловину, на севере внедряются в лесную зону, на юге начинают осваивать пространства Средней Азии. Большая часть памятников степной бронзы на территории Средней Азии принадлежала именно фёдоровским племенам или носит следы их явного влияния. Это и могильники Арпа, Пригородный, отдельные сосуды, обнаруженные возле оз. Иссык-Куль в Кыргызстане [Бернштам А.Н., 1952, Кожемяко П.Н.,

1960] и курган возле станицы Вревской, керамика на поселениях Ахангаран, Чильдухтарон, Серкали, курганы Бричмулла, Газалкент и другие — в Узбекистане [Воронец М.Э., 1951, с. 68–69; Литвинский Б.А., 1963, табл. 109; Дуке Х., 1979, с. 44, рис. 45; Рахимов С., 1970, с. 41; Древности Чарвака, 1976, с. 36, 41, рис. 8, 47], а также керамика с поселения Тегузак, могильника Кумсай, сосуды и украшения из Дашт-и-Кози, серьги с раструбом из могильника Тандыр-Аул — в Таджикистане [Пьянкова Л., 1986, рис. 5, с. 98; Виноградова Н., Пьянкова Л., 1990, рис. 4, 2, рис. 5, 4, 7; Исаков А.И., Потёмкина Т.М., 1989, рис. 4, 14, 15, рис. 7; Виноградова Н.М., Пьянкова Л.Т., 1983, рис. 23]. Дестабилизация и последующая миграция фёдоровцев были обусловлены физико-географическими причинами — последствиями засушливого периода, который с особой силой сказался на фёдоровских племенах, в ХКТ которых преобладала более подвижная скотоводческо-металлургическая форма хозяйства в отличие от алакульцев, занимавшихся оседлым скотоводческо-земледельческим хозяйством.

На культурно-исторические процессы Жетысу большое влияние оказали фёдоровские племена Алтая и Южной Сибири, что проявилось в сложении общих элементов погребальных конструкций, украшений и керамики. Всё это позволяет говорить о стабильном характере взаимоотношений,

об их традиционной направленности. По-видимому, Алтай и Жетысу на определённом этапе составляли единый культурный регион с близкими природно-экологическими условиями. Начало сложению этой общности было положено в предшествующие периоды. Исследователи Алтая и Сибири на основе археологического и антропологического материала фиксируют две волны продвижения групп населения из северных районов Средней Азии и юга Казахстана. Одна волна имела место в эпоху неолита [Дрёмов В.А., 1988, с. 40–43]. Часть населения Жетысу тоже была захвачена этим движением, т.к. наиболее вероятный путь его перемещения пролегал через предгорные районы Жетысу, которые во все исторические эпохи играли роль своеобразного связующего звена между регионами Средней Азии, Синьцзяна и Алтая, Южной Сибири.

Новая волна южных европеоидов начинает проникать в западно-сибирскую лесостепь и на Алтай в эпоху доандроновской бронзы, что нашло отражение в материалах могильников Елунино-1, Заречное-1, Еловка-II [Дрёмов В.А., 1988, с. 42–43]. Вероятно, именно в этот период и складывается общность Алтайско-Семиреченского историко-культурного региона, где происходило становление сейминско-турбинских традиций. В их сложении определяющую роль сыграли два крупных культурных компонента, один был связан с восточно-сибирской таёжной зоной, расположенной

к северу от Саяно-Алтайской горной и предгорной области до Байкала, а второй локализовался в Алтайской горной и предгорной области в экологическом окружении степных и лесостепных пространств. Данный компонент сопоставим с памятниками типа Елунино, Усть-Буконь, Канай. Это было население металлургов и коневодов, вероятно, всадников. Здесь локализовался исходный металлургический очаг сейминско-турбинских бронз [Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989, с. 270]. Находки в Жетысу вещей, выполненных в сейминско-турбинском стиле, позволяют включить этот регион в ареал действия сейминско-турбинского культурного феномена. Слияние алтайско-семиреченского и саянского компонентов привело к появлению новой культуры в лесостепных предгорьях к северу от Алтая в XVII–XVI вв. до н.э. и к очень быстрому её распространению вдоль Иртыша по лесостепной зоне в северо-западном направлении. Движение это маркировано такими известными могильниками, как Ростовка, Турбино и Сейма. Импульс сейминско-турбинских бронз достиг Прикарпатья. К XV в. до н.э., как полагают исследователи Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, этот феномен практически перестаёт существовать [Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989, с. 361]. Однако, в отдельных регионах Сибири и Алтая эти бронзы доживают до XIII в. до н.э. [Кирюшин Ю.Ф., 1987, с. 120].

Возвращаясь к мысли о вероятных группах населения, вошедших в алтайский компонент сейминско-турбинского феномена, следует отметить, что эти же группы приняли участие и в формировании фёдоровской культуры. В памятниках Елунино, Усть-Буконь и Канай встречаются отдельные выразительные предметы, которые имеют отношение к обеим культурным традициям. Кроме того, типы погребальных конструкций и керамики, известные в Усть-Букони и Канае, получили своё дальнейшее развитие в фёдоровских памятниках Восточного центра андроновской общности. Кстати, отдельные типы внутримогильных сооружений эпохи бронзы Жетысу также имеют аналогии в Усть-Букони и Канае.

Фёдоровцев сближает с сеймино-турбинцами и общность типов хозяйственной деятельности. Также как и у сеймино-турбинцев, у фёдоровцев преобладала подвижная форма скотоводческо-металлургического хозяйства. Металлургами обеих групп использовались многие общие технологические приемы, например, литьё в двусторонних формах с сердечниками, кроме того, основные типы оружия (кельты, ножи, копья) тоже отличаются общностью черт.

Показательно и то, что фёдоровское население занимает те же экологические ниши — предгорные и лесостепные зоны — и направленность их передвижения во многом совпадает с

миграционным путем носителей сейминско-турбинских традиций.

Таким образом, можно предположить, что формирование сейминско-турбинских и фёдоровских традиций происходило одновременно, на единой основе и в одном и том же регионе — в Восточном Казахстане, на Алтае и в примыкающих районах Жетысу. Определённым аргументом, подтверждающим одновременность сложения обеих культурных традиций, являются последние радиоуглеродные даты, полученные для фёдоровских могильников Турина Гора (Алтай); могила 49 — 3700 ± 25 лет (СОАН-2562) или 1750 ± 25 г. до н.э., могила 52 — 3570 ± 20 лет (СОАН-2561) или 1520 ± 20 г. до н.э., т.е. обе даты укладываются в пределы XVIII–XVII вв. до н.э. и для Быкова погребение 15 — 3140 ± 50 лет (ГИН-4846), а скорректированная дата дала возраст 1500 г. до н.э. [Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С., 1992, с. 89].

Вполне вероятно, что носителями сейминско-турбинских бронз были военизированные, корпоративные мужские группы раннефёдоровцев, обладавшие огромной внутренней динамикой, присущей им как молодому зарождающемуся этносу, и вооружённые уникальными познаниями в области металлургии и коневодства. Эти преимущества позволили им встать на путь завоевания и в кратчайший период преодолеть огромные пространства, почти не встречая достойного сопро-

тивления на всём пути своего следования. В истории достаточно известно подобных фактов, например, походы скифов, викингов и др. Позднее, этот же путь, вслед за сеймино-турбинцами — раннефёдоровцами — проделали мигрирующие группы фёдоровского населения.

В результате передвижения фёдоровцев, которое с XIII в. до н.э. принимает характер инвазии, начинается подвижка семиреченских племен. Группы семиреченского населения продвигаются далее на юг — в Таджикистан, Синьцзян и Пакистан — и занимают там привычные для себя экологические ниши — предгорные и горные районы. Аргументом, подтверждающим эту гипотезу, являются материалы могильника Мыншункыр, который по своим основным культурным характеристикам наиболее близок памятникам Алтая, Верхней Оби, Енисея и пакистанским комплексам культуры Свата. А могильники Талапты-I, II, Куйган-II и Буйен-13 документируют другую важную линию связи — с могильником Ранний Тулхар (бишкентская культура) в Южном Таджикистане. На сложении бишкентской культуры отчетливо сказалось воздействие семиреченских племен. Это проявилось во многих элементах погребального обряда — наблюдаются общие типы надмогильных сооружений (каменные кольца и выкладки), внутримогильных конструкций (каменные ящики, цисты, ямы со спуском, культовые очаги и др.), обряде трупопосожжения и в формах лепных со-

судов. Следовательно, можно вполне определённо утверждать, что именно семиреченские племена явились тем степным скотоводческим субстратом, который принял активное участие в формировании бишкентской культуры Бактрии. Отдельные группы семиреченцев достигли Северного Пакистана и здесь, в результате их взаимодействия с местными племенами, возникает культура Свата явно синкретического характера, в которой сочетаются традиции северных скотоводов и местных земледельцев.

Таким образом, в этой цепочке близких между собой памятников, протянувшихся от Пакистана и Южного Таджикистана до Верхней Оби и Енисея, связующим звеном является регион Жетысу. Близость части населения Алтая, Верхней Оби и Тулхара, на которую обращали внимание сибирские и алтайские исследователи, по-видимому, объясняется тем, что в сложении культур этих двух регионов приняли участие семиреченские племена.

4.2.2 Период поздней бронзы

В начале эпохи поздней бронзы наступает короткий период стабилизации климата. Это было время появления культуры валиковой керамики — саргаринско-алексеевской, носители которой обитали в крупных стационарных поселках (поселения Саргары, Кент и др.) и вели комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство. Одновременно с ними существуют в Центральном Казахстане бегазинские племена, ведущие более подвижный образ жизни. Памятники, им принадлежащие, дискретно располагаются на обширной территории. Представлены они, главным образом могильниками, чистые бегазинские поселения отсутствуют. Бегазинская керамика, как правило, встречается на поселениях в комплексе с валиковой посудой

(поселения Саргары, Новоникольское, Кент), но нигде она не составляет основу. Отсутствие самостоятельных поселений, на наш взгляд, объясняется двумя основными причинами:

1) в среде бегазинцев переход к полукочевому и кочевому типу скотоводческого хозяйства произошел раньше, чем у других племён эпохи бронзы. По-видимому, это было обусловлено генезисом бегазинцев, явившихся преемниками фёдоровских и карасукских племён, в хозяйстве которых доминировало скотоводство; 2) взаимодействие бегазинцев с их подвижным скотоводческим хозяйством и оседлых, ведущих комплексное хозяйство саргаринско-алексеевских племён привело к появлению своеобразного культурного симбиоза. В этом обществе носите-

ли бегазинских традиций имели более высокий социальный статус, что подтверждают данные сравнительного анализа погребальных комплексов.

На рубеже II—I тыс. до н.э. происходит резкая смена климатического режима. Наступивший в аридной зоне пльвиал, апогей которого приходится на IX—VIII вв. до н.э., приводит к резким изменениям культурного и экономического порядка. Эти преобразования были вызваны тем, что природно-климатическая перестройка привела к ландшафтным эволюциям, увлажнение гумидной зоны привело к смещению лесных биоценозов на юг и к сокращению территории, которую занимали носители валиковой керамики — саргаринско-алексеевские племена. Многие поселения в этот период приходят в запустение, так как в результате неоднократных наводнений были оставлены жителями, которые вынуждены были перебираться на новые, более подходящие места (поселения Ильинка-I, Петровка-II и др.) [Зданович Г.Б., 1970, с. 147–153].

Сокращение границ степного пояса, заболачивание пойм, которые использовались для возделывания земли и культивации растений, приводят к тому, что существовавшая относительная стабильность в историко-культурном плане сменяется динамизмом. Население в этих условиях было вынуждено искать новые формы хозяйственной адаптации к изменившейся среде обитания или мигрировать

в поисках привычной экологической ниши для ведения традиционного типа хозяйства. Таким образом, возникает тенденция к появлению нового хозяйственно-культурного типа (ХКТ) — полукочевого и кочевого скотоводства. Увлажнение степей благоприятствовало освоению глубинных районов аридной зоны. Именно в это время появляются памятники, расположенные на водоразделах и в глубине степи.

Первыми чутко отреагировали на смену экологических условий бегазинские племена и стали осваивать новые пастбища, новые маршруты перекочёвок. И, если появление на территории Жетысу первых памятников так называемого предбегазинского и бегазы-дандыбаевского типа (могильники Аксай, Бигаш, Саганды) можно рассматривать как первоначальный этап этого процесса, вызванный усилением роли отгонного скотоводства и выбором меридиональных путей для летних перекочёвок, то появление комплексов с валиковой керамикой (поселения Куйган, Буйен, могильник Буйен-13, Джаильминские стоянки) свидетельствует об углублении и расширении этого процесса, о перемещении значительных групп избыточного населения из степей Центрального Казахстана. Именно с продвижением этих племён следует связывать включение Жетысу в общность культур валиковой керамики Евразии (ОКВК) и широкое освоение местной рудной базы, приведшие

к расцвету местного металлургического очага, что хорошо документируется многочисленными кладами бронзовых изделий (Турксиб, Каменское плато и др.). Включение в систему новых культурных связей создало благоприятные условия для непосредственного знакомства семиреченского населения с более разнообразными, совершенными моделями предметов быта, вооружения. Это, в свою очередь, послужило импульсом, обогатившим местную культуру инновациями, проявившимися в создании изделий нового типа, специфичных для Жетысу.

На развитие культурно-исторического процесса в Жетысу, по-прежнему, оказывали большое влияние взаимосвязи с населением Восточного Казахстана, Алтая и Южной Сибири. Эти контакты носили устоявшийся традиционный характер и нашли своё отражение в сходстве погребальных конструкций, обряда захоронения и типов керамики памятников финальной бронзы Жетысу с материалами карасукских и ирменских комплексов.

В эпоху поздней и финальной бронзы продолжают действовать связи с Южным Таджикистаном с носителями бишкентской культуры и формируются взаимоотношения с населением Ферганы, которые особенно чётко проявились с X в. до н.э. Сравнительный анализ погребальных памятников финальной бронзы Жетысу (могильники Арасан, Буйен-13) и Ферганы (могильники Вуадиль, Карамкуль, Арсиф)

позволил установить, что совпадают все ведущие характеристики обряда захоронения, что близкими оказались не только типы погребальных конструкций, но и главные тенденции обряда. Это совпадение большинства культурных индикаторов предполагает существование родственных связей между населением этих двух регионов.

Проникновение степного населения в Среднюю Азию не только способствовало распространению здесь скотоводческих форм хозяйства в северных и горных районах, но и оказало большое воздействие на трансформацию культуры земледельческих оазисов, привело к возникновению новых земледельческих очагов в среднеазиатском междуречье. Контакты степного оседлого населения, вероятно, явились катализатором культурного и экономического развития южных районов Казахстана и Средней Азии [Алекшин В.А., 1989, с. 157]. Свидетельством существования тесных культурно-территориальных контактов между скотоводческими племенами Жетысу и земледельческими центрами — Чустом, Намазга-IV и др. — явилась крашенная и станковая керамика, обнаруженная на памятниках финальной бронзы Жетысу (могильник Буйен-13, поселения Буйен и Теренкара). Эти связи между различными хозяйственно-культурными системами не были случайными и не носили временный характер. Они были вызваны к жизни внутренней логикой развития по-

лукочевого и кочевого типа хозяйства, которое наиболее ярко проявляется в создании своеобразной системы взаимоотношений между миром кочевников и земледельцев. Таким образом, возникшие в конце эпохи бронзы связи получили свое дальнейшее развитие в последующие эпохи и оказали влияние на культурно-исторические процессы, происходившие в этом регионе.

Конец эпохи бронзы — это период активных интеграционных процессов. Наряду с инновациями, привнесёнными мигрантами из Сарыарки, в Жетысу проявляются достаточно определённо традиции карасукского и ирменского населения Южной Сибири. В результате миксирования всех этих инокультурных традиций, при участии местного населения, происходит формирование новой культуры финальной бронзы — буйенской. Уже на этом этапе появляются такие элементы в культуре и хозяйстве, которые получают своё дальнейшее развитие в следующем историческом периоде — в эпоху ранних кочевников.

Таким образом, процесс развития бронзового века на территории Жетысу не прерывался, и в его недрах зарождаются традиции, характерные для раннего железного века.

Какого-либо резкого культурного взрыва на рубеже между эпохой бронзы и ранним железом по археологическим материалам не отмечается. Начало крупным изменениям было

положено гораздо раньше — в конце II тыс. до н.э., когда в аридной зоне происходят климатические колебания, приведшие к трансформации ХКТ и становлению кочевого типа хозяйства и вызвавшие, в конечном счете, миграцию части населения Сарыарки на юг. Бурное освоение предгорных и горных районов Жетысу, сопровождающееся активными процессами ассимиляции и культурной интеграции, привело к сложению здесь яркой самобытной культуры, которая дала начало сакской культуре раннего железа. Сакская культура не была привнесена на территорию Жетысу в готовом виде, в её формировании приняли участие различные компоненты, среди которых доминирующую роль сыграли носители валиковой и бегазинской традиций Центрального Казахстана, в качестве других субстратов выступали позднефёдоровские, карасукские и ирменские племена Восточного Казахстана, Алтая и Южной Сибири, а также автохтонное семиреченское население. Направленность культурных и хозяйственных связей, определившаяся в эпоху бронзы, продолжала сохраняться и позднее, на следующем этапе. Вероятно, все эти факторы и обусловили ту особую близость, которая характерна для культур сако-сибирского ареала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Южный Казахстан и Жетысу в эпоху бронзы являлись составной частью территории распространения степных племён, принадлежавших к двум крупнейшим в Евразии культурно-историческим общностям — андроновской и валиковой керамики. В пределах андроновской общности выделяются три основных центра: 1 — западный, 2 — центральный и 3 — восточный. Специфическое развитие этих центров было обусловлено особенностями экологического порядка и культуурогеографии.

На культурно-исторические процессы в Южном Казахстане и Жетысу определяющее влияние оказали Центральный и Восточный центры. Зависимость от разных центров, различная направленность связей с населением сопредельных территорий, отличия природно-географических условий — все эти факторы детерминировали несходство исторического пути развития этих двух регионов.

Южный Казахстан более тяготел к Центральному Казахстану и представлял собой в эпоху бронзы его периферию. Моделирование процессов, происходивших здесь, воссоздаёт историческую картину, совпадающую

в основных чертах. Схема развития культур эпохи бронзы в этих регионах была единой. В Южном Казахстане, так же как и в Центральном, существовали памятники всех хронологических этапов и культур. Здесь выделены памятники раннеалакульские (могильник Бийликуль), алакульские, фёдоровские (могильник Карасыр), смешанного таутаринского типа и комплексы поздней бронзы типа Тагискен. На поздних этапах развития в этом регионе усиливается влияние оседло-земледельческих оазисов Средней Азии. С этого времени Южный Казахстан начинает играть роль контактной зоны, связывающей скотоводов аридной зоны с земледельцами юга.

Жетысу входило в сферу воздействия восточного очага андроновской культурно-исторической общности. На культурно-исторические процессы, происходившие в этом регионе, доминирующее влияние оказывали племена Восточного Казахстана и Алтая. Причины этой близости объясняются сходством природно-географических условий, хозяйственно-культурных традиций и единой рудно-металлургической базой, снабжавшей рудой и

готовыми бронзовыми изделиями территории всего восточного очага.

Изучение археологического материала данного региона позволило наметить здесь три периода в развитии эпохи бронзы: 1 — развитая (средняя) бронза, 2 — поздняя и 3 — финальная бронза.

Развитая (средняя) бронза (XV—XIII (XII) вв. до н.э.) представлена памятниками двух типов: 1 — семиреченского и 2 — смешанного.

Комплексы семиреченского типа по своим основным культурно-определяющим признакам отличаются своеобразием и не могут быть отнесены ни к какой из известных культур андроновского круга. Недостаточным является, на наш взгляд, тот таксономический уровень (вариант) андроновской общности, к которому были они отнесены. Памятники семиреченского типа по своим основным культурным индикаторам (обряд захоронения, погребальные конструкции, керамика) наиболее точно соответствуют уровню археологической культуры, что делает правомерным выделение их в самостоятельную **семиреченскую культуру**, входившую в состав андроновской общности. Время её существования не ограничивается рамками развитой бронзы. Отдельные памятники, возможно, существовали и позднее.

Статистический анализ могильников позволил выделить в общем массиве две группы памятников: 1 — предгорные и 2 — высокогорные.

Для предгорных некрополей (могильники Каракудук, Мыншункыр и др.) характерно разнообразие типов оград (7 типов) и погребальных конструкций (27 типов), при сооружении которых использовался камень (плиты, валуны). Среди погребальных конструкций преобладают различные варианты ящиков (67,0%), встречаются цисты из плит и валунов и смешанные конструкции — ящички-цисты.

Высокогорные могильники (Айдахар, Саты, Узынбулак) отличаются большой стандартизацией признаков: здесь сооружались только ограды двух типов: 1 — прямоугольные (индивидуальные) и 2 — коридорообразные, разделённые на отдельные отсеки (групповые). Внутримогильные конструкции представлены бревенчатыми рамами в один венец, уложенными на дно грунтовых ям и перекрытыми плахами.

Для памятников обеих групп характерна неорнаментированная керамика двух типов:

1 — с плавной профилировкой тулова и 2 — с уступом.

Происхождение комплексов семиреченской культуры связано с развитием автохтонных традиций предшествующих периодов.

Смешанного типа памятники (могильник Капал) отличаются сочетанием семиреченских и алакульских черт. Появление подобных комплексов связано с проникновением отдельных

небольших групп алакульского населения из Южного или Центрального Казахстана в XV–XIII вв. до н.э. Наличие смешанного типа памятников, где встречается семиреченская и алакульская керамика, подтверждает правомерность выделения семиреченской культуры, которая сформировалась на местной основе, а отнюдь не в результате миксирования алакульских и фёдоровских традиций. Алакульские племена не имели формирующего значения в истории племён эпохи бронзы Жетысу.

Историко-культурные процессы в данном регионе протекали под гораздо более явным воздействием восточных фёдоровских племён, что отразилось в появлении общих сходных элементов в погребальных конструкциях, украшениях, керамике. Связи эти были настолько тесные, что позволяют говорить об этнокультурном единстве Алтая и Жетысу на определённом этапе исторического развития. В этом Алтае-Семиреченском регионе происходило становление сейминско-турбинского культурного феномена, здесь локализовался его исходный металлургический очаг и вырабатывались основные элементы производящего скотоводческого, преимущественно коневодческого хозяйства.

В этом же регионе происходило формирование фёдоровских традиций, генезис которых имеет общую с сеймино-турбинцами основу. Ста-

новление обеих традиций происходило в один и тот же хронологический период, что, в определённой степени, документируется находкой в семиреченском могильнике Мыншункыр украшения, в котором сочетаются фёдоровские и сейминско-турбинские черты (серьги фёдоровского типа с раструбом, украшенные фигурками двух коней, выполненных в сейминско-турбинском стиле).

В XIII в. до н.э. начинается миграция позднефёдоровских племён, маркированная появлением таких могильников, как Жыланды и Теренозек. Позднефёдоровские племена занимают экологические ниши (предгорные и высокогорные зоны), в которых обитали носители семиреченской культуры, что объясняется близостью их хозяйственно-культурных типов. Этот процесс привёл в движение семиреченцев, которые в поисках незанятых территорий, сходных по своим природным условиям с прежними местами обитания, проникают на юг — в Таджикистан, Пакистан и, по-видимому, в Синьцзян. В северных районах Пакистана и Бактрии они приняли участие в сложении культуры Свата и бишкентской культуры.

В период поздней бронзы XIII (XII)–X вв. до н.э., на рубеже II–I тыс. до н.э., в результате смены климатического режима в аридной зоне происходят глобальные изменения культурного и экономического по-

рядка. Трансформация условий среды обитания привела к появлению новых форм хозяйственной адаптации — к сложению полукочевого и кочевого типа скотоводства и активному освоению новых территорий.

В этот период усиливаются связи с Центральным Казахстаном. Перемещение бегазинских и саргаринско-алексеевских племен из центральных районов Казахстана имело формирующее влияние на развитие эпохи бронзы в Жетысу. Именно с этими племенами Центрального Казахстана следует связывать включение Жетысу в общность культур валиковой керамики и широкое освоение местной рудной базы, появление многочисленных кладов металлических предметов.

Сравнительно-типологический анализ и картографирование бронзовых изделий позволили определить их ареал и культурную принадлежность. В результате выявлено 3 группы предметов:

1 группа — изделия, имеющие широкий географический диапазон, связанные с ареалом культур валиковой керамики (ножи-кинжалы с кольцевым упором, бритвы, серпы-косари, втульчатые долота, тёсла и др.).

2 группа — изделия, характерные для Восточного очага андроновской общности и Средней Азии (вислообушные топоры с гребнем и валиком вокруг втулки, тёсла с уступом, ножи с обособленной рукоятью, кельты-лопатки, серпы с закраинами и др.).

3 группа — изделия, характерные для семиреченского очага (молотки кельтообразные, серпы с закраинами и черешком, серги с раструбом, украшенные фигурками коней и др.).

Первоначальный импульс при становлении семиреченского очага происходил из сейминско-турбинского очага, с которым связано происхождение отдельных типов предметов (кельты-лопатки, традиция украшения изделий фигурками лошадей).

Дальнейшее развитие семиреченского очага было обусловлено влиянием фёдоровской металлообрабатывающей традиции, которое особенно проявилось в эпоху поздней бронзы. С этим влиянием связано распространение таких форм, как вислообушные топоры с валиком вокруг втулки, серпы с закраинами, ножи с перекрестием, серги с раструбом. В результате их модификации появились изделия, специфичные для Жетысу которые составили третью группу.

С продвижением в Жетысу в эпоху поздней бронзы племён из Центрального Казахстана связан новый этап в развитии местного очага. В этот период семиреченская металлообработка достигает своего расцвета. Семиреченские клады датируются временем XII–IX (VIII) вв. до н.э., среди них наиболее молодыми являются Андреевский, у с. Садовое и Сукулук-I, которые следует относить к X–IX (VIII) вв. до н.э.

В конце эпохи бронзы стала использоваться местная рудная база, о чем свидетельствуют следы древних разработок на месторождениях меди юго-западной части Илейского Алатау (Киндыктас, Шатырколь), в Шу-Илейских горах, Жетысуском Алатау и в районе хребта Кетмень. Добыча касситерита производилась на северо-востоке Кыргызстана в районе Сары-Джаза и Саткала. Эти данные позволяют предполагать существование в Жетысу не только очага металлообработки, но и металлургического очага.

Конец эпохи бронзы — это период активных интеграционных процессов. В Жетысу на этом этапе начинает проявляться влияние карасукского и ирменского населения Южной Сибири. Взаимодействие инноваций, привнесённых саргаринско-алексеевским и бегазинским населением Центрального Казахстана, а также южносибирских инокультурных проявлений с традициями местного населения привело к формированию в Жетысу новой культуры финальной бронзы — **буйенской (X–IX (VIII) вв. до н.э.)**. Эта культура носит явно синкретический характер. Буйенские погребальные памятники также отличаются особой близостью синхронным погребальным комплексам Ферганы (могильники Вуадиль, Карамкуль), что, вероятно, отражает существование определённого единства этих двух регионов. В финальную бронзу складываются тесные

культурно-территориальные контакты между скотоводческими племенами Жетысу и земледельческими Средней Азии, например, с Чустом, проявившиеся в распространении крашеной и станковой посуды на памятниках Жетысу (могильник Буйен-13, поселения Буйен и Теренкара). Эта система связей, возникшая в конце эпохи бронзы, получила своё дальнейшее развитие в последующие эпохи и оказала влияние на протекавшие в этом регионе культурно-исторические процессы.

В период финальной бронзы формируются новые элементы в культуре и экономике, проявившиеся с особой силой на следующем историческом этапе — в эпоху ранних кочевников. В области культуры складываются основные черты будущей сакской культуры, а в области экономики происходит становление полукочевого типа скотоводческого хозяйства, сочетающегося с богарным земледелием. Вертикально-зональный или горно-кочевой способ выпаса скота возникает на ранних этапах эпохи бронзы в результате постепенной трансформации хозяйственно-культурного типа под воздействием причин эндогенного порядка и был детерминирован, прежде всего, экологическими условиями среды обитания.

В недрах эпохи бронзы вызревали традиции, давшие начало яркой самобытной культуре ранних кочевников раннего железного века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абетеков А.** Погребения эпохи бронзы могильника Тегирмен-сай // КСИА. - 1963. - Вып. 93.
- Аболин Р.И.** От пустынных степей Прибалхашья до снежных вершин Хантенгри. Ч. 1. Геоботаническое и почвенное описание южной части Алматинского округа Казакской АССР. // Тр. Института почвоведения и геоботаники Средне-Азиатского госуниверситета. - Л., 1930. - Вып. 5.
- Аванесова Н.А.** Серьги и височные подвески андроновской культуры // Первобытная археология Сибири. - Л., 1975.
- Аванесова Н.А.** К вопросу о вислообушных топорах андроновского культурного массива // Тр. СамГУ, новая серия. - Самарканд, 1978. - Вып. 348.
- Аванесова Н.А.** Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). - Ташкент, 1991.
- Агапов С.А.** Металл степной зоны Евразии в конце бронзового века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1990.
- Агапов С.А., Васильев И.Б.** Новые поселения срубной культуры в Куйбышевском Заволжье // Очерки истории и культуры Поволжья. - Куйбышев, 1976.
- Агеева Е.И.** Керамика Отрара (по материалам ЮКАЭ 1948 г.) // Изв. АН КазССР. Сер. археол. - 1951. - Вып. 3.
- Агеева Е.И.** Отчёт Семиреченской археологической экспедиции 1956 г. // Рукописный архив ИА НАН РК, ф. 2., д. 313.
- Агеева Е.И.** К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области // Тр. ИИАЭ АН КазССР. - 1961. - Т. 12.
- Агеева Е.И., Акишев К.А.** Археологические исследования Института истории в 1954 г. // ВАН. - 1954. - № 11 (116).
- Агеева Е.И., Пацевич Г.И.** Отчёт о работах ЮКАЭ 1953 г. // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Археология. - 1956. - Т. 1.
- Акишев К.А.** Отчёт о работе Илийской археологической экспедиции 1954 г. // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Археология. - 1956. - Т. 1.
- Акишев К.А.** Зимовки-поселения и жилища древних усуней // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. - 1969. - № 1.
- Акишев К.А.** К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. - Алма-Ата, 1972.
- Акишев К.А.** Древние кочевники и мировая цивилизация: генезис, проблемы, перспектива // ВАН. - 1991. - № 10.
- Акишев К.А., Агеева Е.И.** Археологические работы 1956 г. // Изв. АН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии. - 1958. - Вып. 1 (6).

Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. - Алма-Ата, 1963.

Акишев К.А., Акишев А.К. Проблемы хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. - Алма-Ата, 1978.

Акишев К.А., Акишев А.К., Нурмуханбетов Б.Н. Отчёт о работе САЭ в 1980 г. // Рукописный архив ИА НАН РК, ф. 1.

Акишев К.А., Акишев А.К., Нурмуханбетов Б.Н. Отчёт о работе САЭ в 1981г. // Рукописный архив ИА НАН РК, ф. 1.

Акишев К.А., Акишев А.К., Нурмуханбетов Б.Н. Отчёт о работе САЭ в 1982г. // Рукописный архив ИА НАН РК, ф. 1.

Акишев К.А., Акишев А.К., Нурмуханбетов Б.Н. Отчёт о работе САЭ в 1983 г. // Рукописный архив ИА НАН РК, ф. 1.

Акишев К.А., Нурмуханбетов Б.Н., Калиева А. Работы САЭ в Восточном Семиречье в 1979 г. // Рукописный архив ИА НАН РК, ф. 1.

Алёкшин В.А. Культурные контакты древних племен Средней Азии (неолит-эпоха бронзы) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. - Алма-Ата, 1989.

Алма-Ата. Энциклопедия. - Алма-Ата, 1983.

Арешян Г.Е. Роль неоседлых скотоводов в развитии цивилизации Евразии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. - Алма-Ата, 1989.

Арсланова Ф.Х. Некоторые памятники бронзового века Верхнего Прииртышья // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. - Алма-Ата, 1980.

Арсланова Ф.Х. К датировке металлических изделий эпохи бронзы Казахского Прииртышья // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. - Алма-Ата, 1980.

Арсланова Ф.Х. Археологические находки в Казахстане // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск, 1983.

Археологическая карта Казахстана. - Алма-Ата, 1960.

Археологические памятники Таласской долины. - Фрунзе, 1963.

Археологические памятники Присыккуля. - Фрунзе, 1963.

Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. - Алма-Ата, 1987.

Аскарлов А. Памятники андроновской культуры в низовьях Заравшана // ИМКУ. - Ташкент, 1962. - Вып. 3.

Аскарлов А. Археологическая поездка в северо-западную часть Каршинской степи // ИМКУ. - Ташкент, 1964. - Вып. 5.

Аскарлов А. Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде // ИМКУ. - Ташкент, 1969. - Вып. 8.

Аскарлов А. Могильник эпохи бронзы в Муминабаде // КСИА. - 1970. - Вып. 122.

Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. - Ташкент, 1977.

- Ахинжанов С.М., Акишев А.К.** Могильник Куюкты — новый памятник эпохи бронзы // Изв. АН КазССР. Сер. общ. наук. - 1979. - Вып. 2.
- Бабаев А.** Могильники Западного Памира эпохи поздней бронзы и их связь с религиозными верованиями местных племён // Инф. бюлл. МАИКЦА. - М., 1988. - Вып. 15.
- Бадер О.Н.** Древнейшие металлурги Приуралья. - М., 1964.
- Бадер О.Н.** Бассейн Оки в эпоху бронзы. - М., 1970.
- Бадер О.Н.** Бронзовый нож из Сеймы с лошадыми на навершии // КСИА. - 1971. - Вып. 127.
- Барминцев Ю.Н.** Эволюция конских пород в Казахстане. - Алма-Ата, 1958.
- Бартольд В.В.** Отчёт о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894гг. - СПб., 1897.
- Березанская С.С.** Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. - Киев, 1990.
- Бернштам А.Н.** Археологический очерк Северной Киргизии // Материалы и исследования по истории киргиз и Киргизстана. - Фрунзе, 1941.
- Бернштам А.Н.** Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. - Фрунзе, 1943.
- Бернштам А.Н.** Некоторые итоги археологических работ в Семиречье // КСИИМК. - 1946. - Вып. XIII.
- Бернштам А.Н.** Прошлое района Алма-Ата (Историко-археологический очерк). - Алма-Ата, 1948.
- Бернштам А.Н.** Памятники старины Алма-Атинской области (По материалам экспедиции 1939 г.). - Алма-Ата, 1948.
- Бернштам А.Н.** Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // СА. - 1949. - № 11.
- Бернштам А.Н.** Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина» // МИА. - 1950. - № 14.
- Бернштам А.Н.** Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. - 1952. - № 26.
- Бочкарёв В.С.** Кімерійські казани // Археологія. - Киев, 1972. - Вип. 5.
- Вадецкая Э.Б.** О культе головы по древним погребениям Минусинских степей // Духовная культура народов Сибири. - Томск, 1980.
- Валиханов Ч.Ч.** Сочинения. - Алма-Ата, 1961. - Т. 1.
- Валукинский Н.В.** Древнее производство меди в районе Джекказгана // Изв. АН КазССР. Серия археологии. - 1948. - Вып. 1.
- Варфоломеев В.В.** Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. - Караганда, 1987.
- Варфоломеев В.В.** О культурной принадлежности памятников с валиковой керамикой Сары-Арки // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. - Челябинск, 1988.
- Винник Д.Ф., Кузьмина Е.Е.** Второй Каракольский клад Киргизии // КСИА. - 1981. - Вып. 167.

Виноградов А.В. Археологическая разведка в районе Аральска — Саксаульской в 1955 г. // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Археология. - 1959. - Т. 7.

Виноградов В.Б., Дударев С.А. Клад бронзовых предметов из с. Советское (Чечено-Ингушетия) // СА. - 1977. - № 1.

Виноградова Н., Пьянкова Л. Могильник Кумсай в Южном Таджикистане // Инф. бюлл. МАИКЦА. - М., 1990. - Вып. 17.

Виноградова Н.М., Пьянкова Л.Т. Работы в Гиссарской долине в 1977 г. // Археологические работы в Таджикистане. - Душанбе, 1983. - Вып. XVII.

Вишневская О.А. Культура сакских племён низовьев Сыр-Дарьи в VII—V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака). - М., 1973.

Воронец М.Э. Отчёт археологической экспедиции Музея истории АН Узбекской ССР о раскопках погребальных курганов первых веков н.э. возле станции Вревская в 1947 г. // Тр. Музея истории народов Узбекистана. - Ташкент, 1951. - Вып. 1.

Галочкина Н.Г. Новые данные об исследовании памятников эпохи бронзы // Кетмень-Тюбе. Археология и история. - Фрунзе, 1977.

Галочкина Н.Г. Соотношение памятников эпохи бронзы Киргизии с памятниками сопредельных территорий Средней Азии и Казахстана // Культура и искусство Киргизии: тез. докл. Всесоюз. научн. конф. - Л., 1983. - Вып. 1.

Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине // КСИИМК. - 1956. - Вып. 63.

Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины // СА. - 1957. - № 3.

Генинг В.Ф., Борзунов В.А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // ВАУ. - 1975. - Вып. 13.

Гликман Л.С., Мелентьев А.Н. Стоянка эпохи бронзы у станицы Саксаульской // КСИА. - 1968. - Вып. 114.

Городецкий В.Д. К археологии Чимкентского уезда // ИТОРГО. Ташкент, 1922. - Т. XV.

Городецкий В.Д. Древности Семиреченской (Джетысуйской) области 1924 г. // Рукописный архив ИА НАН РК, ф. 2, д. 2.

Городцов В.А. Культура бронзовой эпохи в Средней России // Отчёт Императорского музея в Москве. - М., 1915.

Граков Б.Н. Ранний железный век. — М., 1977.

Граменицкий С.М. Инструкция для членов-корреспондентов Туркестанского кружка любителей археологии // НТК-ЛА. - 1886. - Вып 1.

Григорьев Г.В. Келесская степь в археологическом отношении (К истории культуры древних саков) // Изв. АН КазССР. Сер. археол. - 1948. - Вып. 1.

Григорьев Ф.П. Археологические раскопки памятников г. Алма-Аты в 1985 г. // Рукописный архив ИА НАН РК, ф. 1.

Григорьев Ф.П. Исследования памятников археологии г. Алма-Аты и её пригородов в 1987 г. (Отчёт) // Рукописный архив ИА НАН РК, ф. 1.

- Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы // САИ. - 1971. - Вып. ВЗ-12.
- Гришин Ю.С., Тихонов Б.Г. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа // МИА. - 1960. - № 90.
- Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки. - Л., 1927. - Вып. 2.
- Грязнов М.П. Казахстанский очаг бронзовой культуры // Казаки. - Л., 1930. - Т. III, вып. 15.
- Древняя бронза Минусинских степей // Труды отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. - 1941. - Т. 1.
- Грязнов М.П. История древних племён Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. - 1956. - № 48.
- Гулямов Я.Г. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса // Тр. ИИА АН УзССР. - 1956. - Вып. VIII.
- Дегтярёва А.Д. Металлообработка в эпоху поздней бронзы на территории Семиречья // Вестник МГУ. Сер. 8. История. - 1985а. - № 3.
- Дегтярёва А.Д. Металлообрабатывающее производство Казахстана и Киргизии в эпоху поздней бронзы (XII–IX вв. до н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1985б.
- Дергачёв В.А. Бронзовые предметы XIII–VIII вв. до н.э. из Днестровско-Прутского междуречья. - Кишинёв, 1975.
- Джусупов А. Орудия эпохи бронзы из случайных находок в окрестностях Алма-Аты // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Археология. - 1956. - Т. 1.
- Доклады ИАК за 1882–1888 гг. - СПб., 1891.
- Древности Чарвака. - Ташкент, 1976.
- Дрёмов В.А. Антропологические данные о южных связях населения Сибири в эпохи неолита и бронзы // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: тез. докл. и сообщ. к научн. конф. - Барнаул, 1988.
- Дуке Х. Новая стоянка эпохи бронзы в Ташкентской области // ИМКУ. - 1979. - Вып. 15.
- Евдокимов В.В. Хронология и периодизация памятников эпохи бронзы Кустанайского Притоболья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск, 1983.
- Ермолаева А.С. Измайловский погребальный комплекс переходного периода от бронзы к раннему железу из Восточно-Казахстанского Прииртышья // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск, 1986.
- Жилинский Г.Б. Оловоносность Центрального Казахстана. - Алма-Ата, 1959.
- Жолдасбаев С.Ж. Зимовки-поселения и жилища казахов Семиречья (XVI–XIX вв.) // Взаимодействие кочевых культур и древнейших цивилизаций: тез. докл. и сообщ. к научн. конф. - Алма-Ата, 1989.
- Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. - 1962. - № 118.
- Зданович Г.Б. Новое поселение эпохи бронзы в Северном Казахстане // По

следам древних культур Казахстана. - Алма-Ата, 1970.

Зданович Г.Б. Стратиграфия поселения Новоникольское-1 // Археологические исследования в Казахстане. - Алма-Ата, 1973.

Зданович Г.Б. Поселение Явленка-I — памятник эпохи бронзы Северного Казахстана // Из истории Сибири. - Томск, 1973. - Вып. 7.

Зданович Г.Б. Раннеалакульский погребальный комплекс у с. Кенес // Вопросы истории, языка и литературы. - Караганда, 1976.

Зданович Г.Б. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1975.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). - Свердловск, 1988.

Зданович Г.Б. К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве // КСИА. - 1984. - Вып. 177.

Зданович Г.Б. Феномен протоцивилизации бронзового века Урало-Казахстанских степей. Культурная и социально-экономическая обусловленность // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. - Алма-Ата, 1989.

Зданович С.Я. Культура финальной бронзы Северного Казахстана // Сборник научных трудов по гуманитарным наукам. — Караганда, 1974.

Зданович С.Я. Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане: автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1979.

Зимма Б.М. Очаг андроновской культуры в Северной Киргизии // ТИЯЛИ Кирг. ФАН СССР. - Фрунзе, 1948. - Вып. II.

Зяблин А.П. Карасукский могильник Малые Копены 3. - М., 1977.

Иванов П.П. К истории развития горного промысла в Средней Азии. - Л., 1932.

Иванов П.П. Материалы по археологии котловины Иссык-Куля // Тр. ИИ АН КиргССР. - Фрунзе, 1957. - Вып III.

Иессен А.А. К хронологии «больших» кубанских курганов // СА. - 1950. - № XII.

Илийская долина, её природа и ресурсы. - Алма-Ата, 1963.

Исаков А.И., Потёмкина Т.М. Могильник племён эпохи бронзы в Таджикистане // СА. - 1989. - № 1.

История Казахстана с древнейших времен до наших дней: в 4-х томах. Казахстан от эпохи палеолита до позднего средневековья. - Алматы, 1996. — Т. 1.

Итина М.А. Могильник бронзового века Кокча-3 // МХЭ. - 1961. - Вып.5.

Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья. - М., 1977.

Кадырбаев М.К. Акмола — памятник андроновской культуры // Культура древних земледельцев и скотоводов Казахстана. - Алма-Ата, 1969.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. - Алма-Ата, 1992.

Казахстан. Природные условия и естественные ресурсы СССР. - М., 1969.

- Каленов А.Д.** Маршрутные поиски в районе Кетмень-Тюбе-Джамагал // За недра Средней Азии. - 1935. - № 17.
- Кастанье И.А.** Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Тр. ОУАК. - Оренбург, 1910. - Вып. 22.
- Кибиров А., Кожемяко П.Н.** Новые памятники эпохи бронзы // Тр. ИИ АН КиргССР. - Фрунзе, 1956.
- Кирюшин Ю.Ф.** Новые могильники ранней бронзы на верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. - Барнаул, 1987.
- Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С.** Некоторые вопросы хронологии памятников бронзового века Алтая // Маргулановские чтения. - М., 1992. - Ч. 1.
- Киселёв С.В.** Древняя история Южной Сибири // МИА. - 1949. - № 9.
- Киселёв С.В.** Неолит и бронзовый век Китая // СА. - 1960. - № 4.
- Кожемяко П.Н.** Погребения эпохи бронзы в Киргизии // Изв. АН КиргССР. Сер. общ. наук. - Фрунзе, 1960. - Т. II, вып. 3.
- Кожомбердиев И., Галочкина Н.Г.** Работы в долине Кетмень-Тюбе // АО-1968. - М., 1969.
- Кожомбердиев И., Галочкина Н.Г.** Памятники эпохи бронзы в долине Кетмень-Тюбе // Успехи среднеазиатской археологии. - Л., 1972. - Вып. 1.
- Кожомбердиев И.** Основные этапы истории культуры Кетмень-Тюбе // Кетмень-Тюбе. Археология. История. - Фрунзе, 1977.
- Кожомбердиев И.** Древности Кетмень-Тюбе. Памятники Киргизстана. - Фрунзе, 1982. - Вып. 6.
- Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е.** Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии // СА. - 1980. - № 4.
- Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е.** Шамшинский клад. По следам памятников истории и культуры Киргизстана. - Фрунзе, 1982.
- Комарова М.Н.** Томский могильник — памятник истории древних племён лесной полосы Западной Сибири // МИА. - 1952. - № 24.
- Комарова М.Н.** Памятники андроновской культуры близ улуса Орак // АСГЭ. - 1961. - Вып. 3.
- Копылов И.И.** К вопросу о составе древних бронз Семиречья // Уч. зап. АГПИ им. Абая. Сер. гуманитарных наук. - Алма-Ата, 1955. - Вып. IX.
- Копылов И.И.** Пирамидальные курганы Новоалексеевского могильника Илийской долины // Уч. зап. КазПИ им. Абая. Сер. общ.-полит. - Алма-Ата, 1958. - Т. XV(3), вып. 2.
- Косарев М.Ф.** Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. - М., 1974.
- Косарев М.Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. - М., 1981.
- Кривцова-Гракова О.А.** Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. - 1948. - Вып. XVII.
- Кривцова-Гракова О.А.** Поселение бронзового века на Белозёрском лимане // КСИИМК. — 1949. - Вып. XXVI.
- Кривцова-Гракова О.А.** Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. - 1955. - № 46.
- Крупнов Е.И.** Жемталинский клад. - М., 1952.

Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. - М., 1960.

Кузьмина Е.Е. К вопросу о некоторых типах орудий Киргизии эпохи поздней бронзы // Изв. АН КиргССР. Сер. общ. наук. - Фрунзе, 1961. - Т. III, вып. III.

Кузьмина Е.Е. Хронология некоторых кладов Семиречья // Новое в советской археологии. - М., 1965.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. - 1966. - Вып. 4-9.

Кузьмина Е.Е. Клад эпохи бронзы из Каракола // КСИА. - 1968. - Вып. 114.

Кузьмина Е.Е. Раскопки могильника Кожумберды // КСИА. - 1969. - Вып. 115.

Кузьмина Е.Е. Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы // КСИА. - 1970. - Вып. 122.

Кузьмина Е.Е. Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников андроновского типа на Урале // Проблемы археологии Урала и Сибири. - М., 1973.

Кузьмина Е.Е. Об аньянской линии синхронизации сибирских бронз // Из истории Сибири. - Томск, 1973. - Вып. 7.

Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. - Фрунзе, 1986.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племён андроновской общности и происхождение индоиранцев: автореф. дис. ... докт. ист. наук. - Новосибирск, 1988.

Кузьмина Е.Е. Культура и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы // ВДИ. - 1988. - № 2.

Кузьмина Е.Е., Мокрынин В.П. Новая стоянка эпохи бронзы в Киргизии и проблема заселения Семиречья андроновскими племенами // Из истории дореволюционного Киргизстана. - Фрунзе, 1985.

Кушаев Г.А. Отчёт о полевых исследованиях Алакульского отряда САЭ за 1964 г. // Рукописный архив ИА НАН РК, ф. 2, д. 213.

Кушаев Г.А. Ранние погребения Алакульской впадины // Новое в археологии Казахстана. - Алма-Ата, 1968.

Лев Д.Н. Погребение бронзовой эпохи близ г. Самарканда // КСИА. - 1966. - Вып. 108.

Левитский А.П. О древних рудниках. - М.-Л., 1941.

Литвинский Б.А. Даханинский могильник эпохи бронзы в Западной Фергане // КСИИМК. - 1960. - Вып. 80.

Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». - М., 1972.

Литвинский Б.А. Погребальные сооружения и погребальная практика в Парфии (К вопросу о парфяно-бактрийских соответствиях) // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. - М., 1983.

Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов. - Душанбе, 1962.

Лыкошин Н.С. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка

любителей археологии // ПТКЛА. - Ташкент, 1896. - Т. I.

Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. - Караганда, 1987.

Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до утверждения Туркестанского кружка любителей археологии // ПТКЛА, год 1, 1895–1896. Ташкент. Приложение. Среднеазиатский вестник. - 1896. - VII — с. 1–3, IX — с. 1–26.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. - Л., 1978.

Максимова А.Г. Эпоха бронзы Восточного Казахстана // Тр. ИИАЭ АН КазССР. - 1959. - Т. 7.

Максимова А.Г. Описи коллекций Музея антропологии и этнографии (г. Ленинград) // Рукописный архив ИА НАН РК, ф. 1, д. 78.

Максимова А.Г. Могильник эпохи бронзы в урочище Каракудук // Тр. ИИАЭ АН КазССР. - 1961. - Т. 12.

Максимова А.Г. Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-Тары // Тр. ИИАЭ АН КазССР. - 1962. - Т. 14.

Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Г.И., Левина Л.М. Древности Чардары. - Алма-Ата, 1968.

Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА. - 1968. - № 145.

Маргулан А.Х. Горное дело в Центральном Казахстане в древние и средние века // Поиски и раскопки в Казахстане. - Алма-Ата, 1972.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата, 1979.

Маргулан А.Х., Агеева Е.И. Археологические работы и находки на территории Казахской ССР (с 1926 по 1976 гг.) // Изв. АН КазССР. Сер. археологическая. - 1948. - Вып. 1.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата, 1966.

Марьяшев А.Н. Отчёт об археологической разведке и археологических раскопках на территории Алма-Атинской и Талды-Курганской областей отрядом КазПИ им. Абая в 1982 г. // Рукописный архив ИА НАН РК, ф. 1.

Марьяшев А.Н., Карабаспакова К.М. Новые памятники эпохи бронзы Восточного Семиречья // Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки. - Новосибирск, 1988.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Археологические памятники эпохи бронзы урочища Ой-Джайляу (Семиречье) // Археологические исследования в Казахстане. - Алма-Ата, 1992.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А., Потапов С.А. Памятники эпохи бронзы урочища Тамгалы // Античность и общечеловеческие ценности. - Алма-Ата, 1992. - Вып. 2.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Памятники бронзы в Семиречье // РА. - 1993а. - № 3.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Могильник эпохи бронзы Семиречья Куль-

сай-1 // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. — Алматы, 1993б.

Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е. Наскальные изображения в горах Ешкиольмес. - Алма-Ата, 1991

Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII—XIX вв. - Алма-Ата, 1984.

Массон М.Е. Из результатов поездки в долину Таласа для выяснения истории горной промышленности // Бюллетень САГУ. - Ташкент, 1930. - № 2.

Массон М.Е. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. - 1959. - № 75.

Материалы Семиреченской археологической экспедиции в 1956 г. // Рукописный архив ИА НАН РК, ф. 1, д. 37.

Материалы Илийской археологической экспедиции 1957 г. // Рукописный архив ИА НАН РК, ф. 1, д. 29.

Материалы ЮКАЭ 1957 г. // Рукописный архив ИА НАН РК, ф. 1, д. 26.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век) // Из истории Сибири. - Томск, 1973. - Ч. 1, вып. IX.

Матющенко В.И., Ложникова Г.В. Раскопки могильника у д. Ростовка близ Омска в 1966–1969 гг. // Из истории Сибири. - Томск, 1969. - Вып. 2.

Медведская И.Н. Конский убор из могильника Сиалк В // Iranica Antiqua. - 1983. - Vol. XVIII.

Медведский И.Н. Внутренняя киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении // ЖМГИ. - 1862. - Ч. 80.

Мерперт Н.Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. - 1958. - № 61.

Мерперт Н.Я. Сабанчевский клад // МИА. - 1965. - № 130.

Мерперт Н.Я. О луристанских элементах в кладе из Сосновой мазы // КСИА. - 1966. - Вып. 108.

Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. - М., 1974.

Михайлов Ю.И. Собака в ритуальной практике андроновского населения // Маргулановские чтения: сб. матер. конф. - М., 1992. - Ч. 1.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. - Новосибирск, 1985.

Мордкович В.Г. Степные экосистемы. - Новосибирск, 1982.

Мотов Ю.А., Рогожинский А.Е. Отчёт Майбулакского отряда Алмаатинской Новостроечной экспедиции ИИАЭ АН КазССР об археологических работах в урочищах Майбулак и Тамгалы Джамбульского района Алма-Атинской области в 1987 г. Алма-Ата, 1988 // Рукописный архив ИА НАН РК, ф. 1.

Мотов Ю.А., Рогожинский А.Е. Отчёт Майбулакского отряда Алмаатинской Новостроечной экспедиции ИИАЭ АН КазССР об археологических работах в урочищах Майбулак и Тамгалы Джамбульского района Алма-Атинской области в 1988 г. Алма-Ата, 1989 // Рукописный архив ИА НАН РК, ф. 1.

Мотов Ю.А., Рогожинский А.Е. Отчёт Майбулакского отряда Алмаатинской Новостроечной экспедиции ИИАЭ АН

КазССР об археологических работах в урочищах Майбулак и Тамгалы Джамбульского района Алма-Атинской области в 1989 г. Алма-Ата, 1990 // Рукописный архив ИА НАН РК, ф. 1.

Мошинская В.И. Баландинский клад бронзовых инструментов // КСИИМК. - 1957. - Вып. 67.

Мушкетов Д.И. Геологический очерк Туркестана. - Л., 1928.

Нечитайло А.А. Раскопки курганов у станции Суворовская // АО-1966. - М., 1967.

Нифонтова Л.К. Последние археологические поступления в Центральный государственный музей Казахской ССР // Изв. АН КазССР. Сер. археол. - 1948. - Вып. 1.

Новгородова Э.А. Локальные группы карасукской культуры (анализ украшений) // Уч. зап. Московского обл. пединститута. - М., 1963. - Т. СXXXIII.

Нурмуханбетов Б.Н. Отчёт Алма-Атинской археологической экспедиции за 1984 г. Алма-Ата, 1985 // Рукописный архив ИА НАН РК, ф. 1.

Нурпеисов М.М., Мотов Ю.А. Отчёт археологического отряда Центрального государственного музея Алма-Атинской Новостроечной экспедиции в 1986 г. // Рукописный архив ИА НАН РК, ф. 1.

Оболдуева Т.Г. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области // КСИИМК. - 1955. - Вып. 59.

Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Тр. ИИАЭ АН КазССР. - 1958. - Т. 5.

Оразбаев А.М. Поселение Чаглинка (Шагалалы). Некоторые формы и типы жилищ // По следам древних культур Казахстана. - Алма-Ата, 1970.

Пантусов Н.Н. Археологические памятники в Семиречье и Кульджинском крае // Туркестанские ведомости. - 1879. - № 43.

Пацевич Г.И. Археологические памятники междуречья Талас-Арысь (по древним караванным путям от Тараза до Испиджаба) // Рукописный архив ИА НАН РК, ф. 2, д. 67.

Потёмкина Т.М. Алакульская культура // СА. - 1983. - № 2.

Потёмкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притобольшья. - М., 1985.

Пьянкова А.Т. Раскопки на поселении бронзового века Тегузак в 1979 г. // АРТ (1979 г.). - Душанбе, 1986. - Вып. XIX.

Радлов В.В. Сибирские древности. - СПб., 1896. - Т. 1, вып. 3. - Материалы по археологии России. - Вып. 15.

Рахимов С. Памятник андроновской культуры Каменка II // ИМКУ. - Ташкент, 1965. - Вып. 6.

Рахимов С. Стоянка эпохи бронзы Серкали // ОНУ. - Ташкент, 1970. - № 6.

Рогожинский А.Е. Отчёт об археологических исследованиях и паспортизации в Кызыл-Ординской и Алма-Атинской областях в 1990 г. археологической экспедицией Целиноградского госпединститута им. Сейфуллина. Целиноград, 1991 // Рукописный архив ИА НАН РК, ф. 1.

- Рыков П.С.** Отчёт о работе в совхозе «Гигант» (Караганда) // ИГАИМК. - 1935. - Вып. 10.
- Рычков Н.А.** Оценка представительности и характера распределения признаков погребальных памятников // Методологические и методические вопросы археологии. - Киев, 1982.
- Сальников К.В.** К вопросу о древней металлургии в Зауралье // КСИИМК. - 1949. - Вып. 29.
- Сальников К.В.** Кельты Зауралья и Южного Урала // МИА. - 1965. - № 130.
- Сальников К.В.** Очерки древней истории Южного Урала. - М., 1967.
- Сатпаев К.И.** О развитии цветной и чёрной металлургии в районе Карагандинского бассейна // Народное хозяйство Казахстана. — 1929. - № 6-7.
- Сафронов В.А.** Некоторые вопросы хронологии среднебронзового века Восточной Европы // III Международный конгресс доисториков и протоисториков: докл. и сообщ. археологов СССР. - М., 1966.
- Сафронов В.А.** Хронология памятников II тыс. до н.э. юга Восточной Европы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1970.
- Селевин В.А.** Введение в естественно-историческое изучение Бетпак-Дала // Тр. САГУ. Сер. XII-а. География. - Ташкент, 1935. - Вып. 12.
- Селиванов А.В.** Древности Иссык-Кульской котловины // Археологические известия и заметки. - СПб., 1896.
- Сообщение о раскопках В.В. Радлова в Семиреченской и Капальской об-
ластях и в районе г. Верного // ОАК за 1862 г. - СПб., 1863.**
- Сорокин В.С.** Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане // МИА. - 1962. - № 120.
- Сорокин В.С.** Андроновская культура // САИ. - 1966. - Вып. В 3-2.
- Спришевский В.И.** Каталог археологических материалов эпохи камня и бронзы. - Ташкент, 1974.
- Средняя Азия в эпоху камня и бронзы.** - М.-Л., 1966.
- Стоколос В.С.** Культура населения бронзового века Южного Зауралья. - М., 1972.
- Сургай В.Т.** К истории горного промысла Киргизии. - Фрунзе, 1951.
- Тереножкин А.И.** Археологические разведки по реке Чу в 1929 г. // ПИДО. - М.-Л., 1935. - № 5-6
- Тереножкин А.И.** Киммерийцы. - Киев, 1976.
- Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н.** Скифский курганный могильник Гайманово поле (раскопки 1968 г.) // Скифы и сарматы. - Киев, 1977.
- Тихонов Б.Г.** Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Прикамье // МИА. - 1960. - № 90.
- Ткачёв А.А.** Культура населения Центрального Казахстана в эпоху развитой бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1991.
- Ткачёв А.А.** К проблеме алакульско-фёдоровских контактов // Маргулановские чтения: сб. матер. конф. - М., 1992. - Ч. 1.

- Толстов С.П.** Отчёт о работах ХАЭЭ АН КазССР в бассейне древнего русла Жаны-Дарьи (Кзыл-Ординская обл., 1958 г.) // Рукописный архив ИА НАН РК, ф. 2, д. 27.
- Толстов С.П.** Приаральские скифы и Хорезм (К истории заселения и освоения древней дельты Сыр-Дарьи) // СЭ. - 1961. - № 4.
- Толстов С.П.** Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сыр-Дарьи // СА. - 1962. - № 4.
- Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А.** Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958–1960 гг. // МХЭ. - М., 1963. - Вып. 6.
- Толстов С.П., Итина М.А.** Могильник Тагискен (В связи с вопросом о происхождении скифской культуры) // Тез. докл. на заседании, посв. итогам полевых исследований 1963 г. - М., 1964.
- Уманский А.П.** Новые памятники андроновской культуры на Алтае // Изв. ЛАИ КГПИ. - Кемерово, 1967. - Вып. 1.
- Фёдоров Г.Б., Полевой А.А.** Археология Румынии. - М., 1975.
- Фёдорова-Давыдова Э.А.** К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье // АЭБ. - 1964. - Т. II.
- Фёдорова-Давыдова Э.А.** К проблеме андроновской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. - М., 1973.
- Халиков А.Х.** Древняя история Среднего Поволжья. - М., 1969.
- Хлобыстин Л.П.** Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. - Л., 1976.
- Хлобыстина М.Д.** Бронзовые ножи Минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. - Л., 1962.
- Цалкин В.И.** Горные бараны Европы и Азии. - М., 1951.
- Цалкин В.И.** Древнейшие домашние животные Средней Азии // БМОИП. Отделение биологии. - 1970. - № 1-2.
- Цалкин В.И.** Фауна из раскопок андроновских памятников в Приуралье // Основные проблемы териологии. - М., 1972.
- Черников С.С.** Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. - Алма-Ата, 1949.
- Черников С.С.** Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане // КСИ-ИМК. - 1954. - Вып. 53.
- Черников С.С.** Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. - 1960. - № 88.
- Черных Е.Н.** Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. - 1970. - № 172.
- Черных Е.Н.** Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР.- М., 1976.
- Черных Е.Н.** Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск, 1983.
- Черных Е.Н.** Общность культур валиковой керамики Евразии (к постановке проблемы) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. - М., 1984.

- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.** Древняя металлургия Северной Евразии. - М., 1989.
- Членова Н.А.** О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири // СА. - 1955. - XXIII.
- Членова Н.А.** Хронология памятников карасукской эпохи. - М., 1972.
- Членова Н.А.** Связи культур Западной Сибири и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы Западной Сибирской археологии. Эпоха железа. - Новосибирск, 1981.
- Чупахин В.М.** Физическая география Казахстана. - Алма-Ата, 1968.
- Чупахин В.М.** Физическая география Тянь-Шаня. - Алма-Ата, 1964.
- Чупахин В.М.** Природное районирование Казахстана. - Алма-Ата, 1970.
- Шнитников В.Н.** Джетысу (Семиречье). Естественно-историческое описание края. - Ташкент, 1925. - IV.
- Arandjelovic-Garasanin D.** Starcevska kultura. - Ljubljana, 1954.
- Castaldi E.** La necropoli di Katelai i nello Swat (Pakistan). - Roma, 1968.
- Contenau S., Ghrishman R.** Fouilles du Tépé-Giyan pres de Néhavend 1931 et 1932 // Musée du Louvre. Département des antiquités orientales. Série archéologique. — Paris, 1953. - Т. III.
- Ebert M.** Reallexicon der Vorgeschichte. — Berlin, 1929.
- Filimon A.** Le deport en bronze de Suseni, Dacia. - 1924. - № 1.
- Ghrishman R.** Fouilles de Sialk pres du Kashan 1933, 1934, 1937 // Musée du Louvre. Département des antiquités orientales. Série archéologique. — Paris, 1939. - Т. V, vol. II.
- Müller-Karpe H.** Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und Alpen. - Berlin, 1959.
- Müller-Karpe H.** Jungbronzezeitlich-früheisenzeitliche Gräberfelder der Swat-Kultur in Nord-Pakistan. - München, 1983.
- Pumpelly R.** Explorations in Turkestan. - Washington, 1908.
- Tallgren A.M.** Die Kupfer-und Bronzezeit in Nord-und Ostrussland. - Helsingfors, 1911.
- Tallgren A.M.** Collection Tovostine. - Helsingfors, 1917.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия

БМОИП — Бюллетень Московского общества испытателей природы

ВАН — Вестник Академии наук Казахской ССР

ВАУ — Вопросы археологии Урала

ЖМГИ — Журнал Министерства государственного имущества

ИАК — Императорская археологическая комиссия

ИА НАН РК — Институт археологии им. А.Х. Маргулана Национальной академии наук Республики Казахстан

ИИАН — Институт истории Академии наук Киргизской ССР

ИИАЭ АН КазССР — Институт истории, археологии и этнографии Академии Наук Казахской ССР

ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана

ИТОРГО — Известия Туркестанского отдела Российского географического Общества

КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР

МАИКЦА — Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

МХЭ — Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции

ОАК — Отчёты Археологической Комиссии

ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ

ПТКЛА — Протоколы Туркестанского Клуба любителей археологии

РА — Российская археология

СА — Советская археология

САИ — Свод археологических источников

САРГРУ — Среднеазиатское районное геолого-разведочное управление

САЭ — Семиреченская археологическая экспедиция

СЭ — Советская этнография

Тр. ИИ АН КиргССР — Труды института истории Академии наук Киргизской ССР

Тр. ИИАЭ АН КазССР — Труды института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР

Тр. ИЯЛИ КирФАН — Труды Института языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии наук СССР

Тр. ОУАК — Труды Оренбургской учёной Архивной комиссии

Тр. СГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета

Уч. зап. АГПИ — Учёные записки Алма-Атинского государственного педагогического института

Уч. зап. КазПИ — Учёные записки Казахского педагогического института

ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция

ЦГМ РК — Центральный государственный музей Республики Казахстан

ЮКАЭ — Южно-Казахстанская археологическая экспедиция

ТҮЙІН

Оңтүстік Қазақстан мен Жетісу өңірі қола дәуірінде Еуразия құрлығының екі ірі — андронов және белдеулі қыш — тарихи-мәдени қауымдастықтарына кіретін дала тайпалары мекендеген құрамдас бір бөлігі болды. Жалпы андронов қауымдастығы үш орталыққа бөлінеді: 1 — Батыс; 2 — Орталық; 3 — Шығыс. Аталмыш орталықтардың жеке дара дамуы бұлардағы экологиялық тұрақтылық пен өзіндік мәдени ортаның болуымен байланыстырылады.

Оңтүстік Қазақстан мен Жетісудің тарихи мәдени даму үрдісіне Орталық және Шығыс аймақтар өз ықпалын тигізді. Әртүрлі аймақтармен өзара сабақтастықта даму, көрші аудандардың тұрғындарымен тығыз байланыстылық, табиғи-географиялық жағдайлардың ерекшеліктері тәрізді бірқатар факторлардың әсерінен мұнда аталған екі аймақтан өзгеше, жаңа тарихи мәдени даму үрдісі пайда болды.

Оңтүстік Қазақстан Орталық Қазақстанмен тығыз байланыста болып, қола дәуірінде оның шеткі өлкелері (периферия) ретінде дамыды. Даму

үрдістерінің ұқсастықтары, негізгі тарихи белгілердің сәйкес келуі аталмыш аудандардың қола дәуіріндегі даму үрдістерінің біркелкілігіне ұйтқы болды. Бұл дәуірге тән ертеалакөл (Билікөл қорымы), алакөл, федоров (Қарасиыр қорымы), аралас таутары типтес және кейінгі қола дәуіріне жататын Түгіскен кешені типтес ескерткіштер бөлініп шығарылды.

Соңғы қола дәуірінде өлкеге отырықшы егін шаруашылығымен айналысатын Орта Азия аймағының ықпалы күшейе түсті. Осы кезден бастап Оңтүстік Қазақстан көшпелі мал шаруашылықты аймақты оңтүстіктегі егін шаруашылықты ауданмен байланыстыратын өлкеге айнала бастады.

Жетісу андронов тарихи мәдени қауымдастығының шығыс орталығының ықпал ету сферасына енді. Нақты айтқанда, аймақтың тарихи мәдени даму үрдістеріне Шығыс Қазақстан мен Алтай өлкесін мекендеген тайпалар ықпал жасады. Табиғи географиялық жағдайлардың ұқсастығы, мәдени шаруашылық дәстүрлер және бүкіл шығыс ошақтың аумағын рудамен және дайын қола бұйымдармен қамтамасыз ететін біртұтас кенді металлургиялық

базаның болуы, осының барлығы өзара жақындастыққа себеп болды.

Жетісудың археологиялық материалдарын зерттеп сараптау нәтижесінде қола дәуірінің үш кезеңі бөліп шығарылды: 1 – дамыған (орта) қола, 2 – соңғы қола, 3 – кейінгі қола.

Дамыған (орта) қола кезеңі (б.з.д. XV-XIII (XII) ғғ.) ескерткіштері екі түрге бөлінеді: жетісу түрі және аралас ескерткіштер түрі.

Жетісу түріне жататын кешендер өзінің мәдени-анықтаушы белгілері бойынша бірегей және басқа андронов мәдениеттеріне ұқсамайтын тұстарымен ерекшеленеді.

Жетісу кезеңінің ескерткіштері өзіндік мәдени белгілері бойынша (жерлеу дәстүрі, жерлеу орындарының құрылысы, қыш ыдыстары) андронов қауымдастығының құрамына кіретін жетісу мәдениетін бөліп шығаруға негіз болды. Оның мерзімі дамыған қоламен шектеліп қана қоймайды. Жекелеген ескерткіштер кейінгі кездерде де болуы мүмкін.

Қорымдарды статистикалық талдау ескерткіштерді орналасуы бойынша екі топқа: тау етегіндегі және биіктаулы деп бөлуге мүмкіндік береді.

Тау етегіндегі ескерткіштер (Қарақұдық, Мыңшұңқыр қорым-дары және т.б.) әртүрлі пішіндегі қоршаулар

(7 түрі кездеседі) және тас тақтадан тұрғызылған жерлеу құрылыстары (27 түр) түрінде кездеседі. Жерлеу құрылысының ішінде тас тақталы, цисталы және аралас түрдегі жерлеу орындары (67%) көп кездеседі.

Биіктаулы жерлерде орналасқан қорымдар (Айдахар, Саты, Ұзынбұлақ) өзіндік ерекше белгілерімен айшықталады. Мұнда тек екі жерлеу түрі, яғни, тікбұрышты (жеке жерлеулер) және бір-бірімен байланысқан бірнеше бөліктен тұратын ұзынша дәліз тәрізді (топтасқан жерлеулер) қоршаулар кездеседі. Жерлеу құрылысының ішінде бір қатар төселген бөренелер бар.

Ескерткіштердің екі түрінде де өрнексіз қыш ыдыстардың 2 түрі кездеседі: 1 – бүйірі бедерсіз тегіс көзелер. 2 – кертпішті көзелер.

Жетісу мәдениеті осының алдындағы кезеңдерде өмір сүрген автохтонды тұрғындардың қалыптасқан дәстүрлері негізінде пайда болған.

Аралас типті ескерткіштер (Қапал қорымы) жетісу және алакөл дәстүрлерінің өзара ұштасқан түрге жатады. Бұл ескерткіштер б.з.д. XV-XIII ғасырларда Оңтүстік Қазақстан мен Орталық Қазақстан жерінен келген алакөл және федоров тайпаларының шағын тобы ықпалымен қалыптасқан сыңайлы. Алакөл мен федоровтық белгілерді бойына жиған осын-

дай аралас түрдегі ескерткіштердің нақты тобының болуы тек жергілікті дәстүрлермен ғана байланысы бар жетісу тобын бөліп шығаруға тағы бір дәлел болады. Жалпы, алакөл мәдениеті қола дәуіріндегі Жетісу тайпалары мәдениетінің қалыптасу тарихында аса бір маңызды орын алмайды.

Өз кезегінде, аталмыш аймақтағы тарихи мәдени үрдістер шығыс федоров тайпаларының анағұрлым мол ықпалымен дамыды, - бұл жерлеу құрылыстарынан, әшекей бұйымдар, қыш ыдыстарының элементтерінен көрініс табады. Мұндай өзара тығыз байланысты жағдайларға қарап, Алтай мен Жетісу тұрғындары аталған кезеңде бір этномәдени бірлестікте болды деп айтуға болады. Алтай-Жетісу аймағында алғашқы метал өндіретін орындары бар, одан өндірілген өнімдерді мал шаруашылығына, оның ішінде көбінесе жылқы шаруашылығына пайдаланатын сейма-турбино мәдениетінің феномені қалыптасты.

Сонымен қатар, бұл аймақта шығу төркіні сейма-турбино мәдениетімен тамырлас федоров мәдениетінің дәстүрлері қалыптасты. Бұл екі мәдениеттің де өмір сүрген уақыттары да, орналасқан жерлері де бірдей. Мұны, бір жағынан, Жетісудағы Мыңшұңқыр қорымынан табылған бірегей әшекей де көрсете алады (фе-

доров дәстүрімен жасалған сырға сейма турбино стилінде жасалған қос ат бейнесімен көркемделген).

Б.з.д. XIII ғасырда Жыланды және Тереңөзек қорымдарын қалдырған соңғыфедоровтық тайпалардың миграциясы басталады. Соңғыфедоров тайпалары мәдени шаруашылық бағыты бойынша жетісу мәдениетінің тұрғындары орналасқан тау етегіндегі және биіктаулы алқаптарды қоныстанды. Бұл жағдай жергілікті жетісулық топтарды оңтүстікке қарай – өздерінің тұрып жатқан жерлерінің табиғи жағдайларына ұқсас Тәжікстан, Пәкстан, мүмкін, Шыңжаң тәрізді аймақтардың бос жатқан жерлеріне жылжуға итермеледі. Олар солтүстік Пәкстан мен Бактрияда Свата мәдениеті мен Бішкент мәдениетін қалыптастыруға қатысты.

Б.з.д. XIII(XII)-X ғасырлардағы кейінгі қола дәуірінде аридтық зонаның өзгеруіне байланысты барлық аймақта мәдени және экономикалық жағдайлардың барлығы өзгеріске ұшырады. Қоршаған ортаның өзгеруі жергілікті тұрғындар үрдісінде жаңа шаруашылық түрі – жартылай көшпелі, көшпелі мал шаруашылығының пайда болуына әсер етті және тұрғындарды жаңа жерлерді белсенді игеруге итермеледі.

Жетісу аймағында бұл кезең мәдениеті Орталық Қазақстанмен

тығыз байланыста өрбіді. Беғазы және сарғара алексеев тайпаларының Қазақстанның орталық аймағынан жылжып, кең таралуы қола дәуіріндегі Жетісудың даму үрдісіне әсерін тигізді. Орталық Қазақстандағы аталмыш тайпалардың Жетісумен тығыз байланыста болғандығын қыш жасаудың ұқсастығы, мол кен орындарының игерілуі және көптеген металл бұйымдардың таралуы дәлелдейді.

Қола бұйымдарға салыстырмалы-типологиялық талдау және картографиялау әдістерін қолдану арқылы олардың таралу аймағын және мәдени заттарын анықтауға мүмкіндік туды. Нәтижесінде қолданған заттардың 3 тобы анықталды.

1 топ — белдеулі қыш мәдениеті аймағымен тығыз байланыстағы үлкен географиялық аумаққа таралған бұйымдар (қанжар пышақтар, ұстаралар, орақ шалғылар, төлкелі қашаулар, шоттар (шапашот) және т.б.).

2 топ — андронов қауымдастығының шығыс орталықтары мен Орта Азияға тиесілі бұйымдар (айдарлы, төлкесін айнала жалы бар, салбыраңқы желкелі балталар, кертпешті шоттар, сабы ажыратылған пышақ, күрекше-кельттер, бедерлі орақтар және т.б.).

3 топ — Жетісуда тараған бұйымдар (кельт тәрідес балғалар, бедерлі және шыбықты орақтар, ат

бейнелерімен көркемделген әшекей сырға және т.б.).

Қорыта келгенде, Жетісудағы өзіндік мәдени орталықтың қалыптасуына әсер еткен қозғаушы күш алғашында сейма турбино мәдени үрдісі қалыптасқан аймақтан келді, оған жергілікті тұрғындар қолданылған бірқатар заттар (күрекше-кельттер, ат бейнелі әшекейлер) дәлел бола алады.

Жетісудің одан ары қарай дамуы федоровтық металл өндіруші дәстүрлермен жалғасты, бұл жағдай, әсіресе, соңғы қола дәуірінде анық байқалды. Бұған сол мәдениетпен байланысты төлкесін айнала жалы бар, салбыраңқы желкелі балталар, бедерлі орақтар, екі жүзді пышақтар, бір шеті кеңейтілген сырғалар дәлел бола алады. Нәтижесінде үшінші топты құраған бұйымдар пайда болды.

Жетісу аймағындағы жергілікті мәдени үрдістің жаңа кезеңінің басталуы соңғы қола дәуірінде Орталық Қазақстан тайпаларының осы өлкеге жылжуымен байланысты болды. Бұл кезде Жетісуың металл өңдеу өндірісі гүлдену сатысына жетті. Бұл кезеңнің Жетісу жеріндегі көмбелері жалпы алғанда б.з.д. XII-IX (VIII) ғасырлармен мерзімделеді, ал оның ішінде Андреев, Садовый және Сукулук I тәрізділері бұның кешірек сатысына, яғни б.з.д. X-IX (VIII) ғасырларға жатады.

Қола дәуірінің соңғы кезеңінде жергілікті кен орындары қолданыла бастады, оған Іле Алатауының оңтүстік батыс бөлігі (Кіндіктас, Шатыркөл), Шу Іле таулары, Жетісу Алатауы және Кетпен жотасы аудандарынан табылған ежелгі мыс өндіру ошақтарының іздері дәлел. Бұл Жетісуда тек металл өңдеудің ғана емес, металлургиялық орталықтың да болғанын дәлелдейді.

Қола дәуірінің соңы белсенді интеграциялардың уақыты болды. Осы кезеңде Жетісуға Оңтүстік Сібірдегі карасук және ирмен тайпаларының да ықпалы арта түсті. Орталық Қазақстаннан қоныс аударған сарғара алексеев және беғазы тұрғындарымен келген инновациялардың, сонымен қатар, оңтүстік сібірлік басқа мәдени дәстүрлердің жергілікті дәстүрлермен өзара бірігуі Жетісуда соңғы қола дәуіріндегі жаңа мәдениет – Бүйен мәдениетінің (б.з.д. X-IX(VIII ғғ.) қалыптасуына ықпал жасады. Бұл мәдениетке анық синкреттік сипат тән. Бүйен ескерткіштеріне осы кезеңдегі Ферғана жерлеу орындары (Буадиль, Карамкуль сынды қорымдар) үлкен ұқсастық байқатады. Қола дәуірінің аяқталар тұсында жетісулық бақташы тайпалармен, Орта Азияның егіншілік – мысалы, Чуст, – аудандарының халқы мәдени-территориялық жағынан өзара

тығыз байланысқа түсті, мұны Жетісу ескерткіштерінде (Бүйен 13 қорымы, Бүйен және Тереңқара қоныстары) кең таралған боялған ыдыстар дәлелдейді. Осы кейінгі қолада бастау алған мәдени байланыс одан ары дамып, ауданның мәдени тарихи дамуына біршама ықпал етті.

Кейінгі қола сатысында мәдениет пен экономикада жаңа элементтер пайда болды да, өз кезегінде олар келесі кезең – ерте көшпенділер кезеңінде жаңа күшпен көрініс берді. Мәдениет аясында болашақ сақ мәдениетінің негізгі нышандары қалыптасса, экономикада тәлімі егіншілікпен байланысқан жартылай көшпелі типті мал шаруашылығы пайда болды.

Қола дәуірінің ішкі мазмұнында өлкедегі ерте темір дәуірі ерте көшпелілерінің жарқын және төлтума мәдениетінің қалыптасуына алып келген дәстүрлер бірте-бірте жетіліп жатты.

SUMMARY

South Kazakhstan and Zhetysu (The land of seven rivers) during the Bronze Age were a part of territory where steppe tribes belonging to two largest in Eurasia cultural- and historical communities *Andronov and raised border on a vessel culture* lived. Three basic centers are distinguished in Andronov culture: 1 — western, 2 — central and 3 — east. Specific development of these centers has been caused by features of ecological order and cultural genesis.

Central and East centers influenced cultural and historical processes in South Kazakhstan and Zhetysu. Dependence on the different centers, various orientation of communication with the population of the adjacent territories, differences of geographical conditions are the factors which determined a dissimilarity of historical way of development of these two regions.

South Kazakhstan was inclined to Central Kazakhstan and during the Bronze Age was its rimland. Modeling of the processes taking place there recreates the historical picture coinciding

in main features. The scheme of culture development of the Bronze Age in these regions was common. In South Kazakhstan as well as in Central Kazakhstan there were monuments of all chronological stages and cultures. Here are distinguished monuments of *earlyalakul* (burial ground Bijlikul), *Alakul*, *Fedorov* (burial ground Karasiyr), mixed *Tautary* type and complexes of late Bronze of Tagisken type. At late stages of development in this region the influence of settled and agricultural oases of Central Asia increases. From now South Kazakhstan starts to play a role of the contact zone connecting cattlemen of an arid zone with farmers of the south.

Zhetysu entered the sphere of influence of east center of Andronov cultural and historical generality. The tribes of East Kazakhstan and Altai had the dominating influence on cultural and historical processes. The reasons of this affinity can be explained by similarity of ecological and geographical conditions, economical and cultural traditions and common metallic mineral base supplying with ore and ready bronze products all the territory of east center.

Studying archaeological material of the given region has allowed to mark here three periods in development of the Bronze Age: 1 — developed (average) bronze, 2 — late and 3 — final bronze.

The developed (average) Bronze Age (XV–XIII (XII) cc. BC) is presented by monuments of two types: 1 — Zhetysu and 2 — mixed.

Complexes of Zhetysu type are different by their cultural features and originality and cannot belong to any of known culture of Andronov circle. In our opinion, it is insufficient that taxonomic level (variant) of Andronov generality to which they have been referred to. Monuments of Zhetysu type on the basic cultural indicators (funeral ceremony, funeral constructions, ceramics) most precisely correspond to level of archaeological culture that does lawful their belonging to independent Zhetysu culture which was a part of Andronov culture. Time of its existence is not limited to frameworks of the developed Bronze Age. Separate monuments, probably, existed much more later.

Statistical analysis of burial grounds allowed to distinguish two main groups of monumants: 1 — piedmont and 2 — highlands.

The main characteristics for foothill necropolises are (burial grounds *Karakuduk*, *Mynshunkyr*, etc.) a

variety of types of fencings (7 types) and funeral constructions (27 types) where stone was used (plates, boulders). Among funeral constructions various variants of boxes (67,0 %) prevail like cyst from plates and boulders and the mixed constructions like cyst boxes.

High-mountainous burial grounds (*Ajdahar*, *Saty*, *Uzynbylak*) are different by big standardization of characteristics: fencings of two types were constructed only: 1 — rectangular (individual) and 2 — passage like divided into separate compartments (group). The constructions inside a burial grounds are presented by timbered frames to one wreath laid on a bottom of soil holes and blocks.

The main characteristic for monuments of both groups is not ornamented ceramics of two types:

1 — with smooth shaping of the trunk and 2 — with a ledge.

The origin of complexes of Zhetusy culture is connected with development of autochthonic traditions of the previous periods.

The monuments of mixed type (burial ground *Kapal*) differs by a combination of Zhetysu and Alakul characteristics. Occurrence of such complexes is connected with penetration of separate small groups of Alakul population from South or Central Kazakhstan in XV–XIII cc. BC. The presence of the mixed

type of monuments where Zhetysu and Alakul ceramics can be found confirms legitimacy of Zhetysu culture existence which was generated on a local basis, and as a result of mixing Alakul and Fedorov traditions. Alakul tribes had no forming value in the history of tribes of the Bronze Age of Zhetysu.

Historical and cultural processes in the given region proceeded under much more obvious influence of east Fedorov tribes that was reflected in occurrence of the general similar elements in funeral constructions, ornaments and ceramics. These connections were so close that allow to speak about ethnocultural unity of Altai and Zhetysu at a certain stage of historical development. In this Altai- Zhetysu region there was a formation seyimisk and turbinsk cultural phenomenon. Its initial metallurgical center was localized there and basic elements of cattle breeding mainly horse-breeding were developed.

The formation of Fedorov traditions took place in the same region, genesis of which has common basis with seyiminsk and turbinsk culture. Formation of both traditions occurred during the same chronological period that, in certain degree, is documented by a finding in Zhetysu burial ground of Mynshunkyr ornaments which combine fedorov, seyiminsk- and turbinsk lines (earrings of fedor type with a bell, decorated with

figures of two horses made in seyiminsk and turbinsk style).

The migration of late Fedorov tribes began in XIII c. BC and marked occurrence of such burial grounds as Zhylandy and Terenezek. Late Fedorov tribes occupy ecological niches (foothill and high-mountainous zones) where beams of Zhetysu culture lived that speaks affinity of their economic and cultural types. This process actuated Zhetysu inhabitants who in search of the unoccupied territories similar with former habitats got to the south — into Tajikistan, Pakistan and, apparently, into Sintszjan. In northern areas of Pakistan and Bactria they took part in formation of Svata and Bishkent cultures.

In late Bronze Age XIII (XII) — X cc. BC, on boundary of II—I thousands BC, as a result of climate change in an arid zone some global changes of cultural and economic order took place. Changes of habitant conditions led to the occurrence of new forms of economic adaptation — to formation of seminomadic and nomadic type of cattle breeding and active development of new territories.

During this period contacts with the Central Kazakhstan rapidly developed. Movements of Begazy and Sargary-Alekseevo tribes from the central areas of Kazakhstan had forming influence on

the development of the Bronze Age in Zhetysu. It is necessary to connect inclusion of Zhetysu with these tribes of the Central Kazakhstan into generality of *raised border on a vessel culture* and wide development of local ore base and occurrence of numerous treasures of metal objects.

The comparative and typological analysis and mapping of bronze products allowed to define their area and cultural accessory. As a result 3 groups of subjects are revealed:

1 group — the products having a wide geographical range and connected with an area of *raised border on a vessel culture* (knives-daggers with a ring emphasis, razors, sickles-mowers, plug chisels and etc.).

2 group — products that are peculiar for East center of Andronov culture and Central Asia (axes with a crest platen round the plug, adz with a ledge, knives with the isolated handle, shovels, sickles with edges and etc.)

3 group — products peculiar for Zhetysu center (kelt hammers, sickles with edges and scapes, earrings with a bell and decorated with figures of horses, etc.).

The initial impulse at Zhetysu centre formation came from seyiminsk-turbinsk center with which the origin of separate types of objects is connected (shovels,

tradition of using figures of horses as an ornament).

The further development of Zhetysu center has been caused by influence of metalcutting tradition which was especially popular during late Bronze Age. It is directly connected with popularity of such forms as an ax with a roller around plug, sickles with edges, knives with crosslines, earrings with a bell. As a result of their updating there were the products specific to Zhetysu which constitute the third group.

The new stage of local center development is connected with travel of tribes from the Central Kazakhstan during an epoch of late bronze. During this period Zhetysu metal working reaches its blossoming. Zhetysu treasures are dated XII–IX (VIII) cc. BC. Among them the youngest ones are Andreev, Sadovyi and Sukuluk-I which should be dated approximately X–IX (VIII) centuries BC.

A local ore base was widely used in the end of the Bronze Age what is proved by traces of ancient workings out on deposits of copper of a southwest part of Ile Alatau (Kindyktas, Shatyrkol), mountains Shu-Ile, Zhetysu Alatau and around a ridge of Ketmen. Cassiterite extraction was made in the northeast of Kyrgyzstan around the Sary-jazz and Satkala. This data allows to assume existence of not only the metal working

center, but also the metallurgical center in Zhetysu.

The end of the Bronze Age is the period of active integration processes. In Zhetysu at this stage the influence of karasuk and irmen population of South Siberia starts to be shown. Interaction of the innovations introduced by Sargary-Alekseevo and begazy population of Central Kazakhstan, and also South Siberian foreign culture traditions of local population led to formation of a new culture of final bronze — *buyen* (X–IX (VIII cc BC) in Zhetysu. This culture has obviously syncretic character. Buyen funeral monuments also differ by their special affinity to synchronous funeral complexes of Fergana (burial grounds of Vuadil, Karamkul) what, possibly, reflects existence of certain unity of these two regions. In final bronze there are close cultural and territorial contacts between cattle breeding tribes of Zhetysu and agricultural Central Asia, for example, with Chust shown in distribution of colored and easel ware on monuments of Zhetysu (a burial ground of Buyen-13, settlement Buyen and Terenkara). This system of communication which appeared in the end of the Bronze Age developed further during the subsequent epoch and has influenced cultural and historical processes proceeding in this region.

In the period of final Bronze Age new elements in culture and the economy were developed which appeared to be more influential at a following historical stage — during an epoch of early nomads. In the field of culture basic lines of sack future culture were formed, and in the field of economy there was a formation of seminomadic type of the cattle breeding combined with dry farming. The vertically zoned or mountain-nomadic way of cattle grazing developed at early stages of the Bronze Age as a result of gradual transformation of economic and cultural type under the influence of the reasons endogeneous order and was determined, first of all, by ecological conditions of inhabitancy.

In bowels of the Bronze Age the traditions which have given rise to bright original culture of early nomads of the early Iron Age developed.

КАРАБАСПАКОВА
КУЛЬТАЙ МУХАМЕДЬБЕНА

ЖЕТЫСУ И ЮЖНЫЙ
КАЗАХСТАН
В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Ответственный редактор

А.З. Бейсенов

Компьютерная верстка и дизайн

Е.Н. Калайчиди

В оформлении книги использованы фотографии из архива кафедры археологии, этнологии и истории Казахстана Карагандинского государственного университета им. Е. Букетова, а также из личных архивов К.М. Карабаспаковой, А.З. Бейсенова, А.С.Ермолаевой, В.В. Варфоломеева, Э.Р. Усмановой.

Сдано в набор 10.07.2011г. Подписано в печать 14.09.2011г.
Формат 84x108 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Уч.печ. листов 39,5 усл. печ. листов. Гарнитура «DS Svetlana».
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Хикари»
e-mail: info@hikari-ro.kz